

Мара Альм

Караван историй
или
женщина «жилетка»

Ростов-на-Дону

2020г.

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы – как истории планет.
У каждой все особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...

/Е. Евтушенко/

Глава первая.

Алармитское настроение

Все-таки деньги дают свободу. Чем больше денег, тем лучше, тем жизнь прекрасней и вольготней, чем меньше, тем... В общем, сами знаете или догадываетесь.

Я жила в относительном достатке, по моим понятиям, – не бедствовала, деньги не занимала, привыкла жить по средствам. По праздникам баловала родных и себя, любимую, деликатесами, а потом... сидела на хлебе и воде, причем не в переносном смысле. Однако не тужила, слез не лила, жила себе и жила. Как говорится - не имей сто рублей, а имей... Друзей у меня всегда было много, близких – ограниченное количество. В молодости девочки со мной дружили по причине моей непривлекательной внешности: на моем фоне они выглядели выигранно, в более старшем возрасте, когда все мои подружки выскочили замуж, и, зная две мои особенности – полное отсутствие зависти и застрезвонивание чужих тайн по всем частям света, меня использовали в качестве «жилетки» для слез, советчика, если сие необходимо и высказано моим визави, или для правильного восприятия радостной новости, озвучить которую ярым завистникам никак нельзя – из-за их «глазливости».

Но общения с друзьями-приятелями занимали малую толику моего времени, большую часть своей насыщенной жизни я проводила на работе или обеспечивала благами любимую маму и не менее любимых тетушек, коих у меня две. Моя бабушка, которую я никогда не видела, родила восьмерых детей, пятеро из которых скончались в раннем детстве, выжили самые младшие.

Одна мамина сестра, самая старшая из трех, в свое время занимала руководящую должность на большом производстве, работа занимала все ее мысли, на личную жизнь времени не оставалось. Она жила на «широкую ногу», много путешествовала, иногда баловала родню подарками, но не слишком часто, чтобы те не привыкали и не требовали. Тетушка держала родню на дистанции, пересекать «границу» дозволялось только ей, когда возникало желание или появлялась необходимость. Родня обиду не держала, довольствовалась редким общением, внимания не требовала, зависти не испытывала. Напротив, гордилась старшей сестрой, достигшей таких высот самостоятельно, благодаря уму и трудолюбию. Только в семьдесят лет труженица ушла на заслуженный отдых, сообразив – пора дать дорогу молодым, довольно цепляться за директорскую должность, нельзя доводить ситуацию до абсурда – утраивать козни конкурентам. Но тетушку искренне уговаривали остаться, однако она была неумолима. Тетушка вообще не любила менять своих решений. Так вышло и на этот раз. Оказавшись ни у дел, как я и предполагала, моя любимая родственница поняла, что она далеко не молода, что у нее масса хронических заболеваний, о которых ранее не догадывалась по причине сильной загруженности – голова была занята проблемами глобального характера. Она ни о чем не просила, тем более, ничего не требовала, я тактично вошла в ее жизнь и стала о ней ненавязчиво заботиться дабы не усугублять ситуацию. Тетушка скончалась в возрасте девяноста лет, имея живой ум, быструю мысль, непокорный характер, больное сердце и непослушные ноги. Скончалась во сне, чем потрясла меня: накануне, когда я к ней приходила, выглядела она прекрасно, много шутила и подтрунивала надо мной.

Другая тетушка, средняя из трех, вышла замуж в достаточно зрелом возрасте, успев потерять всякую надежду на счастливый брак. При всем при этом именно средняя сестра выглядела выигрышно перед другими сестрами – она была необыкновенно хороша собой, обладала сдержанным темпераментом, но и не была безмолвной амебой, поражала окружающих умом, никак не сочетаемым с внешностью, близкой к кукольной, располагала к себе благодаря прекрасному характеру, позитивному настрою и доброму отношению к людям. В общем, этот человек был соткан из одних положительных качеств, что вызывало недоверие у окружающих – быть такого не может, где-то

таится подвох. Однако нашелся мужчина, который принял эти качества на веру, не стал выжидать, наблюдать и проверять, быстро повел в загс. Тетушка не успела опомниться, как сменила статус – стала замужней дамой в возрасте сорока лет и получила супруга не абы какого, а высокопоставленного чиновника, оказавшегося, что удивительно – бессребреником (и такое бывает!). Предполагаю, что по этой причине он не стал объектом чрезвычайного интереса корыстных особ женского пола до встречи с моей тетушкой. Внешность у него была непривлекательной, мягко выражаясь. Но как утверждали все три сестры – с лица воду не пить. Несмотря ни на что, жили они безбедно благодаря небольшим потребностям, жили долго и счастливо, но детей в браке не появилось. Кажется, оба и не стремились к продолжению роду – наслаждались обществом друг друга. И не забывали обо мне – любили меня безмерно, безответственно баловали. Тетушка слыла знатным кулинаром, отлично готовила, особенно ей удавалась выпечка, я обязана была исполнять при ней роль дегустатора без ограничений. С младых лет мне внушали, что питаться надо правильно, однако понятия правильности у людей разнятся. В понятии трех сестер, правильно – это хорошо и много. Поэтому все три особы имели избыточный вес, я последовала их примеру - сколько себя помню, выглядела румяной булочкой. Но, несмотря на мою тучность, я всегда была прыгучим мячиком - находилась в постоянном движении, в связи с чем мой вес не достиг феноменальных значений, несмотря на обжорство. Я не сторонилась сверстников, легко включалась в любые игры, была покладистой, открытой, благожелательно настроенной даже к заядлым хулиганам, находила к ним подход и как бы перевоспитывала. Наверное, благодаря моему позитивному настрою я никогда не удостоивалась различных прозвищ, типа толстой коровы и того хуже – свиньи перед забоем. А если кто-то позволял ляпнуть в мой адрес обидное слово, сразу же получал нахлобучку от моих «подопечных».

Доброжелательность я унаследовала от средней тетушки, прихватив в придачу глаза, карие с золотинкой, выразительные и манящие – со слов моих друзей. На этом вся моя привлекательность исчерпывалась. Внешне я больше напоминала старшую тетушку, от которой я в добавок прихватила целеустремленность. Но вкупе с добротой и покладистостью, чего не было у «источника», целеустремленность быстро разбивалась о жалобы, высказанные моей матерью, которые

постоянно вносили коррективы в мои планы, если не сказать – утихомиривали планы иногда в зародыше, иногда по мере продвижения к цели, иногда на подходе к ней.

Нет сомнений, что у моей матери, как и у большинства взрослых людей, имелись хронические заболевания, вот только заболевания эти были такими завуалированными, что их никак не мог обнаружить ни один специалист. Но о проблемах со здоровьем постоянно говорилось вслух, как говорилось вслух о специалистах, которые ничего не знают, ничего не понимают. Я нисколько не сомневалась, что все ее хронические заболевания, опасные и ведущие к близкому концу, своего рода спекуляция. Но я остерегалась высказывать собственное мнение, молча выполняла приказы, чаще опережая их, чтобы не нарваться на двухчасовую лекцию с привычным началом – «я вырастила тебя одна, никто мне помогал(?), отказывала себе в самом необходимом, и вот теперь, на старости лет, получила «благодарность»...

Своего отца я не знала. И никогда им не интересовалась, не желая слышать явную ложь про космонавта или капитана-подводника. Жили мы с мамой скромно: на мамину зарплату библиотекаря сильно не разгуляешься. Помогали «поддерживать штаны» тетушки, особенно заботилась о нас средняя мамина сестрица. Предполагаю, что материальная поддержка случалась бы чаще, но моя мать принимала ее с таким обиженным видом, что возникала взаимная обида, которая, к счастью, быстро забывалась. Можно подумать, тетушки требовали что-то взамен или показательно выставляли дары в виде благотворительной помощи нищим, ни боже мой, все проходило тактично. Мама могла бы отказаться, но она и не отказывалась от помощи, не искала другую более высокооплачиваемую работу, хотя, старшая сестра предлагала ей хорошую должность на своем предприятии, в общем ничего не предпринимала для улучшения нашего благосостояния. И чего добивалась своими обидами, тоже не понятно. В этом была вся моя мать, натура противоречивая: сама не знаю, чего хочу, но то, что вы мне предложите, меня заранее не устраивает.

После окончания школы я сразу пошла работать на завод и поступила на заочное отделение института машиностроения. Меня взяли «девочкой на побегушках», потом присвоили уважаемое звание

инженера, вскоре посыпались регалии в виде категорий по возрастающей. Там же на заводе я встретила свою любовь. Долго боялась познакомить мать со своим избранником, сделала это когда мы подали заявление в загс. Не сказать, что мать приняла будущего зятя в штыки, но благосклонности не выказала. У нас стоял выбор – жить с его родителями или с моей мамой, человеком нездоровым и нуждающимся в постоянной заботе и внимании. Мой муж не горел желанием окружать тещу заботой и вниманием, но в квартире его родителей проживала еще старшая сестра с мужем и ребенком, поэтому выбор пал на квартиру моей мамы. Жить на нейтральной территории – снимать жилье – я не имела морального права: мама воспитывала меня одна, отказывала себе в самом необходимом...

Я старалась ограничить общение мужа и мамы, мечтала, чтобы они шли по жизни в параллельных направлениях, но этого не могло произойти, потому что линии-направления пересекались в одной точке – во мне, а раз линии пересекаются, то они не являются параллельными. Мама себя не сдерживала, высказывала свое возмущение «поведением этого гражданина» днем и ночью, накручивала меня, я, будучи человеком терпеливым, помалкивала, старалась не заикливаться на ее осуждающих монологах, но иногда срывалась, естественно, на супруге, - воспитывала его чужими словами, не имея в запасе своих. Итог был заранее известен: муж выдержал полгода и сбежал, но напоследок с чувством сказал: «Я так тебя любил, а ты...»

Продолжения я не услышала, так как в прихожую выплыла теща, получившая отставку вместе со мной. Теща с брезгливостью держала двумя пальцами носки моего мужа. Приблизившись к чемодану, который стоял посередине прихожей, теща, поморщившись, бросила носки на чемодан, после чего подтолкнула ногой чемодан в сторону зятя, вдруг замешкавшегося перед дверью и вздумавшего что-то объяснять. Зять вспыхнул, но промолчал. Сграбастал чемодан и отчалил к другому берегу. Моя мать захлопнула за ним дверь, пробурчала под нос «наконец-то» и оставила меня в прихожей со своими горестными мыслями.

В расставании я винила только себя, за счастье надо было бороться. Может быть, я не любила своего мужа или любила как-то не так, как

надо любить, потому в соперничестве двух близких мне людей победителем вышла мать. Она же помогла сделать мне выбор.

Обе тетушки в мою личную жизнь никогда не вмешивались, и со своей сестрой, моей матерью, не обсуждали, не пытались сестру вразумить. Сестры любили друг друга, но без навязчивости и без лишних слов. Мне иногда казалось, что не будь меня, они перестали бы общаться. Я была их связующим звеном. Я любила всех трех сестер одинаково, несмотря на то, что благодаря одной из них я появилась на свет. Они тоже любили меня искренне, но каждая по-своему: кто-то эгоистично, кто-то волнообразно, как старшая тетушка, погруженная в свои дела и заботы, кто-то делил любовь на две части, одна из которых предназначалась мне, вторая - супругу: речь идет о замужней сестре моей матери.

После развода с мужем, в моей жизни ничего не изменилось, кроме того, что заботиться нужно на одного человека меньше. Я любила жизнь, любила свою работу, куда ходила как на праздник, с радостью, желанием и хорошо одетой. С годами ничего не изменилось. И принципу – как ты относишься к людям, так люди относятся к тебе – я продолжала следовать.

На личном фронте все оставалось без перемен. Мужчины в мою жизнь врываются и уходили, благо, не сбегали без оглядки, и то хорошо. Кому нужна женщина, которая способна убежать по звонку в самый неподходящий момент. Женщина, у которой на первой месте были и будут три далеко немолодые родственницы.

И во что странно: когда у меня случалась полоса свободы от мужчин, никто меня не донимал звонками и просьбами, никому от меня ничего не было нужно, но как только мужчина появлялся, всё повторялось, хотя, я никаких объявлений в местных газетах не размещала. Это шутка юмора такая. С чувством юмора у меня все в порядке, именно благодаря данному чувству я всегда держала себя в узде, а не рычала, не кусалась, не бросала все в чертовой матери и не уезжала куда подальше от проблем. А так хотелось бросить, уехать, лежать на горячем песочке и ни о чем не думать. Вернее – ни о ком. Увы, я не имела морального права так поступать, не могла не думать о своих девушках. Я обязана... Ой, не хочу перечислять свои обязанности, без всяких прав. Вот такая местно-квартирная конституция.

Слаба богу у меня хватило ума не отказаться от квартиры, которую мне в свое время предоставило любимое предприятие, которому я служила верной и правдой долгие годы. Но продолжала жить на два дома – то у себя, то у мамы.

Синдром хронической усталости подбирался незаметно и дал о себе знать полным безразличием к жизни в тот момент, когда я осталась одна на всем белом свете, когда исчезла необходимость заботиться о моих родных.

Не сказать, что уже старуха, пусть и не молода: возраст подобрался к цифре пятьдесят.

Ко мне прилагались три квартиры от моих любимых и родных людей. Поначалу я порывалась продать недвижимость – зачем мне аж три квартиры, мне и в своей неплохо живется, но цена на вторичное жилье сильно упала, отдавать за бесценок я не собиралась. В крупный промышленный центр потянулись люди из мелких городов в поисках работы, кому-то повезло больше, кому-то меньше. Те, кому повезло больше, перевозили свои семьи, прежнее малогабаритное жилье их не устраивало, возникала необходимость в больших квадратных метрах, но приобрести собственное жилье пока не имели возможности, что было мне на руку. И я решила сдавать унаследованные квартиры внаем. Все-таки неплохие денежки – дома находятся в центре города, но вдали от шумных дорог, народ в домах проживает в основном состоятельный, приличный. Все три унаследованные квартиры расположены неподалеку друг от друга и недалеко от меня. Цены я установила не запредельные, чтобы поскорее завершить дело со сдачей внаем и начать новую жизнь. Подобрала приличных и беспроблемных квартиросъемщиков, оформила все необходимые бумаги, чтобы не возникло вопросов у налоговых органов, посчитала свой стабильный ежемесячный доход и пришла к следующему выводу: пора подумать о себе.

Пора-пора начинать новую жизнь – праздную.

Что для этого нужно? Мой ответ некоторым людям покажется неразумным, но пришла пора показать свою целеустремленность, пора хоть раз прийти к цели, исполнить свое желание. Как бы я не любила свою работу, мне надоело подниматься в шесть утра, спешно

завтракать, собираться и бежать на предприятие сломя голову. Работать без усталости тоже надоело, надоело плестись домой и падать без сил. Мне всё надоело. Хочется праздной жизни, и я этого не стыжусь. Кто всю жизнь вкалывает без передыха, тот меня поймет.

Хочется всего и много, хочется мир посмотреть, познать новое неизведанное, а потом будет видно. Будем двигаться от цели к цели.

Не раздумывая по привычке неделю-другую, я скоренько настрочила заявление об уходе по собственному желанию, терпеливо выслушала нескончаемые уговоры, но решения не изменила – сама поразились своей непоколебимости. Все-таки что-то у меня есть от старшей тетушки.

И вот я вольная птица.

Неделю я провела в ничегонеделании, потом навела в квартире марафет и задумалась, куда бы мне рвануть. Какую страну мне очень хочется посмотреть? Склонялась то к одной, то к другой, затем решила повременить. Просто погулять в парке, подумать, мысленно философствовать о смысле жизни, естественно. И чтобы вокруг ни души: устала я от людей, от тесного общения, от постоянного напряжения, от скорости во всех делах, домашних и производственных. Всегда и всюду торопилась, везде успевала, потому что так воспитана - выполнять поставленные задачи, всем угождать, никуда не опаздывать, не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Не сказать, что правильная – эталон поведения - во всем, но старалась не огорчать главного воспитателя и иже с ним. Сейчас его, воспитателя, нет на этом свете, а я по привычке живу с оглядкой на него – что сделала не так, что не так сказала и вообще – правильно ли поступила в данном случае, ведь только труд облагораживает человека, заставляет его сделаться лучше...

Боже ж мой, какими всякими-разными штампами забита моя бедная головушка! Может быть, уже хватит? Довольно? Может быть, надо жить своим умом? Тем более, начало положено.

Я пыталась наслаждаться теперешней жизнью. Каково – пыталась! Звучит так, как будто меня кто-то в спину толкал – а ну-ка, быстро наслаждайся! Изображай превеликое счастье от непривычного тунеядства!

Я не думала о настоящем, не строила планов на будущее, не ворошила прошлое – опять же пыталась всеми своими силами, чтобы не погрязнуть в унынии, старалась размышлять о чем-то постороннем, что-то себе придумывать, словно я писатель и строю развернутый план своего будущего произведения. Но невольно возвращалась к себе, к своей жизни, к своим переживаниям, не могу я сразу взять и измениться, превратиться в более-менее обеспеченную особу, наслаждающуюся праздностью, которая валяется в кровати до полудня, затем таскается по салонам красоты, после посещает некое развлекательное мероприятие, возвращается домой далеко за полночь и... С полудня всё по новой. Круговорот тунейдкой жизни в природе.

Не по мне такая жизнь!

Надо взять билет куда-угодно – ткнуть пальцем в карту мира, сесть с авиалайнер и забыть обо всем, подготовиться к приключениям... А хочу ли я приключений... на свою голову, уставшую от проблем и забот.

Я бродила по аллеям парка в дневное время, когда старики и дети предпочитают отдыхать, а рабочий люд трудится, и снова возвращалась в прошлое, как будто настал час подведения итогов. На ум приходили смешные и трогательные моменты из детства. Детство плавно перекатывалось в молодость, счастливую и насыщенную событиями. Молодость, что не удивительно, связана с моим первым и единственным мужем. Как известно, прошлое не терпит сослагательного наклонения, но я все равно представляла себе, как бы далее развивалась наша совместная жизнь, если бы мы не расстались на заре отношений. Мое сердце ни разу за все прошедшие годы не екнуло при воспоминании о бывшем супруге. Ни разу при знакомстве с мужчиной-тезкой, я не подумала, что так же звали моего мужа, словно этого человека никогда не было в моей жизни. Он был, но следа не оставил. Получается, никаких чувств я к нему не испытывала? Тогда зачем выходила за него замуж? В отместку матери, которая нашла массу причин для нашего расставания до пересечения порога загса? Своего рода первое в моей жизни революционное восстание? Спрашивается, кому я сделала хуже? Впрочем, никому: ни он, ни я не умирали от переживаний. Ни он, ни я не стремились встретиться и поговорить, просто как два старых друга, некоторое время тесно общавшихся.

И правильно, что не стали тянуть с расставанием – не успели прирасти друг к другу, что называется, мясом. Но маме я никогда не говорила спасибо на ее вмешательство в мою ЛИЧНУЮ жизнь: каждый индивид сам вправе решать, что ему хорошо, что ему плохо, об общих нормах поведения в данном случае речь не идет.

И с какой стати я все это перемалываю?

Неужели мне нечего больше вспомнить из прошлого? Были и более позитивные моменты. Видимо, мой брак был чем-то особенным в обыденной жизни раз сразу пришел на ум.

С настоящим все более-менее ясно, подумаем о будущем.

Будущее рисуется мне красочным и... однообразным, несмотря на желание к путешествиям, к познанию мира, к знакомству с новым людьми... Хочется быть интересной всем и в тоже время не эгоистничать – раз мне этого не дано - интересоваться другими людьми, их жизнью. И как сие претворить в жизнь? По мне так это выглядит как-то... по-старушечьи: сидишь на скамейке у дома и лезешь к каждому прохожему с разговорами, затем работаешь передаточной станцией.

Не по мне всё это. Интерес должен быть другим...

Ну, почему в голову снова лезет бывший муж? С чего вдруг я о нем постоянно вспоминаю? Не случилось ли чего? Нет, я не переживаю, просто хотелось бы узнать, как сложилась его жизнь? Почему, нет? Как говорится, ничего личного, обычный интерес.

Интересный интерес...

Вернувшись домой, я нашла в телефонной книге номер его домашнего телефона - по этому адресу он жил еще до нашей свадьбы с родителями и семьей сестры - и позвонила, особо не надеясь на удачу: все-таки столько лет прошло, родителей давно нет в живых, дети продали квартиру и разделили наследство. И вообще, кто в век мобильности пользуется стационарным телефоном?!

Когда я услышала длинные гудки, едва сдержалась, чтобы не отключиться. Но трубку подняли быстро. Сначала я растерялась, потом брякнула, можно ли к телефону – назвала по имени и отчеству, не успев представиться старой знакомой, как решила заранее. И замерла,

услышав скорый ответ: он скончался пять лет назад. Инфаркт. Видимо, женщине на том конце провода было проблематично обсуждать болезненную тему, поэтому она тотчас отключилась, не задав ответный вопрос. Голос у женщины был немолодой, наверное, это была вдова моего бывшего мужа. Ему повезло больше, чем мне, если так можно говорить о человеке, ушедшего в мир иной в относительно молодом возрасте. Но он познал настоящую любовь, вполне вероятно, что в браке с любимой и любящей женщиной у него появились дети...

По-человечески мне жаль, что он ушел так рано.

Почему-то старые люди относятся к смерти философски-терпимо – мол, все там будем. Молодежь вообще на эту тему не заморачивается – уход из жизни где-то там, далеко-далеко... То ли дело мы, люди среднего возраста – уже не молоды, но и списывать нас пока рано, однако данная тема тревожит в той или иной степени, заставляет задуматься о своем здоровье. Кто-то бежит к врачу, кто-то убеждает себя, что у него нет никаких проблем со здоровьем, он бодр и полон сил, даст фору молодым с пониженным иммунитетом. Но в тайне принимает какие-то поддерживающие препараты, чтобы голова работала, чтобы утихомирить хронические заболевания, о которых он знает и умалчивает, делает тайну для окружающих.

А как быть с хронической усталостью? По этой причине я ушла в работы. По этой причине я не нахожу в себе сил, чтобы насладиться жизнью в полной мере, не предпринимаю непривычных для меня «бросков на длинные дистанции», всё думаю – я выдержу ли, а не случится ли со мной чего-нибудь в поездке, ведь смена часовых поясов, резкая смена климата – это вам не фунт изюма для зрелого организма.

Как там говорилось в одном старом кинофильме? Во всем поможет коллектив? У меня иначе – хочу побыть в одиночестве, договориться сама с собой, понять, чего я хочу.

И пусть я постоянно копаюсь в прошлом, ничего страшного, пройдет и эта полоса воспоминаний. Вдруг взгрустнулось? Всё проходит, пройдет и эта грусть, после дождя всегда светит солнце.

Много чего не сделано, много чего хочется, много чего предстоит сделать и испытать в будущем... Кому? Мне-то? Одинокой толстой тетке? Одинокой и никому ненужной?

Я несколько не удивлена, что друзья превратились в бывших коллег, которые обо мне незаметно забыли после моего увольнения. Я никого не виню, вообще не привыкла обвинять кого-либо и оплакивать свою судьбу.

Раз мой материальный достаток увеличился, а времени свободно полным-полно, то я могу наслаждаться жизнью... по моим меркам: каждый привык довольствоваться тем, чего способен достичь, прикладывая силы или не прикладывая особых сил – плыть по течению... Вот в этом я вся! И куда же подевалась целеустремленность, полученная в наследство?

Но и по течению можно плыть по-разному: плыть себе и плыть, или направить движение к какому-то берегу, плавно и осторожно, чтобы не шарахнуло о неожиданно появившуюся из тумана скалу, да так, что потом костей не соберешь. А причаливать к берегу рано или поздно придется.

С чего я начала свое повествование? Деньги дают свободу... Представляю, как бы высмеял мой материальный достаток миллионер-миллиардер, сказал бы – курам на смех. У каждого – свои куры, у кого-то веселчаки, у кого-то... тоже не плачут.

Многие привыкли ползать, поэтому летать не стремятся. Это Максим Горький в своем известном творении высказался более категорично, в жизни все иначе, тут главное – желание: безмерное, уверенное, или слабое, импульсивное, или, вообще, его отсутствие.

Кстати, о полетах! В данном случае никакой философии, речь идет о полетах на авиалайнерах: я страсть как боюсь летать. Многие люди страдают авиафобией, как и я, но моя авиафобия накладывается на клаустрофобию и получается взрыв, схожий со взрывом ядерной бомбы. Выход есть – можно путешествовать на поезде в доступные для железнодорожного сообщения места. В поезде я выдержу не более суток. Фанатичного поклонника чистоты и гигиены – это я о себе – сутки в поезде приведут к нервному расстройству – тихому психозу, выбираться из которого я буду неделю. Вопрос – стоит ли игра свеч? И еще один вопрос, который предпочитал задавать мне мой демократичный начальник: что ты предлагаешь?

Ответа у меня пока нет... И вряд ли он появится.

Хотели лучше, получилась как всегда: парализованная старушка у новехонького корыта. И корыто вполне себе пригодное, и стирать в нем нет никакой возможности.

Перефразирую предыдущий вопрос - что ты предлагаешь? – хочу разобраться и понять, что теперь делать? Возвращаться на работу? В принципе, меня примут с распростертыми объятиями: исполнительный работник, инициативный, ничего не требующий.

Но я не вернусь. Пусть я не «стойкий оловянный солдатик» на все сто процентов, это я о характере, но своих решений предпочитаю не менять, за редким исключением. Сейчас не тот случай...

Несмотря на уговоры, еще неделя прошла в самобичевании – я пыталась разобраться, что со мной не так, почему жизнь сложилась так, а не иначе – позабыла про свою установку касательно запрета на «археологические раскопки» в далеком и не совсем далеком прошлом.

Эдак можно дойти до края и рухнуть вниз.

Моя творческая натура живо нарисовала себе печальную картину: я умерла и пролежала в квартире целую вечность, превратившись в египетскую мумию, но без «начинки». Найдутся дальние-предальные родственнички, которые заграбастают все мое имущество. Впрочем, мне не жалко – мне будет все до лампы.

А где они, мои дальние родственники? Ау! Я и сейчас готова вам помочь морально и материально. Я не жадная.

Надо заняться поисками... совершенно чужих мне людей, с которыми у меня нет ничего общего, кроме ветвей генеалогического дерева, никем, увы, не составленного.

Ключевое слово – чужих, дополнительное – нет желания.

Пыталась учить стихи поэтов-классиков – мозги тренировала, чтобы не закислились. Умилялась, восхищалась гениальностью – поэтов!, цитировала с театральным пафосом, изображая стареющую актрису МХТа советских времен. Развлекалась, пусть притянуто-неискренне.

Оказывается, одиночество не так прекрасно, как я его себе представляла. То ли дело общение с людьми, разнохарактерными, с каждым по-своему интересными, но... знакомыми мне до скукоты.

То ли дело люди незнакомые. Ты слушаешь, удивляешься до глубин мозговых и душевных.

Кажется, я схожу с ума. Представляю себе – выхожу я на улицу и начинаю цепляться к каждому встречному с диким предложением – давайте поговорим по душам! Вы меня не знаете, я вас не знаю, тем занимательнее и более открытой выйдет наша беседа! Ничего нового – аки временные попутчики в поезде. Выйдем каждый на своей станции и забудем друг о друге, но оставим едва уловимое чувство, схожее с чувством выполненного долга.

Или все-таки взять билет на поезд и ту-ту? Как-нибудь выдержу с утра до ночи ради общения с интересным человеком с занимательной судьбой.

Почему-то сразу представился мужик с трехдневной щетиной, в майке-алкоголичке, в трениках с вытянутыми коленками и запахом перегара в придачу со стойким запахом пота, валящими с ног.

Замутило. Но быстро прошло.

Решила стать блогером. Создала себе страничку в социальных сетях, попыталась общаться. Быстро охладела - не моё! Нужна специальная атмосфера, глаза в глаза, с чайком-кофейком, с задушевыми разговорами, смехом, слезами, минутным перерывом, а потом опять...

И что делать? – спросили мы с Чернышевским. Но он раньше спросил. Кто раньше спросил, кто позже – это к Гоголю...

Ночь прошла без сна, я пыталась найти выход из создавшейся ситуации. Крутилась, вертелась, ходила-бродила и, наконец, когда природа начала просыпаться и робко запели птицы, я нашла его, тот самый выход. А найдя, крепко заснула и продрыхла до полудня. Но при всем при том, загадала – пусть во сне мне придет подтверждение правильности моего решения. Увы, я спала без сновидений-подтверждений. Или попросту не вспомнила, что мне снилось.

Данную привычку – загадывать сон перед каким-то ответственным днем я переняла от матери. Можно не верить, если не принимать в этом действе косвенное участие – мне доставалась роль слушателя, хотя, дело касалось меня напрямую.

Так перед моим поступлением в институт мама загадала, какие оценки я получу на вступительных экзаменах. В ту пору билет в автобусе стоил пять копеек, в троллейбусе – четыре, в трамвае – три. Надо понимать, что «трамвайный билет» меня никак не устраивал – проходного балла на выбранный факультет я бы не набрала. Маме приснилось, что она рассматривает свою ладонь, на которой лежат пятикопеечные монеты. Так и вышло – все вступительные экзамены я сдала на «отлично».

Этот момент стал самым запоминающимся, но были и другие, не столь значимые. Надо сказать, что мама данную свою способность не использовала на полную катушку, не разменивалась по мелочам. Не скрою, я полностью доверяла ее снам, не будучи суеверным человеком и человеком, легко внушаемым. Но случались и исключения. Правильнее – исключение, в единственном числе. Данным исключением стала моя свадьба, тоже единственная в моей жизни. Прям, не жизнь, а сплошной эксклюзив!

Когда мы подали заявление в загс, мама, естественно, обратилась за подсказкой – перед сном загадала, будет ли наш брак счастливым, долго ли он продлится... Ей приснилось, что я родила шестимесячного малыша, и он умер. Естественно, мама сразу мне доложила – так мол и так, не надо тебе, дочь, выходить замуж, прислушайся к моим словам и всё в этом духе... Надо ли напоминать, что мой брак продлился полгода.

Сама я пыталась загадывать сны, желая получить ответы на мучавшие меня вопросы, но то ли событие были не архиважным, то ли как-то неправильно формулировала вопросы, но каждый раз мне снилась всякая чепуха, не имеющая отношения к проблеме. В итоге я перестала обращаться к подсказкам методом вещих снов и больше к подобной помощи не прибегала, тем более, рядом со мной всегда был активный помощник в лице моей мамы...

И вдруг вспомнила о вещих снах именно в этот момент, который без всякой натяжки можно назвать переломным в моей жизни.

Как говорила моя старшая тетушка: не было печали, черти накачали. В роли черта моя персона, уставшая от однообразия и постоянного раболепства.

После пробуждения я долго сидела на кровати, пытаюсь хоть что-то восстановить в памяти. Кажется, во сне я ехала в поезде – что не

удивительно после стольких «пережевываний» одного и того же. Не скажу, что моим попутчиком по купе был пахучий мужичонка, кто-то другой, но кто и что он или она мне вещал(а), я так и не вспомнила. Я силилась восстановить по памяти свой сон, в голове что-то мелькнуло, погасло и снова мелькнуло Кажется, вместе со мной в купе находилось... что-то маленькое, но не дитя... Карлик что ли?

Точно, карлик, симпатичный до умиления. Я невольно улыбнулась, не так от радости внезапной восстановления памяти, как от одного вида милейшего человечка.

Если карлик, пусть симпатичный, то что это значит? Что мне дает это сновидение?

- Мне приснился карлик, - тягуче высказалась я вслух, чтобы поспособствовать развитию мыслительного процесса. - Он был милым и приятным, - настороженно добавила я и с опаской осмотрелась, не желая увидеть рядом с собой выше упомянутого карлика, пусть и симпатичного.

Если у мамы всё выходило просто и доходчиво, ярким пример тому – стоимость проезда в автобусе, то у меня всё еще больше усложнилось. Или мама сама трактовала свои сны по собственному усмотрению, как ей было выгодно? Но в чем я точно уверена - свои сны она пересказывала точно, не сочиняла, получала ответ на свой четко сформулированный вопрос.

Вот и я получила ответ, ответ пространный, теперь придется поломать голову. А без конкретики никак нельзя? Хотелось бы – четко, ясно, с расстановкой – черным по белому.

Впрочем...

Я поднялась с насиженного места и взялась за смартфон. Решила обратиться за помощью к известному всезнайке – Интернету. И быстро нашла простой ответ на мой вопрос – к чему снится карлик приятной наружности: впереди вас ждет интересная жизнь, которая позволит вашим способностям постоянно развиваться.

Окрыленная и вдохновленная я запрыгала на месте, радуя соседей снизу. Быстро угомонилась и отправилась завтракать или обедать – кому как. Аппетита не было, я мысленно порадовалась – авось похудею,

выпила две чашки крепкого кофе без сахара и погрызла овсяное печенье. Окончательно проснулась, отправилась в ванную, приняла контрастный душ и взялась за работу.

Долго составляла объявление, чтобы разместить его на своей страничке в социальной сети. Наверное, со стороны походила на поэта-безумца, нещадно расправляющегося со своими шедеврами – для начала решила написать объявление на бумаге: возрастная привычка, от нее никуда.

Не знаю, сколько бы времени продолжалось соревнование в корявой каллиграфии и переписывании текста, но меня отвлек телефонный звонок. Мои квартиранты из бывшей маминой квартиры сообщали, что в срочном порядке покидают город...

Я не расстроилась, я порадовалась – все что не делается, к лучшему. Теперь у меня есть место для встреч с незнакомыми людьми, которые откликнутся на мое предложение «поплакаться в жилетку», стать «попутчиком»: существуют проблемы, о которых не расскажешь близким людям.

Новость добавила убедительности в правильности выбранного пути. У кого-то стакан наполовину пуст, у кого-то – наполовину полон. У меня – наполовину полон, я настроена позитивно, чего давненько не бывало.

Покончив с объявлением и разместив его в социальных сетях, я решила не останавливаться и подкрепила свои попытки перевернуть свою жизнь, действуя по старинке: распечатала объявление на принтере. Вдруг кто-то из заинтересованных лиц не пользуется Интернетом. Я предполагала, что моими «попутчиками» станут «девушки» вокруг моего возраста, одинокие и несчастные. Последние меня мало привлекали – ничего нового я от них не услышу – одни жалобы на жизнь, болячки и соседей. Но и такие люди нуждаются в поддержке. А терпения мне не занимать.

Поздним вечером я выскользнула из квартиры со стопкой объявлений в руках и тюбиком клея. Будучи законно послушной гражданкой наклеила свои листки в специально отведенных местах – на досках объявлений.

Всю дорогу я ловила свои брюки, которые некрасиво спадали с моей так называемой талии – с того места, где она должна быть. Вернувшись домой с чувством удовлетворения от правильного начала нового этапа моей жизни, я удосужилась взглянуть на себя в зеркало и пришла к выводу, что сильно похудела, специально ничего для этого не делая, не зацикливаясь на старой проблеме.

Надо проблему отпустить, и она решится сама собой.

Сколько раз я слышала эту фразу, но она никогда не претворялась в жизнь. Я предпочитала действовать, а не сидеть сложа руки. При моей мобильности и отсутствии привычки, как у Пушкинского Троекурова, страдавшего от обжорства два раза в неделю, - я вообще ни-ни, никогда не наедалась до отвала с тех самым детских времен, когда меня закармливали выпечкой, - не могу понять, откуда появлялись и появлялись лишние килограммы. Всё мое окружение удивлялось странностям моего организма и, я так думаю, в тайне предполагало: это она при людях жуёт корочку хлеба, а наедине с собой пилит все подряд. Да, пупсик с румяными щечками плавно превратился в пышечку, дамочку с избыточным весом, пусть не отталкивающего вида, но все же.

Впрочем, пусть мое окружение строит за моей спиной свои предположения, лишь бы не заскучало. Зачем мне рассказывать каждому встречному-поперечному, что я «жую корочку хлеба» и запиваю водой не только прилюдно, но при полном отсутствии соглядатаев, время от времени устраиваю разгрузочные дни, и вообще живу по принципу – скудный завтрак съешь сам, обед подели с другом, ужин отдай врагу, в общем, ничего нового - вся жизнь борьба.

Итак, все мои попытки сбросить вес были тщетными, и вдруг...

Напольные весы явно привирали. Я перепроверила, убедилась, что нет, не врут – я незаметно сбросила десять кг. И это за неполный месяц!

Оказывается, в любом возрасте жизнь только начинается, главное – верить, не терять надежды и убеждать себя в этом...

Раз моя «помощь» в виде душевной беседы «без передачи» и без навязывания своего мнения вместе с советом ничего не стоит в

материальном плане – я не профессиональный психолог, я – «жилетка» для слез, держатель чужих тайн, молчаливый слушатель, по необходимости открывающий рот, в общем, одна в нескольких лицах, - то я очень рассчитываю на скорое появление человека, заинтересованного в нашем разговоре.

И мои надежды оправдались раньше, чем я думала, я даже не успела перейти в фазу волнительного отчаяния. Поэтому слегка опешила от неожиданности.

Моим первым... как бы его назвать? Клиентом? Слишком официально. Еще скажи – пациентом! Другом? Неискренне... Исповедателем? Он или она приходят ко мне исповедоваться - много на себя беру... Если человеку умеренно вольготно пребывать в этом мире, он вряд ли поспешит к постороннему индивиду для пустопорожней болтовни, от нечего делать, скорее, человек испытывает некую проблему, с кем-то поделиться не может ввиду какой-то своей заморочки, но проблема уже выходит из берегов, усугубляя психическое состояние... Скрытым психом я точно называть его не буду... А почему я вообще должна как-то его назвать?! Зачем называть именем нарицательным? У каждого обратившегося ко мне со своей проблемой есть имя, пусть вымышленное, есть фамилия, которую он может назвать или не назвать – по его усмотрению, в любом случае, я не официальная организация, но... обращаться к нему как-то обязана. Я не могу сказать ему в начале нашей беседы просто «Вы», тем более, не могу употребить слова «девушка», «женщина», «молодой человек», «мужчина» и т.д.

Итак, первой позвонившей стала Адель Прошкина. Так она назвалась в телефонном разговоре. Как я уже говорила, мне, в принципе, без разницы, правду она сказала или присочинила. Могу предположить одно – Адель достаточно молода, раз обошлась без отчества. Я заключила сама с собой пари и проиграла: думала, что первым человеком, обратившимся ко мне, будет женщина чуть старше меня, от которой ушел муж, ушел к молодой и безнравственной. Но пока я не увидела Адель и не услышала ее историю, отдавать кому-то пальму первенства рановато.

Голос в трубке был приглушенным, неразборчивым был голос, как почерк доктора со стажем. Но суть я поняла – Адель прочитала мое

объявление в Интернете и хочет со мной поговорить. Переспросила, бесплатна ли аудиенция, именно так и сказала. Я подтвердила – бесплатно. Тогда она поинтересовалась – зачем мне это нужно? Зачем забивать себе голову чужими проблемами? Я пояснила: так сложились обстоятельства, что я оказалась в полной изоляции, растеряла родных и друзей (слегка слукавила), меня тяготит подобное состояние - привыкла оказывать посильную помощь разного рода, иногда откровенный разговор помогает похлеще чудодейственного средства. Адель была со мной полностью согласна, даже чуть повеселела, по крайней мере, голос стал бодрее, а не остался потухшим, как у тяжелого больного.

Я назвала ей адрес места, где должна пройти «аудиенция» – бывшая квартира моей мамы, откуда съехали квартиранты, Адель медленно повторила за мной адрес, потом сказала, что запишет, не особо полагаясь на свою память. Я тоже повторила, чтобы она ничего не перепутала, например, номер дома с номером квартиры. Девушка явно была чем-то расстроена, оттого и рассеянна.

После разговора я, без особый переживаний, сделала вывод, что Адель Прошкина передумает приходить ко мне для разговора. По ее голосу я поняла, что она не до конца приняла решение, а мой пространственный ответ, исключая материальные взаимоотношения, показался ей подозрительным: с чего вдруг я оказалась в полной изоляции? Вдруг у меня какая-то заразная болезнь, потому и все друзья от меня отвернулись.

Может быть, стоит ей перезвонить и как-то объяснить свою изоляцию, выбранную без принуждения от кого-либо, а по собственной инициативе? А не станет ли только хуже после звонка с объяснениями? Моя навязчивость произведет обратный эффект, если человек не выносит напора.

Пусть будет так как будет.

И все-таки, мне бы очень хотелось, чтобы Адель не передумала и пришла.

Перезвонить? Перезвонить и сказать ей что-то... убедительное. Но что я подразумеваю под убедительностью? Если ты мне честно во всем признаешься, я «тучи разведу руками» - все твои проблемы мигом улетучатся, как эфир из неплотно закрытой колбы? Или так, для начала

– а сейчас коротко о себе: не привлекался, не состоял, не участвовал. И вообще, особа по всем статьям располагающая к доверию, человек-могила в том смысле, что услышал чужую тайну и похоронил ее в себе.

В принципе, я поступила правильно: не стоило бить себя в грудь раньше времени, тем самым отпугивая и без того нерешительного человека.

Накануне я навела идеальный порядок в квартире... для встреч с незнакомцами, попавшими в сложное положение, создала уют, что немало важно для установления доверия, пусть и ограниченного. Докапываться до истины я не собираюсь: выслушаю, если необходимо, выскажу свое мнение, помогу советом, на том и разойдемся. Может быть, навсегда, может быть, до следующего раза, если жизнь нового знакомого бурлит и часто преподносит разнообразные сюрпризы, требующие оценки.

Мы договорились встретиться по указанному адресу в пять часов вечера, так было удобно самой Адели. Точно в указанное время раздался звонок в дверь.

На пороге стояла русоволосая девушка от двадцати до двадцати пяти лет, хрупкой статуэткой которую можно назвать с большой натяжкой. Вероятно, ее тоже закармливали в детстве сдобой, что-то произошло с обменом веществ, и она незаметно увеличилась в размере, как дрожжевое тесто. А теперь находится в постоянной борьбе, вполне себе удачной, потому что, в отличие от меня, у нее просматривается фигура, пусть и аппетитная. Такие девушки, правильно-пропорциональные, без утяжеления внизу или вверху, все же на любителя, и подобных любителей найдется немало – надоели общепринятые стандарты, вызывающие протест у молодого поколения, приветствующего любое противопоставление. Но всех под одну гребенку я не подвожу.

Я посторонилась, но девушка переступить порога не спешила.

- Аксинья Даниловна Кутепова? – затравленно спросила она, как будто перед ней появился совершенно не тот человек, чью фотографию она видела на моей страничке в социальной сети: нечто страшное и грозящее проглотить при любом неосторожном движении.

Я согласно кивнула, широко улыбнулась и в свою очередь поинтересовалась:

- Адель Прошкина?

- Да, это я, - проямлила девица с потухшим взором и решилась войти в прихожую. Осмотрелась и печально вздохнула. Автоматически я тоже проследила за ее взглядом, оценила прихожую, закрытую дверь кухни и краешек гостиной, заметной отсюда. Всё вполне чинно-благородно, пусть без суперсовременного ремонта, но чисто и опрятно, мебель вполне себе приличная.

После печального вздоха Адель принялась внимательно рассматривать меня, а я - изображать полнейшее добродушие.

- У вас очень уютно, - наконец, проямлила гостя, когда оказалась в гостиной, проследовав за мной.

У меня едва не вырвалось: «А у вас?» Сама не знаю, что на меня нашло?!

А у нас в квартире газ, а у вас?..

Я оставила в покое тему домашнего уюта с комфортом и предложила располагаться по своему усмотрению.

В комнате царил полумрак, но не настолько, чтобы не видеть друг друга, не видеть глаз собеседника – мне это казалось важным. Адель присела на диван, я пристроилась в кресле напротив нее, нас разделял низкий столик, который моя мать называла журнальным. Столик был накрыт к чаепитию.

Адель не стала отказываться от чая, молча пила чай и рассматривала комнату. Грешным делом, я подумала – а не наводчица ли она? Об этой стороне «сотрудничества» с незнакомцами, которых я опрометчиво приглашаю в свой дом, увы, как-то не подумала. И как меня можно назвать? Доверчивая дура, старушка без мозгов, выжившая из ума женщина, раскаявшаяся в скором решении, связанном с резким поворотом в устоявшейся жизни...

Чего тебе, Аксинья Даниловна, не хватало?! Зачем ты находишь приключения на свою голову?! Устала от однообразия? Сейчас тебе мало не покажется!

А чего это я вдруг превратила насмерть перепуганную девушку в наводчицу? То, что она озирается по сторонам и вздыхает, совсем не говорит о ее желании провести визуальную ревизию и тотчас пожалеть о своем визите – неподходящая квартирка, ой, неподходящая.

Сейчас Адель освоится, возьмет себя в руки и поведаст мне свою печальную историю.

Однако пауза затянулась. Что ли взять инициативу в свои руки? Так и сделаю.

- Адель, вы учитесь или работаете? - спросила я равнодушно-беспечно, но сдержанно, чтобы не спугнуть безразличием.

- Я... учусь в архитектурном, на первом курсе... Мне восемнадцать, скоро исполнится девятнадцать.

Видимо, в моих глазах промелькнуло удивление, поэтому она добавила с легким безразличием:

- Да, я выгляжу старше своих лет. – Адель вернула чашку с чаем на стол и похлопала себя по выразительным бокам. – Но мне по фиг, кому не нравится, пусть не смотрят.

Собственная фигура, ранее названная мною аппетитной, ее полностью устраивала. Плохо я знаю современную молодежь. В мое время все было иначе, такие пухляшки, как я, были редким исключением из общего числа стройняшек.

Формы Адели меня не волновали, а что касается ее возраста, то надо признать свою ошибку: на ее месте не оказалась дама старше моих лет, которую бросил муж. Плохо, что я не знаю современную молодежь с ее проблемами и с ее отношением к этим проблемам, хорошо, что ко мне пришел человек, который разбавил мое одиночество и удалил, на это я надеюсь, почти поглотившую меня печаль.

- Вам нравится учиться? - с ненужным подобострастием спросила я, возвращая разговор к высшему образованию.

- Очень, очень нравится! – впервые за все время улыбнулась девушка. На ее пухлых щечках отпечатались ямочки, и лицо стало миленьким-премиленьким. Значит, с поклонниками у нее проблем нет – хоть в этом я оказалась права. Наверно. Сдались мне ее поклонники!

Возможно, ее проблема кроется совсем не во взаимоотношениях с противоположным полом.

С языка едва не сорвался вопрос – что привело ее ко мне. Пока рано, надо повременить, пусть сама заговорит о причине визита.

Мы еще немного поговорили о ее учебе, обсудили погоду нынешнего мая, кардинально отличающуюся от привычной – в этом году май выдался жарким, сухим и безветренным, больше похожим на июль. То ли будет летом.

- Имя у вас необычное, - мягко вступила я на тропу узнавания.

- Да уж, спасибо папочке, которого я в глаза не видела. Он служил в нашем театре музыкальной комедии. Моя мать была его поклонницей, ходила на каждый спектакль с его участием. В молодости она была очень хороша собой, молодой талантливый артист, избалованный женским вниманием, долго не обращал на нее внимания, потом что-то случилось – может быть, так звезды сложились или на тот период он был в расстроенных чувствах и нуждался в понимании и поддержке, но маме повезло – она добилась своего. Объект ее жгучего интереса пригласил ее в ресторан. После ресторана они поехали к нему домой. Так начались их отношения. В один из дней он пришел к ней весь такой счастливый, мама предположила - признается в любви, сделает предложение. Но она ошиблась: молодого таланта заметили и пригласили в столичный театр. В то время мама уже носила под сердцем меня. Будущий папаша, с ее же слов, высказал радость по этому поводу, перед отъездом обещал вернуться и забрать ее в столицу, но, если не успеет к родам, просил назвать сына Германом, как героя «Пиковой дамы», а если будет дочь – Аделью, как героиню «Летучей мыши». С тех пор от моего биологического папеньки ни слуху-ни духу.

- Вы не пытались его найти? С нынешними возможностями сейчас можно отыскать кого-угодно.

- А зачем? Раз я ему не нужна, но не стоит навязываться. Мама говорила, что некоторое время спустя после его отъезда в столицу, она видела его в одном кинофильме, он засветился в эпизодической роли. Опять же, с ее слов - не сильно блеснул, чтобы режиссеры его приметили и растащили по сериалам. Наверное, мама его еще любила, несмотря на предательство, именно поэтому решила написать ему письмо на

адрес киностудии, но никакого ответа не получила. То ли письмо не дошло до адресата, то ли адресат не считал нужным отвечать, так как забыл о существовании женщины, которая родила ему дочь. Думаю, у него этих детей по всей стране вагон и маленькая тележка...

Когда мне исполнилось восемь лет, мама вышла замуж. Она познакомилась со своим будущим мужем в химчистке, в которой работает приемщицей всю жизнь, названия менялись, владельцы менялись, а мама всегда на своем посту. Мужчина пришел в химчистку забрать свой плащ, заметил пятнышко и устроил небольшой скандалчик по поводу плохо сделанной работы. Но когда разглядел мою мать, тотчас поутих, сказал, что пятно – это ерунда, его почти не видно, и пригласил маму в кино. Уже через три месяца они поженились, и мама, наконец, забыла своего артиста. Маму зовут Валентина Валентиновна Прошкина, она отказалась брать фамилию мужа, не захотела стать Валентиной Валентиновной Ремесло, это у него такая фамилия – Ремесло, а зовут Стефан Михайлович. Отчим не выказал желания меня удочерить, и мама на этом не настаивала. В свидетельстве о рождении, в графе отец, у меня так и остался прочерк. Мама уверяла меня: главное, чтобы Стефан хорошо к тебе относился, Адя. Мама меня Адей называет.

- И Стефан Михайлович сдержал обещание? Хорошо к вам относился? – спросила я.

- Не любил как родную дочь, но никогда не ворчал по делу и без дела, никогда голоса на меня не повышал, и козни не строил, пытаюсь вбить клин между мной и мамой. Мне казалось, что он меня вообще не замечает. Но подобное положение вещей меня вполне устраивало – лучше никак, чем вражда, возникшая бы в любом случае, если бы Стефан лез ко мне с расспросами или с воспитательными лекциями. Кто он мне? Муж моей мамы и точка.

- Вы ревновали маму к нему? – не удержалась я от вопроса, хотя, давала обещание самой себе держать язык за зубами, без необходимости не вступать в диалог. Но мне хотелось разобраться в отношениях падчерицы и отчима, человека, который, без сомнения, послужил причиной ее визита ко мне. Не скажу, что мне стало скучно от того, что я заранее просчитала «все ходы» не шахматных игр двух чужих людей,

волею случая связанных отдаленно родственными связями, но я как-то отдалилась от разговора, погрузилась в себя, но не полностью.

И что же теперь? Раз тебе стало скучно, раз ты знаешь заранее, в какую область отношений двух людей противоположного пола заведет признание, то можно подводить черту и выставлять гостью из дома? Это не прослушивание при приеме на актерский факультет, нельзя обрывать «абитуриента» на полуслове, потому что «никаких Америк он не открыл», никаких талантов у него нет, как нет индивидуальных особенностей. Нет и быть не может.

Это жизнь, Аксины Даниловна, так что уж будь добра, сиди и слушай, сиди и вникай в проблему, авось одним твоим молчанием дело не ограничится.

- Конечно, ревновала, - между тем вещала Адель Прошкина. – А как иначе могло быть, ведь восемь лет мама безраздельно принадлежала мне, а спустя этот долгий, по моему детскому пониманию, срок, мне приходится ее делить с каким-то чужим дядей, заявившим на нее свои права. Но надо отдать должное моей маме, она не поощряла при мне его... любовный интерес, обычный, дозволенный в чужом присутствии. Со стороны казалось, что этот человек у нас квартирует «со столом». Сначала я освоилась с этой мыслью, убеждая себя, что это временно – поквартирует и отправится восвояси, потом стала постепенно себе внушать, что этого человека надо терпеть, надо к нему привыкать, потому что никуда отправляться он не собирается, напротив, он освоился до такой степени, что начал обнимать маму в моем присутствии, и мама его, если ни поощряет, то и не чурается, не зыркает глазами в мою сторону, давая понять, что его поведение не совсем корректное, но ты уж потерпи или лучше удались. Впрочем, ничего предосудительного при мне не происходило, и поцелуйчики были дружескими – в щечку. Теперь я начала привыкать к новым отношениям мамы и уже не квартиранта «со столом». И вдруг испугалась: вдруг у них появятся общие дети?! Такой расклад меня не устраивал. Оказаться на задворках их счастливой жизни, в которой мне отведена эпизодическая роль, совсем не хотелось. И что самое ужасное, я находилась в постоянном напряжении, в постоянном ожидании, что этот мужчина в скором времени откроет свое истинное лицо, что он совсем не тот влюбленный мужчина, за которого он себя

выдает, что он преследует свои цели, очень нехорошие, возможно, преступные, в результате его действий можем пострадать мы с мамой. Но время шло, ничего плохого не происходило, и я постепенно успокоилась, но не скажу, что совсем забыла о своих страхах.

- Он вас как-то пугал, менялся, когда вы оставались в доме вдвоем? - в очередной раз не удержалась я, желая разобраться.

- Я всегда вела себя настороженно в ее присутствии, и дело даже не в его поведении или отношении ко мне. Как я говорила, он старался меня не замечать – ходит что-то по квартире, и пусть себе ходит, это что-то еще и говорит, пусть себе болтает.

- Так в чем же причина ваших страхов?

- У этого человека... стеклянный взгляд. Ни тебе радости, ни тебе печали, ни тебе искренней любви или хотя бы доброжелательности – вообще никаких эмоций. Его глаза - не зеркало души, а черти что, как будто душа у этого человека напрочь отсутствует.

- Я видела в одном старом кинофильме нечто подобное. Сразу делался вывод - этот человек враг. Так всегда было в очень старом кино.

- Как вы правильно заметили – враг! Я долго искала определение и не могла подобрать! Враг, конечно, враг!

- Адель, вы подумали, что Стефан Ремесло – шпион?

- Конечно, нет, - усмехнулась девушка, - он враг нашей семьи, враг мне, враг маме, но скрытный враг и плохо подготовленный – со своим взглядом ничего не смог поделаться.

- Вашу маму не напрягали ваши с отчимом отношения?

- Маму? Совсем не напрягали, она не стремилась соединить нас в дочерне-отцовской любви или приближенной к ней, маму тоже устраивал вариант - лучше ничего, чем вражда.

- И с годами ничего не изменилось?

- В подростковом возрасте, когда я пыталась проводить революцию в отдельно взятой квартире – так мама выражалась, я пыталась дерзить всем подряд и отчиму - особенно, слабо надеясь, что он соберет свои манатки и уйдет от нас навсегда, но в эти периоды он укрывался в

спальне, не слово ни говоря в ответ. Мама не рвалась перевоспитывать дочь-подростка, она вообще человек терпеливый и всё понимающий. Со временем я утихомирилась, вновь вернулась в прежнюю фазу жизни – каждый сам по себе. Однако недоверие к отчиму не ушло. Оно сидело и ждало какой-то неожиданной выходки с его стороны... Враг... Надо же – враг... Любой враг рано или поздно выдаст себя...

- Адель, вы считаете, что в вашу мать нельзя влюбиться?

- Почему же нельзя, очень даже можно, несмотря на «прицеп» в моем лице. Как я уже говорила, мама всегда была хороша собой, и до сей поры прекрасно сохранилась, я допускаю мысль, что отчим ее любил и любит, любит по-своему, без эмоций, и причина его сдержанной любви кроется во мне, в ребенке его любимой женщины: женщина сама попросила мужчину не ранить чувства своего единственного чада.

- Значит, общих детей у них не появилось?

- Мне стыдно за мои слова, но на мое счастье – нет. Причина мне неизвестна и неинтересна. Уж не знаю, огорчен Стефан, что не стал отцом, или его все устраивает, я не знаю, но могу предположить – раз он не ушел, то его не напрягает отсутствие общих детей.

- Или он очень любит вашу мать, но, как и многие мужчины, не умеет выражать свою любовь словами...

- Не умеет выражать словами, пусть бы доказывал свои чувства на деле, а то мать ишачит от зари до зари, а у него ни жалости, ни сострадания! – выпалила в сердцах Адель.

- Он что, тунеядствует? Сидит у жены на шее?

- Не сидит на шее, но особо деньгами не балует, выдает матери какие-то крохи, - выдавила из себя девушка. Доверять ее словам у меня не было резона – все-таки ее мнение предвзято.

Выдержав паузу и не дождавшись от меня очередного вопроса, она продолжила:

- Никогда ее подарками не балует, отделяется на день рождения и женский день вшивыми букетиками. А она светится от счастья. Тьфу, смотреть противно!

- Не дорог обед, а дорог привет, - пробубнила я банальность и добавила без всяких нравоучений, - когда есть любовь, корысти нет места.

- Корысти? Со стороны мамы нет никакой корысти, а вот со стороны отчима... одна корысть, он весь соткан из корысти, лжи и коварства.

Если бы Адель вопила или говорила старательно-убедительно, я бы ей не поверила, пропустила бы ее слова мимо ушей и терпеливо ждала бы продолжения рассказа с разгаданным мною окончанием, но Адель говорила трагическим тоном, вызвав у меня неумеренную жалость.

Я отогнала прочь желание прижать ее в груди и погладить по голове, вновь заговорила об отчине, но в другом ракурсе.

- Стефан Ремесло откуда-то приехал в наш город? Или всегда был местным жителем?

- Он приехал в наш город из Белоруссии, мыкался по съемным углам, жил без женской заботы. Потом познакомился с моей мамой. У нас хорошая квартира, пусть ни в центре, а в спальном районе, но нас все устраивает. Раньше мы жили вчетвером – дедушка, бабушка, мама и я, потом умер дед, потом бабушка, так мы остались с мамой вдвоем. Я не утверждаю, что Стефан позарился на квартиру, это было бы неправильно по отношению к маме, она красивая, она добрая, трудолюбивая, она прекрасная хозяйка, у нее все «горит» в руках. Но... жилплощадь сыграла не последнюю роль в его решении жениться на маме. Можно сказать, он убил одним выстрелом нескольких зайцев: и обихожен, и любим, и дочь избранницы жизнь не портит, и деньги за квартиру платить не надо.

- А кто Стефан по профессии? – поинтересовалась я, не имея представления, что он за птица-синица, но предполагая, что он тоже себя не на свалке нашел.

Что навело меня на эту мысль? Плащ, который Стефан принес в химчистку некоторое время тому назад, точнее – более десяти лет. Вот такие ассоциации вызвала у меня верхняя одежда весенне-осеннего сезона. Но плащ стоит на втором месте после самой Валентины Валентиновны Прошкиной, пусть не бизнес-вумен, простого работника химчистки, но человека, без сомнения достойного и не глупого, способного разобраться кто есть кто, переболев любовью к

представителю творческой профессии, оказавшемуся ненадежным и ветреным.

Обжегшись на молоке, дуешь на воду.

Это я о Валентине свет Валентиновне. Уж кто, кто, а она в состоянии разобраться, кого можно привести в свой дом, где живет еще ее дочь, а кого нет. Иметь другое мнение – что Валентина была ослеплена любовью, не замечала странного поведения своего избранника, – мне не хотелось. И не потому, что я стояла на стороне одинокой женщины с ребенком-эгоистом – я занимала нейтральную позицию, но именно из-за эгоизма ее дитяти, я могу сделать вывод: ребенок стоял и стоит у нее на первом месте. Если бы она заметила неадекватное поведение мужа по отношению к дочери, быстро сделала свой выбор в пользу дочери...

- Аксинья Даниловна, вы думаете, что Стефан успешный бизнесмен, и мама ему не ровня? По этой причине речь о корысти идти не может? – вопросом на вопрос ответила Адель. – Так вот я вам скажу...

- Ничего я не думаю, – с легким раздражением, так мне несвойственным, перебила я, устав от ненужных убеждений в чьей-то корысти. О какой корысти может идти речь спустя десять прожитых вместе лет? Я не преминула озвучить свою мысль. – В любом случае, за десять прожитых совместно лет, Стефан нашел бы причину и ушел, но он не ушел, он остался, поэтому я не могу сомневаться в его искренней любви и привязанности к вашей матери. Так ведь?

- Он не уходит по другой причине, – выдавила из себя Адель Прошкина, выдержав продолжительную паузу, во время которой я сверлила ее рентгеновским взглядом, пытаюсь разобраться или убедиться в своих предположениях относительно причин ее нападок на отчима. За такой срок пора бы смириться с его присутствием, тем более, сама не ровен час влюбится, выскочит замуж и уйдет от матери. Но не смирилась, следовательно, я была права: ничего экстраординарного я не услышу из уст этой симпатичной особы с ямочками на румяных щечках.

Мда, банально и неинтересно. А чего ты хотела, Аксинья Даниловна? Уж точно не признаний в убийстве с расчленением, а трогательных историй со слезой, неизбитого сюжета.

Я подавила зевок и отпила из чашки чаю, элегантно притрагиваясь к тонкой ручке.

Ждать продолжения долго не пришлось.

- Стефан не уходит от мамы из-за... меня.

Ну, вот – а я что говорила! Сейчас начнется: я его ненавижу, он меня домогается, матери ничего не говорю, боюсь ее расстроить... Могу и убить ненароком. Убью и сяду на десяток лет, если не удастся доказать, что совершила преступление в результате самообороны.

Я покосилась на бицепсы Адели и пришла к выводу – такая может... скрутить в бараний рог, если ее довести до белого каления! Однако, я пока не видела противоположную сторону, вдруг у него комплекция боксера-тяжеловеса или, напротив, он худой заморыш, но в любом случае – растлитель малолетних: подробности мне не известны, вдруг его поползновения начались некоторое время назад, в эпоху «революционного восстания в отдельно взятой квартире» и продолжаются до сей поры. Однако, в этом случае терпения обоим не занимать. Одно не ясно - что за мазохизм с ее стороны и непоколебимость в желаниях с его?! А вот здесь я вам, Адель Прошкина, и не верю, потому как за десять прошедших лет вы не оставили в покое своего острого желания избавиться от отчима, поэтому не преминули бы с энтузиазмом поведать маменьке о недостойном поведении ее избранника, который оказался полным ничтожеством! Ведь именно об этом вы, Адель, убежденно заявляли еще на заре отношений маменьки и отчима...

- Вы занимаетесь каким-нибудь видом спорта? – неожиданно ляпнула я, вырываясь из собственных мыслей по поводу «мудрости» девочки-девушки.

- Что? – дернулась Прошкина и подтолкнула ногой журнальный столик. Посуда зазвенела, но устояла. Осознав вопрос, ответила, - определенно – никаким, но я регулярно посещаю фитнес-центр, железо таскаю, но без фанатизма, чтобы не превратиться в накачанное нечто. Тренируюсь для поддержания формы, чтобы в теле был баланс.

- У вас это хорошо получается, - не удержалась я от похвалы.

- Вы думаете, что благодаря своим физическим данным я могу легко уложить зарвавшегося отчима на лопатки, чтобы он забыл раз и навсегда о своих намерениях.

Я неопределенно передернула плечами.

- Могла бы... наверно... - неопределенно заявила Адель и усмехнулась, - не пробовала ни разу, пока мы ограничиваемся недипломатической перепалкой, естественно, в отсутствии мамы. Если он перейдет границу, я сумею постоять за себя. Но вы тоже поймите меня - нельзя жить в постоянном напряжении и ожидании нападения.

- Вы хотите получить совет, как вам быть? – подтолкнула я Адель к решающей фазе, дабы поскорее выставить ее из квартиры и закрыть дверь.

Ты сам нарвался, ты сам нарвался, - мысленно пропела я, вспомнив тюремное танго из мюзикла «Чикаго» и имея в виду себя – нарвалась!

- Прежде я хотела бы довести свой рассказ до конца, и высказать свои предположения.

- Я вас внимательно слушаю, - неуверенно промямлила я, без всякого энтузиазма, развеявшегося во время беседы, зацикленной на отчиме.

- Я немного вернусь назад, точнее – на пять лет назад. Мне было тринадцать, я как раз входила в эпоху бунтарства и неповиновения. Решила уйти со двора и пошла шляться по городу в поисках приключений. Бреду я по улице, с любопытством осматриваюсь по сторонам и вдруг вижу моего отчима в компании с теткой, старше его по возрасту. Сидят они на летней веранде кафе и мило беседуют. Ну, думаю, дело нечисто, надо бы проследить за голубками. Вскоре парочка покинула кафе, и двинулась по тротуару прогулочным шагом. Тетка висела на руке моего отчима и что-то оживленно ему рассказывала, а он только скалился в ответ...

- А взгляд по-прежнему оставался стеклянным? - влезла я со своим вопросом.

- Взгляд? Если честно, то не помню... Но мне кажется, в тот момент Стефан сильно отличался от себя прежнего, привычного для меня. Делать выводы я не стану, чтобы вы не заподозрили меня в

предвзятости, - откровенно призналась Адель, заслужив мою мысленно похвалу. – Я следовала за ними по пятам, не боясь быть обнаруженной – оба были увлечены друг другом. Больше говорила тетка, а Стефан изредка вставлял слова. Вскоре они подошли к невзрачному дому и скрылись в одном из подъездов. Я не успокоилась и решила узнать, в какую квартиру они зайдут. Выяснив, я вышла из подъезда, пристроилась на скамейке на другом конце двора и принялась ждать, не забыв засечь время, которое, по моему разумению, играло важную роль. Стефан провел у дамы около двух часов. Потом покинул ее квартиру и отправился в сторону нашего дома, по дороге заглянул в магазин и купил кое-какие продукты, чего отродясь не бывало. Я появилась через пять минут, отрепетировав свою обличительную речь. С порога открыла маме глаза на ее «верного» мужа, который встречается со старой теткой. Стефан ничего не отрицал, только сидел и смотрел мимо меня. Как мне хотелось запустить ему в голову чем-то тяжелым, чтобы он пришел в себя и как-то отреагировал. Мама слушала меня с недоверием. Тогда я приказала ей одеться и следовать за мной – зачем сотрясать воздух, если можно пойти и увидеть подтверждение моим словам. Или услышать. Мама как никто знает, что со мной лучше не спорить, поэтому безропотно оделась, и мы отправились к той самой тетке.

- А Стефан?

- Он остался сидеть, единственно, что он себе позволил, так это обратиться ко мне со словами: «Зря ты так, Адя». Я наговорила ему массу ненужных слов и хлопнула дверью. Я довела маму до квартиры и без страха позвонила в дверь. Нам открыла та самая тетка, с которой Стефан сидел в кафе на летней веранде и потом гостил у нее почти два часа. Мне показалось, что тетка ничуть не удивилась нашему визиту, она сразу спросила: «Вы Валентина, а тебя, девочка, зовут Аделью?» Оказалось, что тетка приходится Стефану родственницей, он сын ее троюродной сестры, но, увы, редко навещает ее. Мама ей тотчас поверила, зашебетала что-то извинительное, но не отказалась зайти и выпить чашку чаю. Я сбежала. Не от стыда, от обиды: я несколько не сомневалась, что они любовники. Путь в ту пору мне было всего тринадцать, но я видела, как «родственница» поела глазами своего «троюродного племянника». Старуха, а туда же! Стыд один!

- Любовь слепа, - на всякий случай вставила я, имея ввиду доверчивую Валентину, не допускавшую мысли об неверности супруга.

- Вот именно, слепа! Зачем я рассказала историю пятилетней давности? Чтобы убедить вас, что мама верит Стефану безоговорочно! Он постоянно уезжает в командировки, а какие могут быть командировки у человека, который работает в мастерской по ремонту бытовой техники. Какие, я вас спрашиваю?! – требовательно спросила меня напористая девица.

О-па! Наконец, мы выяснили, чем занимается Стефан.

Вопрос Адели носил явно риторический характер, но я не преминула высказаться.

- Может быть, он уезжает по заданию руководства в соседний город, небольшой и захолустный, где нет подобной службы быта.

- Я вас умоляю! – закатила глаза Адель. – Знаю я, куда он... уезжает. И все вокруг знают, одна мама не хочет ничего замечать! – Сменив гнев на утихомирное доверие, доложила, - надо признать, что в последнее время Стефан завязал со своими, так называемыми, командировками...

- И причина в вас, - договорила за нее я и зачем-то поинтересовалась возрастом отчима.

- Он моложе мамы на четыре года. Сейчас маме тридцать восемь, значит, ему – тридцать четыре.

- Он старше вас на шестнадцать лет, - легко посчитала я, решив, что бывает и похуже, хотя, в моральном плане...

- Именно так, - кивнула Адель.

- Значит, ваша мать никогда не поверит, что Стефан вспылал к вам совсем не отеческими чувствами, - соединив всё воедино, высказалась я.

- Ну, так прямо я ей не говорила. Сама не пойму, что меня останавливает. Может быть, я неправильно истолковываю его интерес ко мне? Просто раньше он меня не замечал, и вдруг... такое преобразование...

- Но вы успели подрасти за десять лет, - усмехнулась я и собралась сказать про гадкого утенка, превратившегося в прекрасного лебедя, но Адель продолжила, никак не отреагировав на брошенную мною фразу.
- Может быть, раньше он старался меня не замечать, чтобы не раздражаться моими выходками - выходками чужого ребенка, он хотел сохранить отношения с женщиной, матерью этого ребенка. Такую выбрал тактику. Потом ребенок вырос, перестал относиться к нему как к прокаженному, возможно, смирился с его присутствием рядом с любимой мамой, и мужчина решил установить с подростком дружеские отношения. А я... я неправильно поняла Стефана?
- полувопросительно-полуутвердительно произнесла Прошкина.
- Но вы могли как-то намекнуть матери. Дескать, твой муж на меня заглядывается, отпускает комплименты в мой адрес, ничего такого, но мне это не нравится. Только и всего. Пусть она его приструнит, объяснит, тогда он поймет, что ведет себя неподобающе.
- Аксинья Даниловна, да вы ясновидящая – я прямо этими словами и сказала маме.
- И как она отреагировала?
- Рассмеялась и заявила: как не заглядываться на такую красоту! Любой мужчина мимо не пройдет. И Стефану растрепала, мол, наша Адя принимает твои комплименты за ухаживание. А тот молчит и ухмыляется. И взгляд... взгляд совсем не стеклянный, но по-прежнему устрашающий, как будто взглядом предупреждает меня... о чем-то.
- Вы можете уйти жить на квартиру, вы уже достаточно взрослая, учитесь в институте.
- Из принципа никуда не уйду, это мой дом! И маму не хочу оставлять в нем один на один.
- Что мы имеем? Засадить Стефана Ремесло за изнасилование мы не можем – доказательств нет, потому как преступление не совершено... Не совершено?
- Нет, не было... изна... преступления, - отрицательно покачала головой девушка.

- Сидеть и ждать, когда... доказательства появятся, тоже неправильно, - окончательно запуталась я. Странно, но никаких разумных ответов в мою мудрую голову не приходило. И тут Адель запутала меня еще сильнее.

- За изнасилование не можем, а вот за убийство, причем двойное, можно попытаться...

Ты сам нарвался, ты сам нарвался...

Глава вторая.

Дело далеко не в шляпе

Когда Адель высказалась насчет двойного убийства, якобы совершенного ее отчимом, я впечаталась спиной в кресло, на котором сидела, и замерла с открытым ртом, внезапно вспомнив излюбленное выражение мамы: закрой рот, а то ворона залетит. Благодаря воспоминанию, я быстро избавилась от глупого внешнего вида, но никак не смогла совладать с волнением. Естественно, возникло жгучее желание задать уточняющий вопрос - вдруг у меня что-то случилось со слухом или я неправильно ее поняла: Адель всего лишь пошутила. Если так, то иначе как «черным» ее юмор не назовешь.

Чтобы не заикаться и не выдать своей нервозности, а также не показаться излишне впечатлительной особой, визит к которой был большой ошибкой, я выдержала многозначительную паузу, с недоверием поглядывая на Адель Прошкину, в данный момент потягивающую чай из чашки и примеривающуюся к мармеладине из вазочки. Отвлечение сыграло мне на руку: есть возможность внимательно рассмотреть мою гостью, проследить за ее действиями или дождаться ее следующего шага, пусть сама проявляет инициативу. Адель со спокойным видом жевала мармелад и запивала чаем. Никакого тебе напряжения, ни тебе неловкости, ни дрожи в руках. Стоит позавидовать современной молодежи, способной абстрагироваться от проблем разного свойства. Лично я обожаю «делать из мухи слона», когда это касается непосредственно меня или моих близких, переживания меня захлестывают. Проблемы посторонних людей тоже

не оставляю без внимания. И никогда не тороплюсь с выводами о людях, никогда не делаю выводы наспех, чтобы найти повод отдалиться и не иметь ничего общего. Любой человек в той или иной ситуации может вести себя по-разному, даже в одной и той же ситуации он ведет себя иначе, в зависимости от его эмоционального настроя, настроения в данный конкретный момент и умения контролировать себя. Но я никогда не строила из себя психотерапевта, я им не являюсь, потому свое мнение о человеке строю по собственным наблюдениям, по наитию, без всяких теорий.

В отличие от меня, как я уже успела заметить, Адель выглядела спокойной как удав. Глаза не бегают, на диване Адель не елозит, не подпрыгивает, ножками под столом не сучит. Мне даже показалось, что вид у Адели... торжествующий, как у человека исправно выполнившего поставленную задачу и теперь этот человек может позволить себе всё что угодно, в том числе и угоститься у накрытого стола. И каков будет мой вывод-диагноз в связи с ее торжествующим видом? Адель Прошкина склонна к зашкаливающим преувеличениям, желая привлечь к себе внимание, коим она обделена по неясным мне пока причинам.

Странный преждевременный вывод. Молодые девушки иначе привлекают к себе внимание. Причем возможностей у них для этого более чем достаточно. Чего не скажешь обо мне, женщине «за...», пусть не глупой, но без выдающихся способностей. Я много чего знаю, но не собираюсь делиться своими знаниями с каждым встречным-поперечным, дабы убедить в том, что в интеллектуальном развитии я стою на ступень выше: во-первых, не выношу хвастовства, во-вторых, не привыкла унижать собеседника. Есть еще один способ привлечения к себе внимания – вырядиться, к примеру, в тинэйджерский наряд, то-то смеху будет, заодно стану центром всеобщего внимания. Возможно, у кого-то вызову сочувствие: что с нее взять – одинока как перст, вот и мудрит.

Это в молодости – «подлецу всё к лицу», это я не о качествах человека, как вы догадались: в моем возрасте что ни надень, года не спрячешь.

Но Адель!

Несмотря на немодельную внешность, она имеет возможность удивить и привлечь внимание окружающих любым разумно-доступным способом, а разума ей хватит, при этом будет выглядеть гармонично, усмешек не вызовет. И не только способна удивлять экспериментами с внешним видом, раз она учится в архитектурном институте, то не обделана способностями или талантом, поэтому в ее власти поразить своей работой преподавателя и сокурсников. Было бы желание, как говорила моя старшая тетушка. В любом случае не стоит прибегать к общению с незнакомой теткой и вешать ей лапшу на уши, тем более, не стоит плести интриги.

Мне хотелось, чтобы Прошкина уловила мой взгляд, сообразила – не на ту напала, промашечка вышла, расстроилась и исчезла из моей жизни раз и навсегда. Ничего, первый блин комом, посмотрим, что будет дальше.

Исчезать Адель не собиралась, уминала за обе щеки мармелад, как будто поставила себе цель очистить вазу в рекордно-короткие сроки.

Я задумалась: а хочу ли я, чтобы она, уничтожив все мои припасы – на здоровье, мне не жалко! - ушла, не высказав своих подозрений относительно отчима до конца? То, что это всего лишь подозрения, у меня сомнений нет, в противном случае, она отправилась бы в полицейский участок. С домыслами в участок не пойдешь.

Я заботливо придвинула к гостье тарелку с печеньем-курабье, дав понять, что времени у меня навалом, пусть себе ест и ни о чем не думает. Я готова ждать столько, сколько нужно.

Адель бросила хмурый взгляд на печенье, перевела глаза на одинокую мармеладину и с глубокой печалью отправила ее в рот. Печенье осталось нетронутым.

Я ушла на кухню, заварила чай, вернулась в гостиную и наполнила чашки ароматным чаем. Пожевала кусочек сыра, отхлебнула чаю из чашки, старательно отводя взгляд от гостьи, которая тоже взяла с тарелочки кусочек сыра, рассмотрела его, откусила маленький кусочек, старательно разжевала, затем доела оставшееся. Я наблюдала за гостьей исподтишка, с родительским удовлетворением заметив, что печенье успело бесследно исчезнуть пока я заваривала чай.

Моему терпению позавидует любой, но всему есть предел. Спрашивается, как долго мы будем сидеть, как два незнакомца, случайным образом оказавшиеся за одним столом в кафе-забегаловке и уничтожать съестное? Верю – не верю я этой сочинительнице (?), но хочется дослушать историю до конца. Заинтриговала и сидит молчит.

То, что Адель не выглядит расстроенной или до крайности перепуганной, а спокойно угощается, это ни о чем не говорит – возможно у нее характер... нордический, твердый. Мужской характер: внутри кипит, но вида не подает. Ей необходима пауза-передышка, чтобы обдумать и решить – надо ли посвящать постороннего человека в круговерть личных событий. Или до визита ко мне не помышляла о причастности отчима к исчезновению своих знакомых, и вдруг осенило. И ей нужно как-то осмыслить, поспорить с собой, поэтому она не соображает, что делает, чем ее угощают – она вся в себе, в своих мыслях.

Через открытую форточку с улицы донеслись громкие детские голоса и послышался звонкий залиvistый собачий лай. Адель повертела головой по сторонам, перевела взгляд на журнальный столик, потом сосредоточила взгляд на мне, сведя брови на переносице, как бы пытаюсь понять, кто я и что здесь делаю, вдруг неожиданно для меня улыбнулась, выказав на щечках свои миленькие ямочки.

- Не хотите ли еще... чего-нибудь? – растерянно спросила я, невольно улыбаясь в ответ.

- Извините, - сказала Прошкина, снова скользнув глазами по опустевшему столу и одновременно смахнув с губ невидимые крошки.

- На здоровье, - брякнула я.

- Вы не подумайте... ничего такого, - протараторила девушка.

- Вы о недавнем заявлении или... - я указала кивком головы на пустую посуду.

- Я все съела и не заметила, - с сожалением произнесла она: то ли извинялась за полное уничтожение, то ли сожалела, что лакомство закончилось. Но снова предлагать я не стану, не из жадности, а, чтобы дать понять - пора бы продолжить прерванный разговор.

Но Адель продолжать не собиралась, с тоской смотрела на окно, через открытую форточку которого доносились оживленные голоса: то ли голоса отвлекали и не давали сосредоточиться, то ли испытывала легкую зависть к детишкам, которые не познали того, чего успела познать она.

Четко выговаривая слова, я решила подтолкнуть гостью:

- Значит, вы подозреваете своего отчима в двойном убийстве...
- Подозреваю, но доказательств у меня нет.
- Если вам сложно говорить на эту тему, то я настаивать не стану, - высказалась я, с трудом пряча разочарование.
- Не просто, - вздохнула девушка, - но мне необходимо кому-то рассказать...

Несмотря на невыразительную внешность и избыточный вес, Прошкина никогда не чувствовала себя обделенной в мужском внимании. Из большого числа друзей противоположного пола всегда находилась парочка влюбленных, которых соревновались за объект своего пристального интереса. Адельке нравились эти соревнования, она поощряла воздыхателей, отдавая предпочтение то одному, то другому, но относилась ко всем, на самом деле, ровно, по-дружески. С девочками Адель предпочитала вообще не общаться. В детстве не любила игры в дочки-матери, позже - тайные признания в неразделенной или разделенной любви и обсуждение сверстниц. То ли дело с мальчишками, с ними можно и в казаков-разбойников, и в футбол. С пацанами гораздо интереснее, чем с девчонками.

Когда начались занятия в выпускном классе общеобразовательной школы, Адель увидела в другом свете своего проверенного временем дружбана Влада Укропчикова. За три летних месяца Владислав сильно изменился – из вихрастого коротышки превратился в парня выше среднего роста с модной стрижкой. Лицо, некогда усыпанное канопушками, значительно очистилось, а волосы, поражающие огненно-рыжим цветом, потемнели. Золотой мальчик стал бронзовым парнем.

Странно, что Адель только сейчас заметила, какого необыкновенного цвета у него глаза – не просто зеленые, а малахитовые.

Они подружились еще в первом классе. Влад сразу стал называть Адель Марусей, сам не мог объяснить, почему. Маруся и Маруся, пусть так, Адель не возражала, тем более, ей не нравилось лишний раз слышать свое дурацкое имечко.

Влад всегда посмеивался над Маруськиными ухажерами, но не ядовито-издевательски, чтобы подруга не обижалась и не приняла его уколы за ревность, которую парень тщательно скрывал, как и свои робкие чувства. Но разве запрячешь свое особое отношение к той самой девушке, которая знает тебя как облупленного. Маруська-Адель давно заметила его тайный интерес, но не пыталась что-либо предпринять, дабы не потерять старого друга: ответить на чувство она не могла, Влад был для нее просто другом.

И вот в день первого сентября, после долгой разлуки, ее сердце неожиданно встрепенулось при виде Владислава Укропчикова, так непохожего на прежнего Влада. Сначала Адель вообще засомневалась, он ли стоит перед ней. Стоит и приветливо улыбается. А потом этот знакомый незнакомец сграбастал ее в охапку и прижал к себе. По-дружески. По-братски. Ведь так давно не виделись, успели соскучиться. После объятий отодвинул ее от себя, но не отпустил и ТАК посмотрел, что ее сердечко рвануло к горлу и там застряло, перекрыв дыхание. Ноги подкосились, и Адель точно бы рухнула на землю на радость всей школе, но вовремя сообразила укоротить дистанцию между ней и Владом и прижалась к его груди. В груди бешено колотилось сердце, норовя проскочить прямо в голову, чтобы взбудоражить и без того беснующиеся мысли и подтолкнуть к неразумным действиям. Адель попыталась мысленно успокоить свое сердце – «уймись ты, наконец, уймись!». Никакие уговоры не помогали. Откуда-то у сердца, вдруг познавшего высокое чувство, появились ноги, откуда-то под этими ногами появился батут, волей-неволей сердцу с ногами пришлось запрыгать на батуте, высоко-высоко, норовя при каждом подскоке выскочить наружу...

У Адель закружилась голова. Пришлось сильнее обхватить двумя руками старого друга и закрыть глаза. С закрытыми глазами стало еще хуже.

Влад что-то ей вещал, кажется, говорил о том, что соскучился, что очень рад встрече, что она, его Маруська, великолепно выглядит... От этих слов, придуманных ею или не придуманных – второй вариант предпочтительнее, ей становилось только хуже, даже начало слегка подташнивать. В голове гудело, голос Влада доносился издалека.

Надо отодвинуться от Влада, мне станет лучше, - подумала Адель, с большим нежеланием убрала голову с груди Влада и слегка потрясла головой, чуть приоткрыв рот, чтобы избавиться от шума в ушах. Радостный гул школьной линейки ворвался так внезапно, что она испуганно попятилась. Напряженно осмотрелась, изумленно сообразив, что вокруг ничего не изменилось, школьная линейка по случаю начала учебного года идет своим чередом, нарядные школьники светятся счастьем, озабоченно и сдержанно улыбаются учителя.

Прошкина перевела взгляд на Влада Укропчикова, который смолк на полуслове и удивленно посматривает на нее. Немой вопрос в его глазах быстро исчез, ему на смену пришли радость, восхищение, надежда, ожидание.

- Я тоже по тебе соскучилась, - брякнула Адель-Маруська, в груди которой произошла замена ЕЕ сердца на донорское, незнакомое, чужое. С этим новым сердцем ей тяжело и легко, радостно и грустно. Хочется смеяться невпопад, хочется рыдать навзрыд, хочется, хочется... Хочется прижаться и стоять долго-долго, хочется молчать и наслаждаться молчанием и пониманием того, что им обоим хорошо и комфортно. А хорошо ли им обоим или только ей одной?

Влад стал другим. И этот взгляд...

От радости и понимания, что надежда есть, что отношения могут измениться, ее сердце перестало скакать на батуте, вернулось на положенное ему место и затаилось в ожидании.

Адель-Маруська не удержалась и боднула Влада в грудь. И так замерла.

- Марусь, с тобой все хорошо? – спросил Влад таким трогательным голосом, что она чуть не пустила слезу.

- Лучше, чем могло быть, - пролепетала она в ответ, путаясь в собственных мыслях. И отошла от него.

Как же так? Почему? Как это вышло? – спрашивала у себя Прошкина и ни к стати вспомнила, что за три прошедших месяца не вспоминала о Владиславе. Вообще. Ну ни разу... Он укатил к каким-то дальним родственникам в Юрмалу и ни разу не дал о себе знать. Даже не позвонил, гад такой. Адель хотела сама его набрать, а потом подумала: он там развлекается с девицами, а тут я... Еще подумает чего... лишнего...

С чего бы ему думать лишнего? Ну, позвонила и позвонила. Хотела узнать, как у него дела, как ему живется в Европе.

Нет, не решилась ему позвонить, чтобы он много о себе не воображал. Сам не звонит, значит, не нуждается в ней, забыл. Друг называется.

Ага, не вспомнила! Давай-давай, обманывай себя. Еще тогда, летом, что-то внутри шевельнулось – обида, ревность, интерес или простая зависть – и быстро испарилось. Просто раньше Маруся с Владом на такой длительный срок не расставались, месяц, не более, а тут целых три.

Наверное, нужно было расстаться, отвыкнуть, «размыть» в памяти облик, чтобы встретиться и посмотреть друг на друга другими глазами.

Только Адель начала мало-помалу приходить в себя, как Влад, знакомый незнакомец, снова расчувствовался и прижал ее к себе. Девушку бросило в жар от таких привычных-непривычных объятий знакомого незнакомца. Она тотчас отпрянула от Влада, отпрянула слишком быстро, хотя, млела от объятий, млела от запаха человека, которого знала десять лет. Но раньше не млела, и сердце не трепыхалось, билось ровно. И слова выговаривались легко, и фразы строились правильно и просто. Внезапно всё переменялось, она превратилась в косноязычную тупицу с коровьим взглядом.

Сейчас видоизмененный Влад заметит ее коровий тупизм, ощутит ее полноту, почувствует ее сильную потливость и, как следствие, учует смешанный запах парфюма и пота, сморщится и поспешно удалится, даже не задав привычный первосентябрьский вопрос – «как ты провел лето». С сочинения на эту тему начинается каждый учебный год. Но то сочинение, в котором должно быть всё правильно и в тоже время совершенно-приукрашено, а то жизнь, наполненная нарушениями запретов и вольностями, иногда выходящими их берегов. Прошкиной

совершенно не хотелось услышать рассказ Влад о том, как он провел лето, потому что в его рассказе обязательно будут присутствовать девушки, благодаря которым он... повзрослел. Потому и не позвонил ей ни разу. Забыл, влюбился, изменился.

Конец всему. Играм, разговорам по душам, телефонным звонкам в неурочное время. Конец дружеской поддержке... Конец жизни...

Потому что ТАКАЯ Адель, переставшая быть Маруськой-другом, ему на фиг не нужна, у него там, в Европе, были девушки ни ей чета. И тем более от них не разило смесью пота и парфюма.

Адель склонила голову набок и незаметно принялась. И облегченно выдохнула - никакого отвратительного запаха нет, только легкий аромат хорошего дезодоранта.

Адель слегка расслабилась. И благодаря переживаниям, возникшим на пустом месте, справилась с новым состоянием. Смогла улыбнуться, что-то сказать связно-умное, с долей юмора, и по-дружески, привычно-залихватски, хлопнуть Влада по плечу.

Но в душе-то, в душе! В душе творилось что-то невообразимое! Это было так внове, так непривычно, что появилось острое желание остаться наедине и свыкнуться с новым состоянием. Наедине! Даже без Влада, красавчика, лучше него нет и быть не может. Вон как все девчонки смотрят на него.

Конечно, Прошкина никуда не ушла, попыталась влиться в общий праздник.

Со своим сердцем она как-то совладала, но что делать с животом?! Нет, живот не болит в привычном понимании, но в нем происходят какие-то непонятные процессы, вызванные новым состоянием. И почему «животные процессы» возникают каждый раз, когда ее глаза встречаются с глазами Влада? Боже, что у него за взгляд! Его взгляд говорит о... о многом говорит. Это особенный взгляд, понятный только ей, Маруське.

Кто-то из влюбленных говорил о бабочках в животе... Может, у нее тоже появились бабочки... Их великое множество, и они, благодаря своей уверенной подъемной силе, тянут Адель за собой. Она летит, летит, летит. И вот она уже парит над облаками... Но где Влад? Его нет.

Он не желает присоединиться к ней. У нее – чувства, у него – чувств нет. Или есть, но у него другой объект для выражения чувств, и Влад тоже где-то летает, летает, летает... в чужой компании.

И что теперь? Как жить с пониманием своей ненужности? Теперь ничего другого не остается, как страдать, плакать в подушку, искать выход – как-то справляться с большим чувством? Конечно, можно переболеть, излечиться и жить дальше, благодарить судьбу, что ЭТО произошло. ЭТО было! Увы, не случилось продолжения, не узнала, каково бывает, если чувство ответное...

Первый учебный месяц никаких сюрпризов, приятных или нет, не принес. И Маруська этому была рада – надежда умирает последней. Параллельно с обучением в школе она начала посещать подготовительные курсы в Архитектурный институт, готовила работы к конкурсам. Голова и руки работали в нужном и как бы в правильном направлении, но сердце ныло от неведения и приближавшейся неминуемой развязке, не сулившей ей ничего хорошего.

Адель специально себя настраивала пессимистически, чтобы, получив неутешительный ответ или ранивший ее намек, сказать – я так и знала! Раз заранее знала, что и расстройство будет не максимальным, не доведет ее до погружения в полную апатию, не утопит ее в депрессии...

Влад общался со своей Маруськой привычно-дружески, только иногда задерживал взгляд на ее лице, как будто на лице была большая бородавка или шрам на лбу после проведенной хирургической операции. Такое сравнение приводила Прошкина и невольно дотрагивалась ладонью до лица или исподтишка поглядывала на экран смартфона, чтобы оценить свое нечеткое отражение, способное уловить некие лицевые изъяны.

И постоянно задавалась вопросом: что Влад увидел на моем лице, чего я разглядеть не в состоянии? Если - отвратительный прыщик-гнойник, то в его взгляде читалась бы неприкрытая неприязнь, если - размазанную под глазом тушь, он бы не преминул сказать, чтобы я устранила беспорядок.

Никакой неприязню и не пахло, о беспорядках в ее внешнем виде Влад не говорил. Или он уловил ее сердечный интерес к нему и

удивляется - о чем она думает? Неужели на что-то рассчитывает? Где он, а где она!

Мать с младых лет внушала дочери, что она красавица, что она лучше всех! Для любой любящей (!) матери дочь всегда лучше всех. Чем чаще говорится на эту тему, тем больше возникает сомнений, тем более у тех дочерей, которые не глупы и адекватно оценивают свое отражение в зеркале. Адель была из их числа. Поэтому, услышав очередное восхищение матери ее «неземной красотой», не выдержала и обронила, отчетливо выговаривая слова: «Материнская любовь слепа, но успокаивает одно - красота является понятием относительным». В ту пору девочке едва исполнилось семь лет. От неожиданности мать растерялась, потом рассмеялась, потом обняла дочь и расцеловала ее в обе щежки, приговаривая «умница ты моя, умница...»

Быть умницей Адели нравилось. Ум компенсировал сомнительную красоту, однако понятие относительности засело в голове, а когда у Адели начали появляться поклонники, она убедилась в собственном высказывании, адресованном ослепленной любовью матери.

Но Адель всегда казалось, что люди с одинаковыми критериями красоты должны быть чем-то схожи внешне, хотя, между ее матерью и каждым поклонником не было общих черт. Внешних! Поэтому она переключалась на душевные качества, вот здесь да, было сходство, главным из которых являлось доброе отношение к ней. И еще терпимость. Почему-то не задумывалась, что доброта и терпимость исходят от особого отношения к ней. Не видела связи.

Сейчас, вспомнив о своей детской философии, она попыталась отыскать сходство Влада с ее матерью. Влад всегда был к ней добр, но до поры до времени, когда его терпение ее выходками заканчивалось.

Что из этого следует? А то и следует...

Глупая философия! Да, глупо с ее стороны искать общие черты между людьми разного пола, возраста и не объединенных родственной связью.

Прошкина совсем запуталась в лабиринте выдвигаемых версий. Вероятно, от любви она сильно поглупела, чем вызвала удивление у

Влада Укропчикова, который смотрел на нее и поражался происходящей с ней метаморфозой.

Вот в чем проблема – он удивлен и поражен!

Умница... эх... умница...

Ни ума, ни красоты... Обделенная...

Пора бы прозреть... Попытайтесь прозреть и понять, что... в глазах Влада мелькает непривычный мужской интерес. Так и есть... Потому он выглядит знакомым и незнакомым одновременно, и его внешние изменения не в счет.

Пора отодвинуть на задний план свои переживания и, наконец, услышать Влада... Но он почему-то молчит. Молчит и смотрит... Это так несвойственно для него.

Вот заговорил и умолк.

Кажется, Влад постоянно порывается что-то сказать, начинает, замолкает, снова говорит, но совсем не о том, о чем собирался сказать...

Как-то в пятницу вечером Укропчиков ей позвонил и предложил сходить в выходной день в кино. Обычное для друга предложение, не абы что. Вот только голос у него был непривычно-странный: нерешительный и волнительно-ожидаящий. Таким голосом мужчины обычно делают своим девушкам предложение руки и сердца. Об этом подумала Прошкина и сильно забеспокоилась, как будто ей сделали подобное предложение и сократили срок для принятия решения до минуты.

- Ну, я не знаю, - в итоге протянула она, одурев от обыденного, на первый взгляд, приглашения. Всего лишь зовет ее в субботу в кино.

- Как не знаю?! – возмутился Влад и не дождавшись четких пояснений, вдруг начал пересказывать сюжет фильма.

Ага, он уже видел этот фильм в своей Юрмале, причем в обществе какой-то привлекательной девицы, - разозлилась Адель, отключившись от монолога друга.

Друг что-то почувствовал, сам прервался на полуслове и вкрадчивым голосом поинтересовался:

- Маруська, у тебя на завтра образовались какие-то дела? Такие дела, о которых ты не можешь мне сказать?

Маруська молчала – сочиняла необидный ответ, но тонко-колющий, заставляющий предпринять что-то сверхординарное, о чем давно мечтала. Например, ляпнет о свидании с парнем, с которым познакомилась на днях. Парень сразу на нее запал, все быстро закрутилось... Банально до оскомины.

Разозлившись на саму себя, резко заявила:

- У меня завтра занятия на подготовительных курсах, поэтому я не могу пойти с тобой в кино! Понятно?!

- Чего уж тут непонятного, – напряженным голосом проговорил Укропчиков, возмущенно посопев. И на всякий случай уточнил, - ты не врешь?

Маруська многозначительно хмыкнула – понимай, как знаешь.

- У тебя свидание, - «догадался» Влад, а Прошкина порадовалась своей «закрученной» идее с подкурсами.

- Почему сразу свидание?! – удивленно вскинула брови Адель, сложив их выразительным домиком. Губы жили своей жизнью, они по-клоунски растянулись в улыбке. Благо, Влад не видел ее воочию. Поэтому она могла корчить рожицы, радуясь своей победе, могла светиться от счастья, могла вдруг загрузить, если он сдастся. Но главное-то она услышала - Владу совсем не нравилось, что у нее предполагается свидание, которое она старается скрыть. Если скрывает, то всё серьезно. Если ничего серьезно нет и не предвидится, то она расписала бы очередного воздыхателя в красках, они вместе бы похихикали и условились о встрече на завтрашний день.

- А что же еще?! - сквозь зубы процедил парень. – Что я должен думать, когда ты пытаешься мне нагло врать?!

- Я? Тебя? Обманываю? - отпечатала Прошкина. - Когда такое было, чтобы я... Да, я самый честный человек из всех правдивых людей, - затараторила она.

- Маруська, ты сама говорила, что занятия на подкурсах у тебя по вторникам и четвергам, - продолжал цедить Укропчиков с робкой

ненавистью, а она представила, как он щурится и отчаянно ждет ее раскаяния, заверения в неправильности трактовки ее слов...

- Так... в четверг занятий не было, их перенесли на субботу, - продолжала врать напропалую Маруся, не понимая, чего добивается. При этом улыбалась всё шире и шире и боялась, что Влад, с которым она затеяла странную игру, ее раскусит из-за ее несдержанного и преждевременного празднования победы.

- Допустим, я тебе поверил, - с явным неудовольствием проговорил он, выдержав паузу. И тотчас задал ответ, полный надежды, - Маруся, а сачкануть никак нельзя?

- Ради тебя, я готова на все! - якобы пошутила она.

В каждой шутке есть не только доля, но и большая часть правды...

Ей казалось, что давний друг-приятель будет ждать ее у кинотеатра с букетиком цветов, милым и в то же время элегантным. А она... поднимет на смех Влада, торжественно сживающего в кулаке букет: что это ты, с дуба рухнул или съел на обед грибы с галлюциногенами и что-то себе вообразил?.. Он фыркнет в ответ: так и было, раз притащился с букетом! А она: неужели мне нельзя подарить цветы? Что ж я физиономией не вышла? И понеслось-поехало. Потом сорвется с места и, не сбавляя хода, доберется до дома. А уж потом, в родных стенах, оторвется по полной - сначала примется рыдать в подушку, успокаивать себя, а затем быстро отыщет виновного – себя любимую, невоздержанную и идущую по проторенной дорожке скандальных особ, способных устроить бурю в стакане воды – раздуть конфликт на пустом месте. Пожалеет о своей глупой выходке, но будет поздно.

Не Маруся - здравомыслящая девица семнадцати лет, а одно сплошное недоразумение, которое кидает из стороны в сторону. Наверное, у влюбленных дурочек всегда так и происходит – сами не знают, чего хотят.

Действуя по указке воображаемой обиды, Адель нарисовала себе другую картину, с применением физического насилия: она забирает из рук Влада пресловутый букет лютиков-цветочков и хлещет Влада по щекам. После чего отправляет букет в урну, отряхивает ладони и уходит прочь, презрительно хмыкнув напоследок.

После подобной выходки Укропчиков к ней точно не подойдет, будет соблюдать дистанцию – от его бывшей школы до его новой школы, куда он переведется по личному желанию, чтобы забыть о существовании одной сумасшедшей.

Возможно, она успела тронуться умом в ожидания чего-то такого, неземного-чудесного. Потому и придумывает буйные истории одна лучше другой. Любимый парень в кои-то веки пригласил ее на свидание – это не просто дружеский поход в кино, она почувствовала по его настойчивому и волнительному голосу, а она ведет себя как дура зловредная: сначала сочинила про субботние подкурсы, потом начала представлять себе «жаркую» встречу, которая довела ее под полного ку-ку. Припадочная.

Вот уж Влад удивится так удивится, когда поймет, с кем он дружил долгие десять лет. То-то будет для него открытие, достойное... звания лауреата всех имеющихся премий.

С чего вдруг с ней произошла такая метаморфоза? Она попросту злится. Да-да, все дело в злости. Она ждет, но ничего не происходит. И сейчас предвидит, что это всего лишь дружеский поход в кино, коих было великое множество за прошедшие годы дружбы.

Влад не испытывает к ней никаких чувств. А она... всё себе придумала... Выдает желаемое за действительное. Опять и снова, снова и опять.

От нахлынувших эмоций, Адель шарахнула об пол свою любимую вазу для цветов, которую ей подарил Влад на женский день восьмое марта.

- Все знают, в гневе я страшна, - пробубнила она, оценив работу собственных рук, увы, мыслительный процесс в голове вовремя не подключился.

На громкий звук прибежала мать.

- Что произошло? – спросила она, вцепившись взглядом в раскрасневшееся лицо дочери.

- Уронила. Случайно вышло, - отпечатала дочь каждое слово, с трудом сдерживая слезы.

Из-за спины матери показалась заинтересованная физиономия отчима. Его появление стало последней каплей для девушки. Она вытолкала

обоих из своей комнаты и придавила спиной дверь, незаметно оказавшись на полу. Едва появившиеся слезы сразу высохли, Адель мысленно задала себе вопрос: «Как у меня лихо получилось получить руины из еще не выстроенного замка?»

Надо для начала встретиться с Владом, а... потом будет видно.

Как же было хорошо до этого первого сентября. Дружба, всё ясно-понятно, и вот тебе – здрасте, прибыли на конечную станцию. Вылезай и разбегайся в разные стороны. Так и будет, если она только намекнет на свои чувства, которые Владу совершенно не нужны. В ответ он скажет заезженную фразу: Маруська, ты отличная девчонка, классный друг, но у меня уже есть девушка, которую я... Давай останемся друзьями.

Так он скажет, но оба поймут без лишних слов - прежних отношений у них не будет никогда. Поэтому надо дорожить тем, что есть... Любишь его, на здоровье, люби тайно...

Укропчиков стоял на ступеньках кинотеатра и ждал ее. Никакого букета в его руках не было. Адель облегченно выдохнула, как будто готовилась действовать по указке своего воображения. А она может, потому что часто следует своим мыслям, не отдавая отчета.

Когда в зрительном зале погас свет, Владислав тотчас сжал ее руку своей надежной мужской рукой, чего ранее себе не позволял. Можно подумать, пытался почувствовать ее поддержку, заранее зная сюжет будущего фильма ужасов. Адель напряглась, затаилась, перебрала кучу вариантов развития событий, не обращая внимания на экран. Фильм шел сам по себе, девушка где-то витала, продолжая сочинять историю отношений, но параллельно готовилась к дальнейшим действиям Влада. Увы, никаких действий он не предпринимал, только сильнее сжимал ее руку, когда на экране творилось что-то невообразимое с дьявольским хохотом и ужасающим криком.

Когда в зале зажегся свет, Адель вернулась в действительность и осторожно высвободила занемевшую руку. Занемевшей казалась не только рука, все тело было чужим, плохо подчиняющимся, что уж говорить о голове, бывшей одновременно вилок капусты и пустым котелком.

На улице уже стемнело. Влад пытался обсудить просмотренный кинофильм, но Маруська отмалчивалась. Предложила посидеть на скамейке, как будто во время долгой прогулки они успели отмахать несколько километров, а не прошли всего-то метров пятьсот, а до этого два с лишним часа оставались приклеенными к удобным креслам.

Они присели на скамейку близко друг к другу. Так случайно вышло. Недолго думая, Укропчиков обнял ее за плечи. Адель с сожалением подумала о своей тучности, о мясистых плечах и о немодельной внешности в целом.

Без перехода Влад заявил:

- Маруська, мне нужен твой совет. Ты же все-таки девочка.

- Я? – опешила Прошкина и убедительно заверила, - да, я девочка.

Могла бы привычно отшутиться: а ты думал, что я мальчик? За десять лет не раскусил?

Но ей было не до шуток, не до веселья. Догадывалась, что сейчас услышит нечто такое, что окончательно убедит ее в невозможности нового статуса их отношений.

- Маруська, я втюрился, всё по-серьезному. И не знаю, как признаться той, которую полюбил.

- В этом деле я не советчик, - чужим голосом произнесла Адель. Кажется, у нее молниеносно поднялась температура, начал бить озноб и захотелось укутаться с головой в теплое одеяло.

- Почему? – беспечно удивился слепец из спепцов. – У тебя всегда было много поклонников, кто-то...

- Никто ничего не говорил, - отчеканила Прошкина, пресекая дальнейшие разговоры на неприятную тему. Как же ей плохо. Все тело выкручивает, зубы выбивают дробь, в животе вместо бабочек гвозди, они тычут во все органы, органы воют от боли, взывают к помощи. Как ей себе помочь? Она не в состоянии себе помочь, помощь должна прийти извне, от единственного человека, сидящего рядом и обнимающего ее за плечи. Одного слова будет достаточно... Трех слов будет достаточно. И она станет самым-самым счастливым человеком на всей планете.

- Никогда не поверю, - между тем хмыкнул Укропчиков, не желая вставать со своего конька. И собрался пуститься в воспоминания, начав привычным «а помнишь...», но девушка рявкнула что есть мочи:

- Не помню! Не было ничего такого и никого не было! Чего ты ко мне пристал?!

Резко скинула с плеча мужскую руку, собралась было рвануть с места в скоростном темпе - и пусть Влад думает о ней всё, что пожелает, ей уже все равно, раз он с кем-то зашурмурился в своей Юрмале, втюрился по уши и теперь не знает как ему признаться, - но повременила: может все-таки стоит его выслушать, без всяких советов с ее стороны и ради сохранения хотя бы видимости дружбы?.. А нужна ли ей такая дружба? Ей уже вообще не нужна дружба с ним, ей хочется чего-то большего, чем прежняя дружба. Лучше сразу рассориться, разойтись, жить и бороться со своей любовью без взаимности. Пусть он продолжает любить кого-то другого, не ее, неуклюжую, толстую, некрасивую... и уже не умную.

Все-таки привстала с места и тут же бухнулась назад, причем не самостоятельно, а под давлением твердой мужской руки. Укропчиков порывисто вернул ей прежнее положение и сразу... всю ее скомкал, сжал, приблизил к ее губам свои теплые и вкусно-пахнущие губы и... перекрыл кислород. От неожиданности Адель попыталась вырваться, сопротивлялась недолго, каких-то пару-тройку секунд, потом уплыла в неведомые дали. В неведомых далях был чрезвычайно жаркий климат, на поверхности воды красовались кувшинки невероятных размеров. В одной из кувшинок находились они, Влад и Маруся – влюбленная парочка, похожая на Дюймовочку и Эльфа.

Как-то забылось, что Адель похожа на Дюймовочку так же, как жираф на кролика, но в данный момент она чувствовала себя именно Дюймовочкой, легкой, воздушной...

Прошкиной необычайно повезло, сказочно повезло – она познала ответную любовь. Ей не хотелось трубить об их отношениях во весь голос. Их любовь была только их любовью.

На людях они вели себя привычно, изображали пацанскую дружбу.

Новый год встречали вдвоем на даче родителей Влада. Он сказал родителям, что они соберутся избранным обществом своего класса, никто не догадывался, что избранное общество состоит из двух влюбленных.

На даче ВСЁ и случилось. Влад был заботлив и слегка безумен, нежен и мягко-напорист. Он был необыкновенным. А она – первой красавицей на земле...

Адель предполагала, что наблюдательная мать заметит, как светятся глаза ее дочери, как она порхает, и сделает соответствующие выводы: когда-то должен был наступить этот момент, все были молодыми, все влюблялись...

Но мать ничего не замечала, или замечала и только делала вид, что жизнь идет как обычно, без изменений.

Чего не скажешь об отчине. Стефан Ремесло спросил прямо:

- Ты с ним спишь?

Адель хотела проигнорировать вопрос – кто он ей, чтобы отвечать на такой личный вопрос, однако не смолчала, с вызовом заявила:

- Я его люблю! После школы мы собираемся пожениться!

Стефан не спросил имени ее избранника, видимо, и так знал. Стефан криво ухмыльнулся и прошел мимо нее, слегка зацепив плечом. Но Адели показалось, что ее толкнули в помойную яму, вымазали в грязи.

Зачем я ему сказала? – запоздало подумала она. Собиралась рассказать обо всем Владу, посоветоваться, но передумала. Пусть отчим ябедничает маме, ей все равно. Будут нападать, воспитывать, уговаривать, убеждать, она соберет вещи и переедет жить к Владу. Тот будет счастлив его родители. Но никуда его предки не денутся, они люди продвинутые, примут пусть не с распростертыми объятиями, но слова плохого не скажут. Что поделаешь – первая любовь.

Отчим ничего не сказал матери Адели, постепенно Адель забыла о разговоре-пикировке... Забыла бы, если бы не подчеркнуто-внимательное отношение Стефана Ремесло, его постоянные заявления – «я люблю тебя как родную дочь». А мать реагирует одинаково – светиться от счастья: в доме мир, покой и взаимопонимание.

Незаметно закончилась зима, в права медленно вступала запоздавшая и ленивая весна, проспавшая свое время. Приближались весенние каникулы.

Первый день каникул выдался теплым и солнечным. Молодые люди договорились встретиться и пошататься по аллеям парка, выискивая укромные уголки.

Адель ждала Влада в условленном месте, а он все не приходил и не приходил. И его мобильный телефон был отключен. Тогда девушка пошла к нему домой. Но дверь ей никто не открыл. Она долго мялась под дверью, прислушивалась, только собралась уходить, как на лестничной клетке появилась мать Влада. Она очень удивилась, что ее сын не пришел на свидание. Пригласила Адель в гости. Мать Влада чем-то ее потчевала, но Адель не понимала, что она ест, какого еда вкуса. Ей все казалось пресным. Сильно тревожило исчезновение Влада. Сидеть и ждать Влада в доме Укропчивых она посчитала неразумным и вернулась домой.

Дома стало еще хуже, Адель металась по комнате, как оглодавший тигр по клетке. И так же как тигр рычала, только тихо, чтобы никто из домочадцев не услышал.

Влад не позвонил ни вечером, ни ночью, ни утром следующего дня. Его родители обратились в полицию.

Отчим вел себя подчеркнуто-дружелюбно, заботился, успокаивал – он ведь любит ее как родную дочь.

Адель не верила ни одному его слову, ее коробили забота, внимание, признания. Ее тошнило от одного его вида... Вида победителя... Никак иначе.

Но Адель убеждала себя – отчим не мог. Он не убийца.

Время шло. Поиски Влада не увенчались успехом.

Адель Прошкина продолжала жить и надеяться. Надежда на чудесное возвращение того, кого она любила всем сердцем, позволили окончить школу и поступить в вуз.

Чтобы окончательно не сойти с ума, она уверяла себя – Влад жив, он просто уехал, сбежал без объяснений, потому что разлюбил. Так ей было легче...

Со временем боль закопалась глубоко внутри, оставив послевокусие безысходности.

Но молодость, жажда жизни, жажда чего-то нового, новых отношений - сделали свое дело. Неожиданно для себя Адель Прошкина влюбилась...

Я ждала продолжения, но рассказчица не спешила откровенничать о своих новых отношениях, которые - не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться – закончились аналогично первым: события развивались по прежнему сценарию – любовь, счастье, мечты о светлом будущем, трагический исход. Неужели кавалеры сбежали от Прошкиной, искусно заметая следы? Но это очень жестоко по отношению к ней.

Если мое предположение верно, то родственники обеих парней заранее знали об их решении, в противном случае не били бы во все колокола. И не думаю, что смогли профессионально исполнить роль убитых горем, где-нибудь да прокололись. И зачем сбежать, зачем идти на крайности, не проще ли взять и объясниться. Мол, была любовь и прошла, не мы первые, не мы последние... Можно подумать, Адель дочь главаря преступной группировки, который за нее порвет любого, как Тузик грелку.

Только я собралась разбавить гнетущую тишину комнаты, полюбопытствовав касательно предпринимаемых действий родителей Влада, но Адель меня опередила, решив, что мое любопытство является несвоевременным, дала понять, что никто не уполномочивал меня лезть с вопросами-предложениями.

- Аксинья Даниловна, мне хотелось бы на сегодня закончить этот разговор. Мне сложно держать себя в руках, сложно изображать из себя смирившегося человека... И голова сильно разболелась, плохо соображает.

- Конечно-конечно, - запричитала я и подумала, что Адель больше ко мне не придет. Почему я так решила? Вторые отношения ее не тронули, она рассчитывала, что они станут успокоительным лекарством - амнезийной таблеткой, но, увы, ничего подобного не случилось. Но ей безгранично жаль, что второго парня постигла та же участь, что и первого. Первая боль утраты заняла всё пространство, всю душу, всё сердце, всё нутро...

- Я приду завтра, вы не возражаете? – спросила Адель, как будто услышала мои мысли.

Выглядела она ужасно, словно Влад исчез накануне, а не год назад. Вероятно, своим повествованием она разбередила и без того кровоточащую рану. Вышел обратный эффект, несмотря на надежду: выговориться и боль ее отпустит хотя бы чуть-чуть.

- Конечно-конечно. Я буду ждать вас в то же время. В пять, - с материнской заботой произнесла я, мысленно кляня себя за свои же преждевременные выводы относительно гостя, чего ранее никогда не делала. Что со мной происходит?

- Я приду, - повторилась Адель. – Я обязательно приду, несмотря... ни на что.

Я не выдержала и с испугом спросила:

- Вам грозит опасность со стороны вашего отчима? Если так, то вы можете остаться здесь, - вырвалось у меня. Где – здесь, я указала разведенными в сторону руками.

- Спасибо вам за приглашение, но поспешу вас успокоить – моей жизни ничего не угрожает, - сказала Адель с таким обреченным видом, словно ее терзали глубокие сомнения относительно сделанного заявления. И тем самым дала мне понять, что приняла опасное для себя решение.

- Милая моя, - ласковым голосом вступила я, - может быть я ошибаюсь, может быть мне только кажется, если я ошибаюсь, то заранее прошу меня извинить, - бубнила я, откладывая озвучивание своей догадки, - но мне показалось, что в... в вашей голове засела... одна... нехорошая мысль, которая предполагает... своеобразное решение проблемы. - Я выразалась путанно, с трудом подбирала слова.

- Если вы о самоубийстве, то могу вас успокоить – не дождется! – уверенно заявила догадливая девушка. Речь, естественно, шла об отчине. Привстала с места, погладила меня по руке – успокоила и одновременно поблагодарила - и добавила, - ничего он мне не сделает. Не посмеет.

- Откуда мы знаем, что у него в голове. Если он совершил два убийства, то адекватным человеком его точно не назовешь. Ко всему он хитер и изворотлив, раз смог «выйти сухим из воды», - пролепетала я, борясь с сумбуром в моей голове.

Хотела найти быстрый выход с наименьшими потерями для Адели, но, увы, мне этого не удавалось. Впервые в жизни я столкнулась с криминалом.

Следуя в прихожую за гостьей, я задала ей еще один вопрос, желая успокоить свою нервную систему:

- Адель, ваш отчим Стефан Ремесло догадывается о ваших подозрениях?

- Иногда мне кажется, что нет, иногда, что да, - подумав ответила она. - Но я не бросала обвинения ему в лицо... И жалею об этом - он мог как-то выдать себя.

- Вы поступили правильно, в противном случае стали для него опасны. Я еще раз предлагаю вам некоторое время пожить в этой квартире. Если вам нужны какие-то вещи, то можем пойти в магазин и купить всё необходимое.

- Спасибо вам, Акси́нья Даниловна, вы очень добрый и хороший человек. Я сразу это поняла, как только вас увидела. Не волнуйтесь за меня, все будет хорошо. - Девушка натянуто улыбнулась, попрощалась и ушла.

Некоторое время я стояла на месте как вкопанная, раздумывая, вернуть ли мне Адель или прислушаться к ее словам, что ей не угрожает опасность. В итоге осталась дома, убрала со стола, вымыла посуду.

В голове снова и снова вертелась история, поведенная Прошкиной.

Если Стефан виновен, но должна быть какая-то зацепка. Он не профессионал, поэтому мог наследить... Где наследить? Откуда мне

знать, где произошло убийство? И случилось ли двойное убийство в одном месте? Что маловероятно.

Куда Ремесло спрятал трупы? Сколько прошло времени, а никто не наткнулся на тела убитых парней.

Сразу вспомнились кинодетективы, в которых убийцы прячут тела в глубоком лесу – выкопал могилу, похоронил, успокоился и забыл. Про братские могилы я в подобных случаях не слышала, одно дело, если убийства произошли одновременно.

Если убийца прятал тела своих жертв в больших зеленых зонах, то никто тела не найдет, если только сам убийца не признается, когда полицейские найдут причину для его задержания. Думаю, методов разговорить преступника у них предостаточно. В данном случае я имею ввиду допустимые законом методы получения информации.

От размышлений о предполагаемом убийце я вернулась к Прошкиной и к исчезнувшему Владу Укропчикову. Мне было искренне жаль и несчастную девушку, и бедолагу Влада, чья судьба известна одному убийце.

Всё думала и думала, как помочь Адели, где искать Влада. Пока ничего умного в голову не приходило. Мысли скакали как взбесившиеся кузнечики, картины расправы над несчастной жертвой перемежались с переживаниями о сегодняшнем дне – как там Адель, что делает, о чем думает, как ведет себя ее отчим?

Я отправилась в ванную и умылась холодной водой. Изучая в зеркале свое влажное лицо, я внезапно подумала: вдруг Влад Укропчиков жив? Да-да, Влад живет себе и здоровствует... где-то... там.

- Точное определение местонахождения, - вслух скептически высказалась я. Передернула плечами и продолжила свои рассуждения, - у каждого человека свои особенности поведения, свой характер. Именно из-за мягкотелости и нерешительности он не смог прямо объясниться с Прошкиной. Просто взял и сбежал, когда она... начала строить планы на будущее, не вникая в желания мужчины, а мужчины этого ужас как не любят, они боятся женского напора и пренебрежения их собственным мнением, не выносят, когда решают всё за них, но терпят до тех пор, пока есть желание терпеть или начинается новый

период - свою «узурпаторшу» они начинают воспринимать в другом качестве.

Рано или поздно заканчивается затяжной дождь в период хмурой осени, или снег в середине сдержанно-морозной зимы – в переводе с философского на русский разговорный: всему когда-то приходится конец, и плохому, и, увы, хорошему.

И еще мужчин весьма пугает одна новость, особенно в незрелом возрасте. В зрелом - эта новость их тоже пугает, но не сбивает с ног, им необходим какой-то временной промежуток, чтобы с ней освоиться, принять ее, обмозговать и затем порадоваться. И этому есть объяснение – привыкли жить в определенном ритме, с определенными обязанностями, скажем честно, не слишком обременяющими, и вдруг приходится резко менять свою устоявшуюся жизнь. Речь, естественно, идет о беременности их избранницы.

Подобное могло произойти с неопытной молодой парой, Аделью и Владом. Адель, узнав о беременности, тут же поделилась новостью с Владом, чтобы вместе разобраться – радостная ли эта новость или совсем наоборот. Если у Адель в голове царил неопределенность, то Влада новость ошарашила, сбивала с ног. О чем он тотчас завил, причем выражение его лица говорило о многом. Влад мог бросил что-то резкое, типа – «где были твои мозги», Адель обиделась, наговорила его десяток обвинительных слов и убежала.

Не известно, доверительные ли у Влада отношения с матерью, но он мог обратиться к ней за советом. Найдется мало матерей сыновей выпускного класса, которых новость о скором отцовстве отпрыска, который еще недавно сам «ходил под стол пешком», заставит скакать бодрым козликком. Зная бескомпромиссный характер Адели и ее сильную привязанность к Владу, мать Влада сообразила, что по хорошему с девушкой не договоришься, и предложила простой выход из сложной ситуации – сбежать! Куда? К примеру, в Юрмалу, к дальним родственникам. А заявление о пропаже сына мать подала в полицию для отвода глаз. Да, и мать, и сын, согласившийся на авантюру, поступили жестоко по отношению к Адели, но несколько об этом не пожалели, потому что не было другого выхода.

Вот такое предположение неожиданно родилось в моей голове и было озвучено в тиши ванной.

И что же следственные органы? Следственные органы завели уголовное дело, провели розыскные мероприятия по поиску пропавшего Владислава Укропчикова. Поиски результатов не дали. Что мы имеем? А мы имеем «висяк», как говорят профи.

Между тем Влад Укропчиков спокойно окончил школу, получил аттестат о среднем образовании, поступил в вуз, живет новой жизнью и не вспоминает Прошкину.

А Прошкина, оставшись один на один со своей беременностью, решила вопрос известным способом, не поставив в известность мать.

Вернемся к Владу. Есть несколько явных противоречий в моих рассуждениях: если бы Влад пересек границу Российской Федерации, то это стало бы известно соответствующим органам; если бы Влад остался в Российской Федерации и не пересекал бы границу, то благодаря тому, что он был объявлен во всероссийский (!) розыск, а его фотографии были разосланы по всей стране, его бы легко вычислили – нисколько не сомневаюсь, что к пластической хирургии он не прибегал; и еще один не менее важный момент - Адель заявила о двух случаях исчезновения парней, не думаю, что второй парень пошел по пути Влада Укропчикова и тоже сбежал.

Выходит, что Влад не сбежал от Адели. Он, действительно, бесследно исчез. А жаль – данный вариант, предложенный мною, был бы жестоким по отношению к девушке, но оставил бы Влада в живых. Кто-то может сказать: вот же гад, лучше бы умер, чем ТАК себя вести. Лично я не желаю смерти никому, если только маньякам-убийцам или педофилам.

Повторюсь – лучше побег с предательством, чем ужасный конец одной из сторон, поэтому я вновь уцепилась за свою мысль с побегом.

А если Влад заранее проработал операцию? Где-то приобрел поддельные документы... Бред, еще приплети пластическую операцию для полного изменения внешности, от которой успела отказаться. Это уже из жизни шпионов или главаря преступного мира, уходящего от заслуженного возмездия. Кстати о преступном мире... Вдруг Влад

совершил серьезное правонарушение? Тогда ему точно понадобятся «липовые» документы, благодаря которым он сможет покинуть страну.

А что? Это мысль, требующая глубокого осмысления.

Мысль не спешила развиваться в голове, уставшей от чрезмерной нагрузки. Я бродила в потемках по квартире и как мантру повторяла и повторяла фамилию Укропчикова по одной простой причине – пыталась вспомнить, где я ее могла слышать. Конечно, это не избитые Иванов-Петров-Сидоров, но и не Придыхайлов какой-то, один на три миллиона.

Незаметно я оказалась на лоджии.

Майский жаркий день давно сменился благоприятным майским сумеречным вечером. Именно на свежем воздухе я пришла к выводу, что знакомых Укропчиковых у меня нет и не было, просто это однокоренное слово с известной пряной зеленью, вот и всё объяснение.

Вечерний воздух улицы был наполнен ароматом цветущей акации. Некоторое время я тешила свое обаяние, потом все-таки решила лечь спать, не забыв четко сформулировать вопрос касательно сегодняшней запутанной истории с исчезновением Влада Укропчикова...

В большом цветочном горшке колосился укроп. Горшок стоял на широком подоконнике, никакие дуновения ветра не могли подключить овощную культуру к своей игре при всем желании, но укроп, по неведомой причине, шевелился как бы под действием сторонней силы, а затем и вовсе взялся укладываться в снопы наподобие срезанных колосьев пшеницы как бывало в далеком прошлом, когда на помощь крестьянам еще не пришла сельскохозяйственная техника. Сбор урожая с помощью серпа начался в центре круглого горшка и велся строго по спирали. Когда «лес» из высокого укропа слегка поредел, стал просматриваться «крестьянин» - человек, который трудился на уборке урожая. Крохотный человек напоминал Нильса, того самого, путешествующего с дикими гусями и ищущего себе приключений. Нильс из мультфильма был повыше росточком, чем этот «крестьянин» с малюсеньким серпом, затерявшийся среди укропного «леса». Умаявшись, Нильс-крестьянин решил передохнуть, лег на землю, закинув руку под голову. Согнул одну ногу в колене, а другую

пристроил на нее, принялся беспечно насвистывать и покачивать стопой перекинутой ноги. Свист напоминал пение соловья - выходило красиво и мелодично. И вдруг откуда ни возьмись появилась здоровенная человеческая рука-ручище. Выставив указательный палец, обладатель здоровенной руки принялся вжимать человечка Нильса во влажную землю. При всем своем желании Нильс не мог противостоять большой человеческой силе, сосредоточенной в одном указательном пальце, но Нильс боролся изо всех своих крохотных сил, цеплялся за палец руками и ногами, извивался, изворачивался, но, увы, без всякого результата...

Я проснулась от собственного всхлипывания – так мне было жаль маленького трудолюбивого человечка. Села на кровати и никак не могла прийти в себя, с тревогой оглядываясь по сторонам.

Немного успокоившись, пошла на кухню, чтобы выпить воды и окончательно вырваться из жарких объятий странного сна.

Что за ерунда, право-слово! Разве об этом я спрашивала перед тем, как уснуть?!

Но ответ получен, пусть и завуалированный.

Допустим, этим крошкой Нильсом был Влад Укропчиков – недаром привиделся пушистый укроп, похожий на сосновый лес. Далее - Влад-Нильс работал серпом. Серп – режущий инструмент. Вывод?

Вывод мне совершенно не понравился, последние сомнения в том, что Влад до сих пор жив, у меня исчезли.

Влад Укропчиков скончался от ножевого ранения, убийца закопал тело... Где? В лесу, - тотчас родился ответ, но тут же появилось внутренне противоречие, возросшее до небес.

Надо искать правильный ответ.

С этой мыслью я вернулась в спальню и попыталась уснуть.

Если кто-то уверяет, что он способен увидеть продолжение прерванного сна, не верьте!

Я сидела в классе, на третьей парте среднего ряда. Рядом со мной сидел пацан с яркими зелеными глазами, рыжеволосый и смешной. Он

тянулся своей авторучкой к моей тетради, чтобы нарисовать в ней рожицу. При этом заранее хихикал, представляя, что выйдет из-под его пера. Я отодвигала тетрадь, он тянулся и заваливался на меня.

Учительница выводила мелом на доске тему изложения, которое нам предстояло писать после прочтения текста самой учительницей. Услышав неподобающие моменту звуки, учительница резко развернулась и шикнула на нас, назвав обоих по фамилии:

- Кутепова, Укропчиков, я сейчас выгоню вас из класса и напишу в дневнике, чем вы занимались на уроке русского языка.

- Почему сразу Укропчиков, - возмущился рыжий, - всегда Укропчиков, да Укропчиков! Это Кутепова ко мне пристаёт и мешает заниматься!

- Я к тебе пристаю?! – закатилась я от нахлынувших эмоций и со всей силы шарахнула одноклассника по голове увесистым учебником.

Вместо того, чтобы провести ответные рукоприкладские действия или схватиться за ушибленное место, рыжий прижал ладони к животу и скривился от боли. Потом отнял ладонь от живота, и я увидела на его ладони кровь. Что странно, никто из учеников, в том числе и учительница, ничего не замечали. Учительница продолжала выводить мелом на доске, а ученики корябали в своих тетрадках. Я силилась закричать и привлечь внимание, но у меня вырывались из горла какие-то подозрительные звуки, напоминающие крик осипшего петуха и замедленный ход паровоза одновременно. Но и этих звуков было недостаточно для того, чтобы их услышали окружающие.

Мы с Укропчиковым дружно смотрели на его окровавленную ладонь, другой ладонью, ангельски чистой, он силился написать в тетради имя своего убийца – мое имя. Уже начал выводить – в моей смерти прошу винить...

Я приготовилась вырвать из его рук авторучку, чтобы он не написал ничего порочащего меня – я-то совершенно ни при чем, я всего лишь огрела его учебником по голове, никаких ранений в живот не наносила, но в это время в класс зашла девочка в школьной форме и с двумя косичками, с вплетенными в них коричневыми бантами – как и

положено в годы моей учебы в школе. Почему-то девочку с косичками тоже, кроме нас с Укропчиковым, никто не заметил. С деловито-озабоченным видом она подошла к нашей парте и озабоченно произнесла:

- Владик, где ты был? Я тебя обыскала.

- Мам, это все она! – продолжил свое ябедничество пацан и указал на меня пальцем чистой руки.

- Мама? – вопросительно глядя то на женщину-девочку в форменном платье, то на рыжего пацана, пробормотала я.

- Да, я его мать, - призналась она и, заметив, мягко сказано, беспорядок во внешнем виде сына, спокойно достала из кармана своего форменного фартучка носовой платок и вытерла сыну испачканную кровью руку, при этом приговаривала, - ну, на минуту нельзя оставить тебя без присмотра. – В ее голосе было столько нежности и любви, что у меня сжалось сердце.

Я продолжала внимательно следить за ее действиями, потом все-таки напомнила о себе неожиданно вырвавшимися словами, обращенными к матери третьеклассника, которая выглядела его ровесницей.

- Привет, Алла, давно не виделись! Не знала, что у тебя есть сын.

- Привет, Аксинья, - безразличным тоном поприветствовала она меня.

- Как дела? – спросила я и уцепилась за руку Укропчикова, чтобы он никуда не ушел.

Мать, которую я назвала Аллой, схватила сына за другую руку и потянула за собой, собираясь покинуть класс вместе с ним и оставив мой вопрос без ответа. Некоторое время мы занимались перетягиванием десятилетнего рыжеволосого мальчугана, обалдевшего от наших усиленных действий. Потом Алла отпустила его руку и сказала:

- Я его мать, поэтому не хочу, чтобы мой ребенок пострадал.

- Я знаю эту притчу: женщина своими действиями подтвердила, что она его родная мать, - сообщила я, подумала и тоже выпустила руку Укропчикова.

На свободе он оставался недолго. Сзади его схватили две руки, сжали с такой силой, что бедный мальчишка стал на глазах уменьшаться в размере, как будто он был полый фигуркой, вылепленной из мягкого материала для лепки. А затем и вовсе пропал. Мы с Аллой долго не могли поверить в случившее, а потом Алла сильно заголосила...

Я лежала с закрытыми глазами и боялась их открыть, как будто боялась увидеть того, кто находится очень близко от меня, кто-то очень опасный и страшный-престрашный. Человек-великан. Человек-убийца. Казалось, что он пришел из первого сна, это был тот самый, вознамерившийся впечатать Нильса в землю давлением указательного пальца правой руки.

У меня перехватило дыхание. Показалось, что я тоже уменьшилась в размере и громадина злодей сию минуту проделает со мной тоже самое, что и с Нильсом. Но Нильс лежал на земле, а я – на кровати. В этом большая разница.

И вообще – пора вырваться из лап странных и пугающих снов и поразмыслить над увиденным.

Алла! Это же была Алла Айнбиндер, моя одноклассница. Мы дружили три года, потом Алла ушла из нашей школы.

Сколько лет прошло, не удивительно, что я забыла о ней, почти не помню, что произошло...

Надо постараться... Или лучше позвонить еще одной нашей школьной подруге, Варваре Поповой. Варвара уже лет тридцать носит фамилию Дегальцева, но для меня она по привычке осталась Поповой. С Варей мы вместе проучились до восьмого класса, потом она поступила в техникум связи, но мы продолжали поддерживать отношения. В начальной школе Попова отличалась от других одноклассников собранностью, ответственностью, взрослостью, в данном случае речь не идет о ней, как о прилежной ученице, училась Варя средне. Объяснялась ее взрослость просто – в семье она была старшей из

пятерых детей. И в школе по привычке опекала нас с Аллой. Особенно Аллу, потому что родителей у нее не было, они жили вдвоем с бабушкой.

Вот и положено начало восстановлению памяти. Однако, дальше дело застопорилось. Как я не пыталась вспомнить что-то еще об Алле, увы, ни граммелечки мне память не выдала.

Я посмотрела на часы, сообразила, что звонить Варваре еще рано, поэтому неспешно выпила две чашки кофе и только тогда позвонила.

Варька, сама мать троих взрослых детей и бабушка прекрасного внука, как раз ехала на работу на своем автомобиле и согласилась пуститься в воспоминания, потому что попала в «пробку» и черепашье передвижение позволяет немного поболтать.

Я не позволила Поповой-Дегальцевой уйти в сторону и выпытывать новости, сразу направила ее речь в нужное русло воспоминаний.

- Аллу Айнбиндер? Конечно помню? А что это вдруг она тебя заинтересовала?

- Элементарное любопытство.

Пространный ответ удовлетворил Варвару.

- Что я помню? Я помню, что ее отец был каким-то ученым, хотел переехать с семьей в Германию, не в ФРГ, а в нашу социалистическую ГДР, начал оформлять документы, и тут происходит автомобильная авария, в которой погибает он и его супруга, а дочь, наша Алка, отделалась легким испугом. Ей невероятно повезло. После гибели родителей бабушка оформила над ней опеку.

- Да, я помню, что Аллу воспитывала бабушка, но о трагедии с родителями я совершенно забыла. И куда Алка потом подевалась? Перевелась в другую школу?

- Как куда подевалась?! Бабушка скончалась от болезни сердца, других родственников у Алки не было, поэтому ее отправили в детский дом.

- Впервые об этом слышу.

- Я случайно узнала, моя мать дружила с одной женщиной, которая хорошо знала Алкину бабушку. Мать поделилась со мной новостью, но

взяла с меня слово, чтобы в школе я не болтала. Не наше это дело, кого куда отправили. Я привыкла держать данное слово.

- Вот, значит, как, - огорчилась я судьбой Аллы. И без надежды на успех спросила, - Варя, ты ничего о ней больше не слышала?

И не ошиблась.

- Откуда? – вздохнула школьная подруга, которая никогда не отличалась особым любопытством.

- Слушай, по закону бабкина квартира должна была остаться за внучкой.

- По закону, да, - без уверенности пробормотала Варя. – И надо учесть тот факт, что Алку могли взять в приемную семью и...

- И тогда фиг я ее найду, - огорчилась я. – Другая фамилия, другое местожительства, всё другое.

- Не торопись с выводами, - осадила меня Попова, - это всего лишь мое предположение, все-таки в семью охотнее берут малюток, а Алке в то время было больше десяти лет. Возраст – «не сахар», кому знать, как не мне, многодетной матери. Если Алка оставалась в детдоме до совершеннолетия, то потом могла вернуться в квартиру своей бабки, которая была закреплена за ней все эти годы... Впрочем, я мало смыслю в юридических делах, тем более, в то время были другие законы и порядки... Но давай будем исходить из благоприятного для нас варианта.

- Столько лет прошло, - вздохнула я с глубокой печалью, - если бы Алка и вернулась в квартиру бабушки, не факт, что она живет в ней до сих пор...

- Могла и продать.

- А могла и не продать, если эта квартира дорога ей как память о родных, которых давно нет, - повеселела я, переметнувшись в оппозицию.

- Правильно мыслишь, - похвалила меня подруга. – Но в делах поиска я тебе не помощник, и времени нет, и совсем не помню, где она жила. Уверена в одном, что не так близко от школы, как мы с тобой.

- Я визуально помню, поэтому могу пойти и побродить по знакомым местам.

- Каждый труд благослови, удача! – процитировала Варвара.

Я сразу взялась за свой потрепанный талмуд с номерами телефонов и адресами моих друзей, который недавно меня уже выручил, когда я решила узнать о судьбе моего бывшего мужа.

Я быстро отыскала номер телефона Аллы Айнбиндер, написанный моим ровным детским почерком. Рядом с номером телефона был выведен адрес – улица Вавилова, дом 69, квартира 17.

- Прекрасно! – сразу возликовала я, как будто успела убедиться, что моя бывшая одноклассница, с которой нас давно развела судьба, по-прежнему проживает по данному адресу.

Недолго думая, набрала номер телефона, особо не надеясь на удачу – в одну воронку снаряд два раза не попадает.

Ни тебе гудков, ни тебе словесных сообщений я не услышала.

Значит, надо идти на улицу Вавилова, в дом номер шестьдесят девять и искать Аллу Айнбиндер, которая, если верить моему сну, носит фамилию Укропчикова... Если всё так, то мне ее искренне жаль. Вот же судьба у бедной Алочки – то родители погибли, то бабушка умерла от болезни сердца, то детский дом, а теперь вот трагедия с сыном.

Бывают люди, которые притягивают к себе неприятности. Интересно, есть люди, к которым липнет удача вместе со счастьем? Лично я таких не встречала. На смену счастью приходит неприятность, на смену неприятности – счастье, всё в этой жизни имеет особенность повторяться.

Я привела себя в порядок, оделась, обулась, только взяла в руки смартфон, чтобы положить его в сумочку, как он вдруг ожил. На экране высветился незнакомый номер. За всеми событиями, связанными с Аделью и исчезнувшим Владом, я совсем забыла о своем объявлении. И сейчас, завидев, незнакомый номер, вспомнила и поспешила ответить.

Звонила незнакомая, что естественно, женщина, не пожелавшая назвать свое имя. Просто сказала, что ей нужно кому-то выговориться.

- Когда вам будет удобно? – вежливо поинтересовалась я, внимательно рассматривая входную дверь своей квартиры, возле которой я топталась на всем протяжении короткого телефонного разговора.

- Прямо сейчас. Если можно. Мне кажется, вы не стали размещать свои объявления по всему городу, поэтому осмелюсь предположить, что вы живете в этом районе. Думаю, пятнадцати минут мне хватит, чтобы добраться до вас. Называйте адрес.

Я не успела произнести ни слова, как женщина выдала альтернативное предложение:

- Если вы предпочитаете встречаться на нейтральной территории, то я не возражаю. Где вам удобно? Я могу пригласить вас к себе домой, нам никто не помешает, я живу одна.

- А как вам удобнее?

- Лучше встретиться у меня, - без раздумий ответила незнакомка.

- Я согласна, - сказала я и повторила ее же слова, - называйте адрес.

- Улица Вавилова, шестьдесят девять, квартира семнадцать.

- Повторите, пожалуйста, - охрипшим от волнения голосом, попросила я...

В том, что мне позвонила именно Алла Айнбиндер, сменившая после замужества девичью фамилию на фамилию Укропчикова, у меня не было сомнений, поэтому, прежде чем отправиться к ней, я чересчур придирчиво осмотрела себя в зеркале, как обычно это делаю перед встречей выпускников, желая выглядеть как можно лучше. Задолго до назначенной даты я целый месяц питалась «отходами производства», чтобы сбросить хотя бы немного лишних килограммов. Мне это удавалось, но килограммы быстро возвращались.

За последнее время я похудела без всяких диет, и осталась довольна своим отражением в зеркале, чего ранее не случалось или случалось крайне редко: к своей внешности я относилась самокритично и особо не реагировала на лживо-льстивые речи заинтересованных или иных лиц.

Не сказать, что я слышала подобные заявления с завидной регулярностью, но приходилось, чего уж скрывать. Кроме недовольства они у меня ничего не вызывали, даже сдержанной благодарности не вызывали. Причем, по странному стечению обстоятельств действовал известный закон подлости – чем лучше, тем хуже: чем лучше я выглядела, тем больше «добренских пинков» мне доставалось, видимо, сказывалась зависть, чем хуже – тем больше получала язвительных комплиментов, бывают и такие. Но завидовали мне редко – было бы чему, и своей красотой ежедневно не слепила окружающих, поэтому раздражения случались крайне редко.

- До чего ж я хороша! – на этот раз восхитилась я, позаимствовав слова от одной известной мультяшной особы по имени Маша, когда смотрелась в зеркало.

После чего спросила у себя голосом въедливой журналистки, не забыв приложить щетку-расческу к губам, изображая микрофон:

- Скажите, Аксинья Даниловна, как вам удалось достичь таких результатов за довольно короткий срок?

Подумав, ответила, мгновенно растеряв радостный настрой:

- Лучше тебе об этом не знать.

Какое-то время смотрела в зеркало и не видела себя.

Понятное дело – следовавшие одна за другой потери близких не могли не отразиться на моем здоровье. Я слышала, что люди резко худеют по причине онкологического заболевания.

Я прислушалась к себе. Никаких внутренних болей я не ощущала. Зачем делать скоропалительные выводы?! Ну, похудела и худела! Очень хорошо, что похудела, давно об этом мечтала. Может быть, произошел какой-то гормональный сбой или причина в полном отсутствии аппетита. Или в смене сидячего образа жизни на подвижный. Раньше приду на работу, прилипну к стулу и работаю, работаю. Сейчас все иначе.

И долго я собираюсь стоять столбом? – задалась я вопросом. – Как бы тебе, Аксинья, не хотелось оттянуть встречу с Аллой, ничего не выйдет – надо идти! Сама согласилась, так что не ищи причины для увиливания.

Если сон «в руку», то сейчас я увижу свою бывшую одноклассницу Аллу, и сейчас она находится в таком состоянии, что ей глубоко наплевать на мой внешний вид.

Ей, вполне возможно, и наплевать, но я хочу произвести на нее хорошее впечатление. Бывшая одноклассница не предполагает, кого пригласила к себе домой. Вот-то удивится!

Одно дело идти к незнакомому человеку, который встретит тебя по одежке, а проводит по уму, другое дело человек из далекого прошлого, твой ровесник.

Скорее всего, мое имя Алле ничего не сказало, раз она не задала уточняющий вопрос. Или мне звонила не Алла. Одно из двух. Не скажу, что моя фамилия – Кутепова - широко распространенная, но у многих на слуху: к генералу армии от инфантерии и руководителю белого движения Александру Павловичу Кутепову я не имею никакого отношения. Да и имечко тоже из редких. Но Алла никак не отреагировала, получается не помнит меня, или ее голова забита своей большой проблемой настолько, что все фамилии знакомцев напрочь вылетели из головы. И не мудрено - пропал сын, единственный, не единственный - роли не играет.

Раз я склоняюсь к версии, что мне звонила моя Алла. Поэтому надо переодеться во что-то более приличное. Еще скажи – в вечернее платье и туфли на каблуках!

Пойти как есть?

Джинсы сидели на мне превосходно – без ложной скромности, и белая классическая футболка без всяких аляповатых рисунков или закрученных надписей не облипала, как упаковочная пленка сардельку, выделяя ненужные выпуклости. Обувь – скромные спортивные туфли – были удобными и позволяли без проблем проходить длинные расстояния. Решено – иду так!..

Я не помню, почему бабушка устроила внучку Аллу в нашу школу, ведь рядом с их домом была нормальная школа, и девочке не пришлось бы ехать на автобусе две остановки – все-таки идти пешком было далековато, особенно по утрам, когда надо успеть к первому уроку. Возвращалась Алла из школы пешком, я ее сопровождала почти до дома

или мы расставались на середине пути. Если доходили до ее дома, то Алла всегда приглашала меня в гости. Я никогда не отказывалась: у нее было приветливая добрая бабуля, которая жарила превосходные оладьи. Мы ели оладьи с клубничным вареньем, моим любимым.

Поначалу я тоже собиралась пройти пешком до дома шестьдесят девять по улице Вавилова, чтобы настроиться на предстоящий разговор, однако мои оценки собственной внешности заняли какое-то время, поэтому я поехала на автобусе.

Через пять минут я вышла из автобуса и направилась к подземному пешеходному переходу, чтобы оказаться на другой стороне улицы, где находился нужный мне дом, но вдруг из перехода мне навстречу выскочила девочка лет пяти, она шустро подлетела к заборчику, огораживающую проезжую часть, ловко вскарабкалась на него, как заправский солдат при проходе полосы препятствий, и оказалась бы на проезжей части, где беспрестанно носились автомобили и общественный транспорт, если бы я не среагировала вовремя и не сграбастала в охапку бойкую нарушительницу.

Я прижала девочку к себе. Не знаю, сколько бы мы так простояли, но непоседа ловко выкрутилась из моих рук и осела на землю. Задрвав голову, она принялась внимательно меня изучать. Я смотрела на нее сверху вниз и тоже ее изучала. Голубоглазая блондинка с волнистыми до плеч волосами в белом платье с фиолетовыми цветами мне безумно нравилась.

Наше безмолвное короткое знакомство было прервано взволнованным мужским голосом:

- Верочка, что ты творишь?! Разве так можно себя вести?!

Верочка быстро сориентировалась и схватила меня за руку. Я обратила свой взор на мужчину, который никак не мог отдышаться после быстрого подъема по лестнице подземного перехода. Передо мной стоял пожилой седовласый мужчина под шестьдесят, с небольшим брюшком, в светлых бежевых брюках, рубашке-поло бирюзового цвета и в бежевых мокасинах. На плече болталась небольшая сумочка, в руке он держал куклу, явно принадлежащую шалунье Верочке.

- Дедушка, надо лучше смотреть за внучкой, - выговорила ему я, но неожиданно для себя улыбнулась. Дедушка сразу вызвал у меня симпатию. Особенно меня поразили его глаза, живые и совсем юношеские, и ямочка на подбородке.

- За ней не уследишь, - покаянно произнес мужчина, забирая у меня «эстафетную палочку». – Я вам очень признателен, если бы не вы... Даже боюсь представить, что могло произойти... Шелудяков Олег Иванович, - вспомнил он и протянул мне руку.

- Кутепова Акси́нья Даниловна, - назвалась я, улыбаясь еще шире, и втиснула свою ладошку в ее мягкую теплую руку.

- А это моя...

- Я его дочка, - не дала договорить Верочка и запрыгала на одной ножке от радости, что у нее вот такой папа.

Я не могла скрыть удивления, и улыбка быстро исчезла с моих уст. Знаю я таких... папочек-дедушек: бросают состарившихся жен, женятся на молоденьких, те рожают детей... непонятно от кого, а старые дураки думают, что принимали активное участие... Терпеть не могу таких... предателей.

Видимо, мое лицо с лихвой отразило душевные эмоции, Шелудяков тихо пояснил:

- На самом деле Верочка моя внучка, но... произошла трагедия и у Верочки никого не осталось кроме меня... Я ее усыновил... удочерил я ее. Теперь живем вдвоем.

Мне стало стыдно за свои преждевременные выводы, пусть и не озвученные.

- Мне бы хотелось, Акси́нья Даниловна, вас как-то отблагодарить.

Верочка, которая до этого отвлекалась на какие-то свои важные дела, как то изучение проезжающего мимо рефрижератора, мигом сообразила и сказала:

- Надо пойти в кафе-мороженое! Правильно, пап?

- Я не возражаю, а вы, Акси́нья Даниловна? Составите нам компанию?

- Я бы с большим удовольствием, но у меня назначена важная встреча. – Олег хотел что-то сказать, но я продолжила, - сколько она продлится, я не знаю. И не уверена, что после разговора у меня появится желание куда-то идти. Не обижайся, Верочка, - сказала я, присев рядом с девочкой, когда заметила, как ее губы выгнулись коромыслом.

- Ты мне понравилась, - сообщила она с придыханием и обхватила меня за шею своими ручонками.

Мне сильно захотелось плакать от жалости к этому ребенку, у которого кроме деда, слава тебе господи, что есть он, никого не осталось.

- Можно ваш телефон, - попросил Олег Шелудяков. Не слова ни говоря, я протянула ему свой мобильник, в который он занес ряд цифр. – Это номер моего телефона, появится желание, позвоните... Мы с Верочкой будем ждать.

- Очень будем ждать, - убедительно проговорила девчушка...

Наконец, я добралась до нужного мне дома и до нужной квартиры. От волнения сердце в груди трепыхалось загнанной птицей.

Дверь мне открыли сразу. Передо мной стояла симпатичная женщина. Я бы ни за что не узнала в этой женщине Аллу Айнбиндер, если бы не одна отличительная черта, о которой я сразу вспомнила: на лбу той девочки Аллы, с которой я дружила сорок лет назад, тоже было родимое пятнышко правильной круглой формы, схожее с банди в центре лба у индианок, которое еще называют третий глаз...

Глава третья.

Ангажированное мнение

Алла Айнбиндер пробыла в детском доме меньше года, после чего, волею близкой подруги ее покойной матери Майи Глебовны Прохориной, вошла в семью Прохориных. Майя Глебовна вместе с мужем и сыном несколько лет прожила на Кубе, а когда вернулась на родину и узнала о судьбе Алочки, то сразу заявила, что хочет забрать девочку из детского дома. Супруг Майи был настроен

категорически против, но женщина не прислушалась к его мнению. Отношения между мужем и женой дано разладились, брак висел на волоске, Майю тяготила неопределенность: с мужем жить невыносимо, а без него – непривычно и даже страшно. После нескольких лет жизни в чужой стране своя страна показалась ей незнакомой и путанной – в любой бытовой ситуации Майя терялась. Но непреклонное желание взять сироту Аллу в свою семью, расставило все по своим местам: и Майя освоилась в своей стране быстрее, чем ожидала, и муж проявил инициативу - сделал выбор не в пользу супруги, которая пошла наперекор его мнению. Он искал повод, повод нашелся в лице сироты.

Так они стали жить втроем: Майя, Аллочка и сын Майи Филипп, ровесник Аллы. Вскоре семья увеличилась на два человека – Майя вышла замуж за вдовца с девочкой дошкольного возраста.

Достигнув совершеннолетия Алла Айнбиндер перебралась в квартиру бабушки. А через два года вышла замуж на друга своего сводного брата Филиппа, за Владимира Укропчикова. Сначала молодые не спешили обзаводиться потомством, когда «созрели», то у них никак не получалось. Отчаявшись стать родителями собственного малыша, Укропчиковы усыновили мальчика Петю, а спустя год Алла поняла, что беременна. Ее, тридцатилетнюю женщину, в ту пору называли старородящей, они с мужем смеялись над этим определением, не думали о плохом, настраивались на хорошее. Так и вышло – у Укропчиковых родился здоровый малыш, которого назвали Владиславом.

Мальчики, Петя и Влад, купались в любви и заботе родителей. Но в десятилетнем возрасте серьезно заболел Петя. У него нашли онкологическое заболевание. Родители боролись за его жизнь год, хотя, врачи не давали и двух месяцев, слишком скоротечной и ужасной была болезнь.

После похорон Пети беда еще больше сплотила Укропчиковых.

Влад рос хорошим и послушным мальчиком. Он был очень привязан к матери, маленькой хрупкой женщине, которая выглядела его старшей сестрой.

Годы пролетели незаметно. Не успела мать оглянуться, как сын вырос. Будучи умной и рассудительной, она понимала, что сын рано или

поздно влюбится, и с этим придется смириться. Это случилось раньше, чем ожидала любящая мать, для которой сын оставался несмышленым ребенком. Избранницей Влада оказалась никто иная как проверенная временем подруга-одноклассница, с которой он сидел за одной партой на протяжении десяти лет. Но о внезапном вспыхнувших чувствах Алла узнала не сразу – одноклассница считалась другом, не более того.

Все летние каникулы перед выпускным классом Влад провел в Юрмале, в семье двоюродного брата отца, вернулся повзрослевшим и немного отстраненным. Больше не болтал с матерью перед сном, не делился своими соображениями на ту или иную тему – он слыл заядлым спорщиком, а мать его в этом поощряла, хотела, чтобы ее сын учился правильно говорить, и не просто языком чесать, а говорить красиво и правильно, приводить разумные доводы. Для этого требовалось штудирование определенной литературы, в том числе художественных произведений известных классиков.

Мать пыталась ненавязчиво выяснить причину перемен в ее сыне. Сын не грубил, не отстаивал свою свободу, он просто закрылся.

Глава семейства, Владимир Укропчиков, которого больше волновали проблемы на службе, не желая долгих обсуждений, быстро нашел причину – запоздалый переходный возраст. Алла догадалась, что один будет молчать, другой – бубнить одно и то же, о переходном возрасте, поэтому ослабила натиск и затаилась в ожидании. Расспросами не докучала, но держала руку на пульсе, чтобы вовремя вмешаться и скорректировать действия вдруг повзрослевшего сына. Держала себя в рамках приличия – под дверь его комнаты не подслушивала, когда он подолгу с кем-то болтал по телефону, опять же в телефоне не копалась, тем более, не ходила по пятам. Ей казалось, что объект интереса остался в Юрмале, со временем возникшая проблема сойдет на нет. Не сказать, что мать была категорически против кого-либо, но тревожные мысли одолевали: а что у них было и было ли вообще, а вдруг... В общем, ничего нового – обычные материнские переживания в эпоху взросления ребенка.

Постепенно сын начал возвращаться в свое прежнее состояние «любителя поболтать», но делиться с матерью своим большим секретом не спешил. По-прежнему вел долгие телефонные

разговоры под покровом ночи, мать страдала бессонницей, но делала вид, что крепко спит. Тихо злилась на безответственного супруга, похрапывающего на своей половине кровати. Не забывала мысленно его обвинять за то, что именно он стал инициатором поездки мальчика в Юрмалу. Еле сдерживала себя, чтобы не вступить в оживленную дискуссию. Понимала, что Юрмала здесь не при чем, любовь, как поется в одной песне, нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь. Тем более, в таком прекрасном возрасте, когда душа чего-то требует, но разобраться затруднительно. До тех пор, когда... Далее по тексту песни.

Алле Владимировне очень хотелось узнать, кто завладел вниманием и сердцем Влада. Она даже позвонила родственникам в Юрмалу, поблагодарила на всё, пригласила нанести ответный визит, перевела разговор на Влада, который остался впечатлен поездкой. Ожидала новостей со стороны родни мужа, но те никаких тайн не открыли, рассказали лишь о том, что Алла знала и без них, от самого сына: он провел все каникулы в компании троюродного брата и его друзей, о девушках речь не шла. Но и без того было понятно, что без девушек дело не обошлось.

Однако тайное становится явным, рано или поздно.

Кого угодно Алла могла представить рядом с сыном, только не Адель, прозванную сыном Маруськой. Конечно, рядом они были на протяжении десяти школьных лет, но не в том смысле, который подразумевался в данном случае. Все-таки они друзья с ранних лет, в другом качестве себя не видят – друзья, не более. Рядом с привлекательным и утонченным Владом, любителем всего прекрасного и радующего глаз, Алла видела его двойника женского пола. Как-то так. И тут вдруг Прошкина, далеко не красавица и не стремящаяся к совершенству доступными ей способами. Влад за глаза называл подругу Невалашкой. Невалашка подросла, но не сильно изменилась, осталась такой же пухленькой и озорной пацанкой.

Алла несколько не сомневалась в мимолетности чувства сына. Их отношения придут к логическому завершению, когда Влад встретит другую девушку - своего двойника женского пола - и поймет, что такое настоящая любовь. Новая избранница точно не потерпит соперничества

со стороны старого друга, пусть и со смешной кличкой Невалюшка, и сделает все возможное, чтобы прекратить дружбу. Естественно, Влад никогда не признается, что между ним и Аделью было нечто большее, чем дружба, отдалится от Адели, а той придется смириться. Ее увлечет новая жизнь, обиду постепенно затмит новая любовь. Все останутся при своих интересах.

Ни о каких серьезных чувствах между старыми друзьями Алла не думала. Тем более, не думала о браке, считала подобные браки - браки между одноклассниками – недолговечными. Сравнивала их со слепотой - жил какое-то время в полной темноте, потом свершилось чудо - прозрел! - осмотрелся и понял – жил неправильно, надо все менять кардинально. Но это ее личное мнение, она его никому не навязывает.

Естественно, свои размышления на тему ранних браков между одноклассниками, не стала высказывать сыну, но однажды обронила невзначай:

- Владик, запомни, люди женятся по любви, а не потому что им надо жениться. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду.

Он понял и вспыхнул как спичка, отреагировал в свойственной ему манере:

- Мама, мы с Маруськой, конечно, больше, чем друзья, но... ни более того. И давай договоримся заранее: моя личная жизнь - это МОЯ ЛИЧНАЯ жизнь.

- Но...

- Если мне понадобится твоя помощь, твой совет, то я обещаю – приду и скажу тебе об этом.

- Клятвенно клянешься? – с усмешкой спросила мать, чтобы разрядить напряженную обстановку. О своем заявлении, больше похожем на нравоучение, так нелюбимое сыном, она уже жалела.

Но сын шутки не принял:

- Клятвы это из другой оперы.

- Владик...

- Мам, я тебя услышал. Закрыли тему.

Слишком хорошо Алла знала своего сына. Когда он сказал - «больше чем друзья, но не более того», она почувствовала, что сын ей солгал, отношения между Владом и Маруськой... более того. И что из этого следует? Следует опасаться желания Маруськи выскочить замуж за любимого Влада «по причине» - потому что назреет необходимость.

Алла уговорила мужа провести с сыном беседу на всем известную тему, поговорить тонко и без нудных нравоучений. Сын слушал лекцию пять минут - и на том спасибо, потом хлопнул себя по бедрам, вскочил и сказал: «Рота в ружье!» И был таков.

Мать подслушивала под дверью и подглядывала в щель и едва успела отскочить. Потом поинтересовалась у мужа:

- Как думаешь, Влад «накрутил себе на ус»?

- Весь его вид говорил о том, что в некоторых вопросах он просвещен лучше меня.

- Что-то мне не спокойно, - с отчаянием выдохнула Алла.

- Не накручивай себя! – цыкнул муж.

- Накручивай-не накручивай, а материнское сердце не обманешь.

- Что у вас, женщин, за привычка такая – беду накликивать, - фыркнул он.

- Да боже упаси, - замахала на него двумя руками супруга.

Раз нерешительная атака с обеих сторон не принесла желаемого результата, хочешь- не хочешь, а пришлось снова занять выжидательную позицию. Но снова быть настороже, чтобы вовремя вмешаться и не дать сыну совершить непоправимую ошибку. Алла уговаривала себя: всё и всегда можно исправить, всё и всегда... Ради сына я готова на все.

Промолчав неделю, мать выбрала новую тактику: теперь она рассуждала вслух, как будто ей захотелось пофилософствовать, к примеру, о ненастной погоде. Со стороны все действо напоминало выступление героя Броневого, Аркадия Варламовича Велюрова, из фильма «Покровские ворота»: на улице идет дождь, а у нас идет

концерт. Как-то так высказывалась Алла Владимировна: что-то дождь сегодня идет без перерыва, совершая большую ошибку, но ошибкам всегда есть место в нашей жизни, вот только умные люди учатся на чужих ошибках, а глупые на своих; за ошибку у нас хотя и бьют, но с ног не сбивают; заблудиться не хочешь – разглядывай, ошибиться не хочешь – расспрашивай; безумье и на мудрого бывает...

Своим философствованием она вызывала жгучий интерес у мужа и сына. Оба помалкивали и понимающе улыбались. Отец ободряюще подмигивал сыну, сын подмигивал матери. Как бы давал понять, что он все понимает и не подведет. На некоторое время мать успокаивалась. На очень короткое время.

Весь ужас состоял в том, что Алла предчувствовала беду, но не предотвратила ее, потому что не думала, что это будет беда космического масштаба. Алла предполагала, что не придется ждать конца учебного года, что ветреная и непостоянная Адель-Маруська переметнется на другого парня, более взрослого и не отягощенного правильным воспитанием: все-таки надеялась, что отношения между Маруськой и Владом не зашли слишком далеко. Маруська долго ждала этой новой ступени отношений и в конце концов ей наскучило ожидание: молодая кровь бурлит, гормоны играют. Уже и любовь ушла на второй план, хочется плотских утех с кем-то опытным, не с маменькиным сынком.

Алла думала о последующих за расставанием переживаниях сына, строила планы, как его подготовить, как предотвратить или смягчить удар, как поддержать, какие произнести слова, чтобы без банальщины, но коротко и доходчиво, с сердцем.

Трагедия космического масштаба.

С самого утра того пресловутого мартовского дня, солнечного и ласкового, Алла не находила себе места. Чтобы не накрутить себя до полного безумия, она напилась успокоительного и мысленно наставила себя на путь истинный: ты ведешь себя ужасно! Вовка прав, ты притягиваешь к сыну неприятности своими неоправданными волнениями. В итоге уговорила, успокоилась до такой степени, что едва не заснула прямо за рабочим столом. Возможно, сработала большая доза таблеток, а не собственные уговоры.

Алла трудилась редактором в одном небольшом издательстве, как у специалиста высокого класса и к тому же не требующего никаких привилегий, без работы не сидела ни минуты. Ее трудоспособность поражала коллег и руководство.

Но не в тот день. В тот день было все иначе. Она не могла сосредоточиться, не могла вникнуть в текст, одну страницу перечитывала много-много раз и без всё без толку.

В послеобеденное время на смену зашкаливающему переживанию пришла полнейшая апатия. Алла сидела за рабочим столом, подперев кулаками подбородок и таращилась в окно, за которым царила весна-проказница. Но ей не было дела до весны с ее причудами, ей было дело только до сына, который занимал все ее мысли. Но мысли были вязкими, кисельными, Алла не могла сосредоточиться на чем-то конкретном, но даже плохо соображая, понимала, что надо действовать, для начала надо позвонить Владу и предостеречь его... от подкрадывающейся к нему опасности. В чем выражалась эта опасность, мать пыталась сформулировать в своих кисельных мыслях, но ничего путного не выходило. И звонить Владу не решилась, чтобы не вызвать у него негодование. Влад не любил, когда его контролируют.

Желание предостеречь боролось в ней с боязнью разрушения дружеских отношений с сыном. Дружескими отношениями оба дорожили. Когда было необходимо, Алла становилась матерью, имеющей право читать лекции на тему «Что такое хорошо и что такое плохо». Но подобное случалось редко даже в мало сознательном возрасте отпрыска, чего уж говорить о нынешнем времени. Алла привыкла воспитывать собственным примером, но в данном случае это не работало.

Но она не отказывала себе в желании «вспомнить былое», припоминая забавные и не очень истории из собственной жизни или из жизни знакомых, чтобы показать, что может произойти, если «плыть по течению», и чего можно избежать, если «усиленно поработать веслами», а не «сушить их», как делают фаталисты.

Все же чаще действовала «по принципу Велюрова». Жаль, у сына не хватало терпения на пространные монологи матери, хотя, относился он к ним благосклонно, даже поощрял веселым подмигиванием.

Но мать все равно обижалась на сыновье невнимание: неужели сложно сказать пару слов, дать твердое обещание... Опять же вспыхивала ревность: вот на разговоры с Маруськой у него хватает всего – и сил, и желания, и времени.

Как ни пыталась Алла понять, о чем ее сын, умный и начитанный мальчик, разговаривает с этой девицей, пусть не умственно отсталой, но точно не большого ума, что их может связывать, так и не разобралась. Возможно, относилась к девушке предвзято, как это обычно бывает, и она гораздо лучше, чем она о ней думает. Алла догадывалась, что их связывает – не настолько стара, чтобы не понимать, но эту часть отношений она задвигала далеко-далеко, чтобы не думать о грозящей опасности со стороны девицы, желающей захомутать парня.

Ранее, когда молодых людей связывали детско-подростковые отношения, Алла приветствовала их дружбу – все же лучше, чем с курильщиками пацанами, успевшими попробовать пива и похваляющимися этим. С переменой в отношениях пришли перемены с ее стороны. Благо, вида не показала. Ни разу. Или ей это только казалось? Впрочем, сегодня ей наплевать, кто и что подумает о ее отношении к Маруське. Хотелось с кем-то поговорить, с кем-то поделиться наболевшим, но мысли разбежались в разные стороны, как перепуганные цыплята в момент опасности, а язык с трудом ворочался.

Почему так сильно и тревожно бьется сердце? - прикладывая ладонь к левой стороне груди, с тревогой думала женщина и косила глазом на мобильный телефон: позвонить?

Незаметно рабочий день подошел к концу. Алла Владимировна изменила себе и не стала задерживаться на работе, собрала вещички и потащила домой. Она мечтала об одном – добраться до дивана, потянуться до хруста в позвоночнике, подложить одну руку под голову, а другую пристроить на животе – излюбленная поза - и вздремнуть хотя бы с полчаса, потом проснуться со свежей головой и спокойными мыслями, и сказать себе: «Алка, ты ненормальная мать! С твоим сыном все хорошо!»

Конечно, все хорошо! Никто не спорит!

Он сейчас откроет дверь своим ключом и огласит квартиру привычным заявлением: «Мам, я дома!»

Сын дома! Какое счастье!

Аллу снесет с дивана ураганным ветром на кухню. Она приготовит на скорую руку ужин. Вся семья сядет за стол и начнется обсуждение прошедшего дня. Они будут переговариваться и улыбаться от понимания того, что вместе, что рядом, что любят друг друга и всегда будут любить. И понимать. И помалкивать тогда, когда это нужно.

И правильно сделала, что не стала донимать сына звонками. Правильно.

Но почему так давит сердце? Почему в глазах темно? И откуда взялась эта вялость? Как будто все ужасное уже случилось и ничего нельзя изменить...

На лестничной площадке Алла увидела Адель. Но и тогда женщина уговорила себя не волноваться раньше времени. Даже тихо порадовалась, что ее сын разочаровался и отошел от девушки. Перекинулся на кого-то другого. Потому Адель и прибежала, ждет Влада, чтобы объяснить. Придется объясняться, ничего не попишешь.

Алла пригласила Адель в гости, не оставляя же ее на лестничной клетке, в самом деле. Рассчитывала, что Адель откажется и уйдет, перенесет выяснение отношений на другой день. Однако, Адель не думала отказываться. Весь ее вид говорил о том, что в отношениях с Владом случился раскол, и Адель намерена разобраться. Но матери нужны словесные подтверждения, которые она рассчитывала получить в доверительной беседе. Конечно, она не собиралась проводить допрос с пристрастием, но обязана выяснить, чтобы напомнить о женской гордости: чего-чего, а мучить сына и изводить его жалостливыми уговорами она не позволит. Станет давить на гордость и девичью честь, авось Адель одумается и уйдет из их жизни навсегда. Пусть обижается, ей плевать на ее обиду, главное – спокойствие сына.

Мечты о диване и коротком чутком сне испарились. Адель больше помалкивала, на вопросы отвечала рассеянно, а затем и вовсе сбежала, заставив хозяйку засомневаться в ее здравом рассудке.

Боже, с кем он связался, она же неврастеничка, - подумала Алла, стоя у окна и провожая недавнюю гостью придирчивым взглядом.

Адель выскочила из подъезда как ошпаренная, потом резко остановилась, как будто уткнулась в невидимый постороннему взгляду преграду, некоторое время переминалась с ноги на ногу, осматривая двор, словно выискивая кого-то. Невольно Алла тоже осмотрела двор, рассчитывая увидеть сына, который предчувствовал появление подружки и заранее где-то затаился. Кроме старых толстоствольных тополей, доставлявших жителям окрестных домов неудобства в определенный период времени, спрятаться было негде.

Наконец, Прошкина устала сверлить взглядом двор и удалилась, еле-еле передвигая ноги, хотя, еще пару минут назад резво выбросила свое упитанное тело из подъезда.

Алла задумалась: вот интересно, я буду ТАК относиться ко всем избранницам Влада? Так – это ревностно и с непониманием того, как сына угораздило... По первому опыту могу сказать одно - постараюсь держать язык за зубами, чтобы не вызвать протест с вытекающими последствиями.

Алла постаралась выкинуть из головы Адель с ее переживаниями и занялась приготовлением ужина. Вскоре вернулся с работы Владимир.

Вдруг ни с того ни с сего Алла обронила:

- Наш Владик расстался с Маруськой. Видимо, нашел себе другую, раз не явился на свидание. – Голос был насквозь пронизан счастьем победы. Можно подумать, решающую роль в расставании сыграла именно она, ее пространные речи.

- И что Маруська? – бросил на ходу муж, скрываясь в ванной.

Алла накрывала на стол. Муж вошел в кухню и повторил свой вопрос усталым голосом.

- Что Маруська?

- Ничего, переживет твоя Маруська.

- Она такая же моя, как и твоя, - буркнул Владимир и отправился переодеваться.

Алла посеменила следом.

- Маруська бегаёт за Владом как собачонка, - миролюбивым голосом доложила она. - Сюда приходила, я пыталась выведать, но она молчит. Мы выпили чаю, поговорили ни о чем, и она ушла. Но по ее грустному виду ясно - они расстались.

- И ничего о Владе не сказала? Не пожаловалась?

- Ни словечка.

- А ты-то рада-радешенька, - криво ухмыльнулся Владимир. – С такой мамочкой Влад никогда не женится.

- Таких мамочек еще надо поискать, - обиженно бросила Алла и развернулась на сто восемьдесят градусов.

Уже в кухне принялась бубнить себе под нос:

- О какой женитьбе может идти речь – мальчику семнадцать лет... А что он хотел, чтобы я отдала его на растерзание этой Прошкиной? - Под «он», естественно, подразумевался супруг.

- Где наш сын? – требовательно спросил глава семейства, появляясь на кухне в шортах и футболке. На этот раз он соизволил притянуть к себе супругу и облобызать ее.

- Понятия не имею, где Влад. Но предполагаю – у него свидание.

- Шустрый мальчик.

- Когда еще... шустрить, если ни в его возрасте.

- Ты ему звонила?

- Я не звонила. – отчеканила жена. – Не хочу выглядеть сумасшедшей мамашей, контролирующей каждый шаг своего сына.

- Умница! – похвалил Владимир и потянул носом, - пахнет обалденно! Что у нас на ужин?.. Аллочка, ты меня слышишь?

У Алочки в один миг отключили слух, обоняние, отняли голос. Вместо всего этого вернули назад необоснованное беспокойство, совершенно не нужное.

Еле двигая непослушными руками, Алла достала из кармана домашнего платья мобильный телефон, корявыми движениями что-то в нем поискала, нашла, приложила телефон к уху и стала ждать. Сначала

слушала тишину, потом - чужой голос. Голос сообщил: абонент временно недоступен или...

Алла не стала слушать, что будет за этим «или» - и так знала. Вновь позвонила, стала ждать, мысленно приговаривая: только отзовись, прошу тебя, отзовись, отругай, брось что-то резкое, даже обидное, я стерплю, только отзовись. Тот же голос. Издевательский и безразличный.

Мысли в голове опять стали кисельно-липкими. Все тело заковали в один большой наручник - не расслабиться, не повернуться, ни вздохнуть полной грудью. От того, что нельзя свободно вздохнуть, перед глазами поплыл туман и начало подташнивать.

На негнущихся ногах Алла доковыляла до окна, дернула ручку, но ручка почему-то не повернулась, окно не открылось. Рядом бубнил муж, кажется, беспокоился. Он открыл окно, без всяких усилий, а она упала на подоконник и дышала, дышала. И не могла надышаться. Где-то далеко внизу вращалась земля. Но не вокруг своей оси, как принято считать – как на качелях из ее детства: перекатывающихся по сферическому основанию. Алла перевела взгляд на небо. На потемневшем небе никто не раскачивался. Едва просматривалась далекая выщербленная луна. Луна насмеялась над переживаниями беспокойной матери.

- Все хорошо, - непослушными губами прошептала мать. Безвольно выпила лекарство, протянутое мужем. Безвольно запила лекарство водой.

- Телефон отключен, - сообщила она прорезавшимся голосом. Голос был чужим и вещал совсем не то, что нужно. - Вероятно, наш сын сильно занят. Занят?

- Когда вернется домой, я ему задам, - пообещал Владимир, не ответив на вопрос.

- Правильно, - выдавила из себя Алла.

- Держи себя в руках, милая, - утешительно высказался супруг, накидывая ей на плечи теплую шаль и подпихивая под пятую точку стул. Она села и благодарно улыбнулась. Или попыталась улыбнуться. – Всё объяснимо, - брякнул он, поставив ее в тупик: сообразительность была ниже плинтуса.

- Что ты имел в виду под «объяснимо»? - уточнила жена. Догадка мелькала вдалеке, но лучше знать точный ответ. Опять же, спокойный, уверенный и родной голос, так напоминающий голос сына, действовал на нее похлеще чудодейственного средства.

И он сказал про свидание, что взрослый сын не хочет, чтобы ему мешали и вмешивались... Говорил что-то еще.

- Аллочка, ты не замерзла? Может быть, лучше закрыть окно...

- Не надо. Так хорошо, - выдавила она. – Ты поешь, а то остынет.

- А ты?

- Я подожду Влада. Он скоро... придет... Вот-вот и придет...

Кажется, Владимир возил вилкой по тарелке. Кажется, нахваливал ее стряпню. Она куталась в шаль и цепким взглядом следила за дорожкой к их подъезду, чтобы вовремя среагировать на появление сына, тотчас очнуться от зыбкого полусна-полуяви, вскочить, бежать, кричать, ругать, возмущаться. Легонько – любя - дать подзатыльник и обещать поставить в угол за непослушание. Влад, ну как же так! Сколько можно говорить – не отключай телефон! Я мать, я волнуюсь, места себе не нахожу!..

Телефон сына по-прежнему молчал. Алла звонила несколько раз после того, как муж насытился и шел в комнату смотреть по телевизору новости.

Как-то быстро он забыл о ней, о сыне, который не давал о себе знать, хотя, давно должен быть дома.

У Аллы разболелись уши, то ли от холодного воздуха, проникающего через распахнутое окно, то ли от подскочившего давления. Лицо горело – значит, подскочило давление. Алла приложила ледяные ладони в горящим щекам, чтобы создать баланс температур.

На улице было темным-темном, даже выщербленная луна-насмешница куда-то спряталась. Сидеть у окна и что-то высматривать было бесполезно. Алла закрыла окно, хотела выпить чаю, но сил не хватило даже на это простое дело, а просить мужа не хотелось. Она доковыляла до своего любимого дивана, бросив взгляд на мужа, похрапывающего в кресле перед включенным телевизором. На смену

вечерним новостям пришел сериал, но мужа данная перемена никак не тронула. Алла вытянулась на диване, подумала и окликнула мужа.

- Вовка, иди спать.

- Что? А, сейчас... Влад вернулся? – спросил он, позевывая.

- Пока нет.

- Ты тоже ложись.

Это его - «ты тоже ложись», взорвали все внутренности: так стало обидно за безразличие к самым близким людям – один пропал, другой занемог, а он зевает и предлагает лечь спать как ни в чем ни бывало. Забота накатила и быстро отошла, как волна на берег... Была бы Алла в другом настроении, она бы высказала всё, что думает о поведении мужа, но Алла сдержалась: не время выяснять отношения. Муж двинул в сторону ванной, потом скрылся в спальне.

Обида испарилась по мере исчезновения объекта пристрастия. Но в одиночестве ей стало только хуже. Пусть бы сопел себе в кресле или бурчал всякую фигню, типа что она сумасшедшая, что любит себя накручивать, а пора бы усвоить - сын давно вырос из коротких штанишек, пусть бы вспомнила себя в его годы...

В его годы Алла жила в чужой семье, пусть и ставшей своей. Но куда деть трогательные воспоминания о самых дорогих людях?! С чужими не повыкаблучиваешься, не станешь оспаривать свое личное пространство или трубить о своих желаниях, которые никак не совпадают с желаниями приемной матери, добросердечной женщины. Только со временем, когда Алла сама стала матерью, она поняла: у матери с ее ребенком космическая связь.

Космическая связь. Потому одолевают нехорошие предчувствия. А она с ними борется, задвигает на задний план...

Алла вышла замуж за Владимира Укропчикова не только по большой любви, но и потому что он был тезкой ее погибшего отца. Видимо искала в нем не только мужа, но и отца, всё понимающего и предугадывающего любое желание, ответственного и порядочного. Именно таким она его запомнила. Вышло ли так, как хотелось? Алла никогда не задумывалась. Жила с любимым мужем и жила. Вместе

боролись за Петю, вместе переживали и оплакивали его уход, вместе воспитывали Влада... Всё и всегда вместе... Так ей казалось. Отрешенности Вовки и его безынициативности она не замечала. Им нужно было руководить, подталкивать в спину, подсказывать. С отцом всё было иначе: он сам обо всем догадывался или ему хватало легкого намека. Алла была мала, но отчетливо помнит, каким был ее отец, без идеализации...

С чего это она взялась подводить итоги? Нашла время.

Или она пытается свернуть мысли с проторенной колеи, чтобы окончательно не свихнуться?

Тогда подумай о приятных моментах!.. Как бы не так...

Потолок, стены, пол давили на нее со всех сторон, хотелось куда-то бежать, прятаться... Хотелось кричать, кричать громко-громко, выть, кататься по полу, как бы ускользая от колющего удара.

Ни о каких приятных моментах не вспомнишь при всем желании.

Алла не стала кричать громко-громко, она завывала, уткнувшись в подушку. Завывала от беспомощности и страха...

Выла долго, до изнеможения.

После никак не могла объяснить, как такое могло произойти - как ей удалось так крепко заснуть, проспав беспробудно несколько часов и проснуться только на рассвете. Рука занемела от стиснутого в ладони смартфона. Алла выпустила телефон на свободу, не решаясь проверить входящие звонки. И зачем, если и так ясно – никто ей не звонил. В любом случае она бы услышала и отреагировала. Мертвецкий сон это не про нее, у нее сон чуткий.

Алла прислушалась к себе - она вернулась в привычное состояние? Если вернулась, то все в прошлом. В прошлом ее необоснованные переживания. Она себя накрутила, она сумасшедшая. Простое и понятное объяснение. А сын давно вырос из коротких штанишек. Ему нужно было всего лишь позвонить и предупредить. Но где там! Молодость тащит за собой эгоизм. Вот вернется, она... она сдержит слезы, хотя, будет ими давиться, и молча потаскает его за вихры. Он

начнет каяться, поднимет ее как пушинку и закружится с ней по комнате...

Сердце екнуло. Алла дернулась и замерла, затаив дыхание. Мысленно призвала сердце к спокойствию, попыталась себя убедить: Влад вернулся, не стал ее будить, перекусил на кухне и лег спать.

Куда деть космическую связь?

Она сползла с дивана, пошатнулась, замерла, выравнивая равновесие, и, перемещаясь по стеночке, направилась в комнату сына.

Кровать была пуста. Телефон опять издевательски молчал...

Говорят, беда не приходит одна.

Спустя полгода после бесследного исчезновения сына от Аллы ушел муж, с которым они прожили вместе более четверти века. Он заявил, что устал от ее слез и причитаний, он уходит к другой женщине, которая ждет от него ребенка.

Владимиру стало тесно в рамках большой беды, он поменял их общую беду на «узколобое» счастье, примитивное и непонятное Алле.

Алла сделала вывод – он слабак, а слабак ей не нужен. Ей необходима поддержка и понимание, но ни того, ни другого Владимир ей дать не смог.

Почему раньше она не разобралась в нем? Потому что взяла все проблемы на себя, отгородила от всего, мешающего ему жить комфортно, спокойно и вольготно, он быстро к этому привык, иной раз она пыталась что-то внушить, но не могла достучаться – муж или не вникал в суть проблемы, или хмурился, или доходчиво просил оставить его в покое, дескать устал. Алла никогда не уставала, пахала на работе, пахала дома, голова тоже не отдыхала, голову осаждали мысли, разные. В основном голова работала на «перспективу», чтобы жизнь не прыгала на ухабах, не билась о непреодолимые преграды, а обходила преграды стороной, тем более, не бухалась в глубокую канаву, из которой не выберешься или выберешься с большими потерями.

Как случилась сейчас, когда пропал сын Владик.

Волей-неволей Алла переосмысливала прошлую жизнь, не судила себя, не судила мужа – сама проявила инициативу, потому что ей легче сделать всё самой, чем кого-то о чем-то просить, долго и унижительно. Унижительно от того, что тебя не слышат, не замечают и совершенно на тебя не реагируют. Ты – пустое место или рабыня, которая не имеет права подавать голос. Потому что у тебя нет самолюбия.

Алла сама не знала, зачем всё это перемалывала, наверное, чтобы отвлечься от беды, представить, что Влад просто куда-то уехал, как в прошлое лето он уехал в Юрмалу, а в это время муж примитивно загулял. Хотя, когда случилось наваждение, ей неизвестно. Но это не столь важно, суть в том, что это случилось - он закрутил любовный роман, он забыл обо всём и обо всех, перечеркнул совместно-прожитые счастливые, пусть и под большим сомнением, годы и ушел от жены, которая перестала быть той женой, которая создавала ему все условия для комфорта... Перестала по веской причине... Вернулись к тому, с чего начали. Беда. Пропал Влад.

А то, что ее бросил Владимир, это совсем не беда. Это предательство. Не она первая, не она последняя. Заламывать руки и говорить - я недостойна такого отношения к себе, я такая-разэтакая – она не станет.

Чушь всё это, шелуха. Черт с ним, ушел и ушел. Предал ее и пусть, скатертью дорога. Алла его простила за предательство ее, но никогда не простит за предательство сына. Владимир живет своей жизнью, как будто до границы между счастьем и несчастьем, обозначенной ею, у него не было близких людей.

Владимир не интересуется, есть ли у следствия какие-то новости. Ее моральное и физическое состояние его тоже не интересует. За все время он ни разу не пришел, да что там не пришел, даже ни разу не позвонил.

Владимир сам для себя решил, что хороших новостей ждать не стоит, а в случае плохой новости бывшая супруга поставит его в известность.

Именно это - его безразличие к судьбе сына - добило Аллу окончательно. Она долго болела. Доктора никак не могли поставить правильный диагноз, но как-то лечили, умно рассуждали и предлагали попробовать новый метод...

Новый метод для лечения чего? Как можно лечить человека, если не установлен окончательный диагноз?!

Алла вылечила себя сама, когда поняла, что завтра может умереть. Умрет и не узнает, что произошло с ее сыном. Приказала себе не нюнить, жить ради сына, жить и ждать! Не холить болезни, не прислушиваться к своему организму, улавливая каждый укол или минимальную боль. Элементарно отмахнуться от недугов – авось «обидятся» и уйдут сами по себе. Так и вышло. Вот что значит самовнушение!

Однако от переживаний никуда не уйдешь. Следствие зашло в тупик. Отчаявшаяся мать обращалась к гадалкам и экстрасенсам. Одни говорили, что сын жив, и его где-то удерживают, другие с болью и состраданием утверждали, что его больше нет.

Алла не растеряла весь разум, не дошла до черты, за которым начинается другая жизнь в другом учреждении за высоким забором. Несмотря на огромное желание прислушаться к позитивным рассуждениям экстрасенсов, умом она понимала: ее сына больше нет. Влада не похищали: он не из семьи олигархов, чтобы требовать за него выкуп. Да никто и не требовал. Похитили и расправились из мести? Из мести кому-то из родителей? Но ни Алла, ни Владимиром никому зла не желали и не делали, чтобы им мстить подобным способом. У сына тоже не было врагов...

Но он не мог пройти мимо несправедливости – такое он получил воспитание.

Если он вступился за девушку, то его могли сильно избить, даже ранить, тогда он попал бы в больницу. Все медицинские учреждения были тщательно проверены, проведены опознания больных, находящихся в тяжелом состоянии и без сознания, которые поступили в медучреждения без документов. Проведены опознания в городском морге, куда время от времени поступали неопознанные личности, подходящие под описание.

Никого, кто бы мог поддержать бедную мать, не нашлось. Куда-то постепенно испарились все друзья-подруги, которым, видимо, тоже надоели ее причитания, слезы и рассуждения. Но Алла ничего не могла

с собой поделаться, не могла молчать и держать в себе свои мысли. Она стала прокаженной.

Вначале она сложно переживала гнетущее одиночество, потом незаметно привыкла и находила в этом свои плюсы. Могла разговаривать сама с собой, без боязни быть прерванной. Лучше, если собеседник встанет и уйдет, а если начнет воспитывать, укорять или начнет открывать ей глаза на то, о чем она старается не думать?

Но всему есть предел. Кто-то вышибет головой «предел» и окажется в мире сумасшествия или в потустороннем мире, кто-то лишь осторожно коснется, одумается и вернется в исходную точку. Не в ту точку, где царило счастье с наслаждением, а в ту, с которой всё началось. А когда вернется, то задумается: как мне с ЭТИМ жить? И надо ли жить или лучше быстро преодолеть прежний путь, достигнуть предела и вышибить его головой...

Со временем до Аллы дошло – она медленно сходит с ума. Она говорит сама с собой не только дома, но и на улице, притягивая удивленные, иногда насмешливые взгляды. То, что она осознала данный факт, уже успокаивает – еще не все потеряно, она в состоянии вернуться в исходную точку и поработать над собой. Если, конечно, она не поставила на себе крест. Крест на себе она не поставила, поэтому взяла себя в руки, привела себя в божеский вид, даже купила новую одежду и обувь. И с головой ушла в работу, в новую работу: решила кардинально поменять сферу деятельности, благо у нее имелось два диплома о высшем образовании, одно образование – для души, другое – для нормального существования. Сейчас пригодилось второе.

Вечером Алла возвращалась домой, занималась привычными домашними делами, время от времени обращаясь к сыну, который озорно поглядывал на нее с фотографии. Пересказывала ему прочитанную книгу или говорила, как прошел день... Так и жили... жила...

За все время разговора со мной, Алла не выпускала из рук фотографию Влада. Симпатичный парень с модной стрижкой темно-рыжих волос и с умными малахитовыми глазами. Адель был права.

Что я могла сказать измученной от ожидания матери, вполне себе здравомыслящей? Обнадежить? Ну, выслушает она меня, согласно кивнет и... что дальше? Как изменится ее жизнь? Даже правильные слова поддержки не могут вселить в нее уверенность, что сын скоро вернется. Или не скоро, но все равно вернется.

Алка всегда был умной, приземленной, не витала в облаках. Повидав немало горя, она остро чувствует фальшь, и так же остро предчувствует беду. Она имеет право на самообман, но это всё поверхностное, напускное, чтобы держаться на плаву. Чтобы дожить до того дня, когда получит ответ на свой самый главный вопрос.

- Он у меня славный, правда? - с улыбкой спросила подруга и провела ладонью по фотографии – приласкала сына. Я согласилась.

Мы помолчали, сосредоточившись на изображении Влада, как будто ждали какой-то подсказки от него.

- Представляешь, Аксинья, я ходила к экстрасенсам, - повторила Алла, позабыв, что уже говорила мне об этом. – Эту самую фотографию носила, чтобы они по фото могли сказать, что... что случилось... - с трудом выговорила она. - Так вот... один экстрасенс долго смотрел на фото, водил руками, дергал головой, закрывал глаза, что-то нашептывал, потом резко открыл глаза, удивленно воззрился на меня, словно в первый раз увидел и... и как-то отстраненно сказал: этого молодого человека нет в живых, а его прах находится в склепе...

Алла тоже пыталась говорить отстраненно, словно речь шла не о ее сыне, а о совершенно незнакомом парне «с фотографии», однако самообладание было ни на высоте: и голос вибрировал, и руки совершали суетливые движения с той самой фотографией, и глаза выдавали массу эмоций, на которые мне хотелось отреагировать должным образом - выразить свою поддержку словами и действиями. Но я не сделала ничего из вышесказанного, тоже прикинулась «бревном бесчувственным» и переспросила:

- В склепе?

Мой голос от долгого молчания слегка охрип: за все время монолога Аллы я не вставила ни слова. Только украдкой смахивала слезы.

Все-таки, в склепе. Недаром во мне что-то восстало, когда всё якобы сошлось на захоронении в лесу.

- Да, так он сказал – в склепе, - ответила подруга. – Ума не приложу, что он имел в виду. Ничего конкретного я от него не добила. Он только твердил, что сказал всё, что увидел.

Шарахнуть бы этого экстрасенса сковородкой по башке, - нехстати подумала я и от возмущения заскрежетала зубами. – Подумать только – он посмотрел на фото парня и заявил, что парня нет в живых, что он покоится в каком-то склепе! Спрашивается, ты уверен в своих словах? Если уверен, то на сколько процентов? Если ты болтаешь всякую чушь, чтобы отработать денежки, то тебе не то что сковородкой по башке влупить, тебе мозги надо на место поставить более действенным способом – впредь будет наука: не наживайся на чужом горе! Это тебе не интриги плести против мужей-изменщиков.

Алла будто прочла мои мысли и с долей уверенности проговорила:

- Этот экстрасенс заслуживает доверия. Мне его порекомендовала одна женщина. Он ей очень помог.

Я невольно впиалась взглядом в лицо моей бывшей одноклассницы, с которой мы в свое время были очень дружны. Честно говоря, я представляла, что увижу обезумевшую от горя мать, потерявшую сыну - исхудавшую мумию с седыми космами, мечущимся взглядом и в непонятных обносках, а увидела милую женщину, маленькую, тонкую, девочку-женщину с банди-родинкой на лбу, с блестящими русыми волосами до плеч, белых бриджах и синей футболке. Осталось разобраться с ее психическим состоянием. Без «глубоких раскопок» данное состояние беспокойства не вызывало. Визиты к гадалкам и экстрасенсам – не в счет. Кто ее за это осудит?

Алла расценила мой пристальный интерес по-своему и поспешила оправдаться:

- Я слежу за собой ради сына, он вернется, увидит меня и... останется доволен. – Она мягко улыбнулась и пробормотала, - надежда умирает последней.

Я не могла рассказать Алле о разговоре с Прошкиной, о ее обвинениях в адрес отчима. Все-таки это конфиденциальная информация.

Конечно, Алла – лицо заинтересованное, но я, по крайней мере пока, не имею права передавать чужие признания, по крайней мере до тех пор, пока не разберусь в ситуации до конца. Все-таки, Адель Прошкина осталась для меня загадкой. Не скажу, что я женщина-рентген – вижу людей насквозь, но научилась разбираться в людях, догадываюсь, кто говорит правду, кто врет, а кто привирает – это разные вещи.

Мне нужен источник информации, чтобы побольше узнать о Стефане Ремесло. Не может такого быть, чтобы мать Влада, близкого друга Адели Прошкиной, ничего не знала об отчине Адель, который прожил вместе с Валентиной Прошкиной немало лет.

Одно дело рассказ Адели, другое дело – взгляд со стороны.

Я зашла издалека:

- Алла, были ли у Прошкиной другие поклонники? Может быть, какой-то лихой парень не давал ей прохода и...

- И решил убрать с дороги препятствия в лице моего сына? – договорила за меня Укропчикова. И, выдержав паузу, сказала, - ничего такого я не знаю. Адель молчит, хотя, полицейские тоже «копали» в этом направлении. Тщательно проверяли окружение сына и окружение Прошкиной и никто не привлек их внимания.

- Алла, что ты можешь рассказать о ее семье? – прикинулась я несведущей.

- Мать родила ее без мужа. Биологический отец сбежал в столицу еще до ее рождения, он был актером. Мать работает в химчистке. Что я о ней могу сказать? Нормальная женщина, симпатичная, приветливая. Девочке было лет восемь, кажется, когда мать, вышла замуж. Фамилия у ее мужа смешная – Ремесло, а зовут Стефан.

- Ты его видела?

- Видела и не раз. Он чаще жены, матери Адели, посещал родительские собрания.

- Даже так? – удивилась я.

- Мы тоже все удивлялись... Не тому обстоятельству, что он регулярно посещает родительские собрания, хотя, и этому тоже, но больше были

поражены тем фактом, что такой смазливый красавчик женился на женщине старше себя и с ребенком. Да, Валентина вполне себе ничего, но таких пруд-пруди, умом тоже не обременена, счета в швейцарском банке у нее нет, как и дома в элитном поселке. Ты понимаешь, что я имею в виду.

- То есть корыстью со стороны Стефана здесь не пахнет, - заключила я.

- Вот именно. Ко всему к Валентине прилагалась малолетняя дочь Адель, еще та штучка. К восьми годам она превратилась в избалованного ребенка, которому не было ни в чем отказа. А тут вдруг Стефан! Он перетянул часть внимания Валентины на себя. Естественно, девочка приняла отчима в штыки. Он пытался наладить с ней контакт, но у него ничего не вышло, тогда он занял отстраненно-выжидательную позицию. Видимо, дорожил отношениями с супругой, из двух зол выбрал меньшее. Поначалу Валентина обижалась, что ее муж не пытается наладить отношения с дочерью, но постепенно смирилась. Лучше так, чем открытая конфронтация. Рано или поздно дочь выйдет замуж и уйдет от них. Или повзрослеет и одумается. Поймет мать.

- Стефан действительно красавчик?

- Он очень похож на Есенина, но судить тебе самой – красавчик или нет. Дело вкуса, как говорится. Лично мне всегда нравилась внешность Есенина, я обожаю его лирику. Другим нравятся более мужественные мужчины...

- ...И не нравятся стихи, они предпочитают прозу, - задумчиво проговорила я. Опомнилась и призналась более уверенным голосом, - я из их числа.

- Видишь, каждому свое. Но многие наши родительницы млели от Стефана, в том числе и наша классная, тетка далеко за...

- Как думаешь, зачем он женился за матери Адели?

- Понятно, что расчет здесь точно не при чем, а там... фиг его знает. Допускаю, что мне мало что известно.

- Наверно, этот Стефан изменял жене направо и налево, - «предположила» я, вспомнив рассказ Прошкиной о посиделках в кафе ее отчима вместе с «родственницей». – А Валентина его чем-то

устраивала. Может быть, она хорошая хозяйка, он окружен заботой, любим. С кем как ни с такой женщиной, как она, встретить старость.

- Стефан изменял Валентине? - задумчиво протянула Алла. - Мне кажется, любого кобеля можно вычислить по глазам: при виде симпатичной особы женского пола они делают стойку, а глаза становятся блудливыми и масляными. Уж как наши отдельные мамашки, оставшиеся без мужского внимания, его обхаживали, а он - кремень, не поддавался на их намеки или прямые предложения.

- Боялся, что доложат супруге?

- Чтоб себе доставить радость, надо людям сделать гадость, - многозначительно изрекла Укропчикова и выразительно хмыкнула.

- Получается, Стефан вежливо отшивал навязчивых дамочек, предчувствуя, что его сдадут даже в случае невинного флирта.

- Сомневаюсь я, что ему кто-то нужен, кроме его Валентины. Любовь и все дела. А шашни на стороне – это не для него.

- Нужны доказательства, без доказательств это все бла-бла, - со сдержанным недовольством заявила я: то, что Стефан Ремесло - верный любящий муж, в мои прежние рассуждения никак не вписывалось.

Ну, не может такого быть, чтобы на самом деле он был прекрасным-распрекрасным! Адели, той еще штучке, лучше знать, под какой маской прячется ее отчим, сумевший обмануть всех, включая супругу Валентину... Но зачем ему Валентина? Как уже сказано – встречать старость? До старости еще далеко. Никакого терпежа не хватит, если... если нет любви. Алла уверена, что здесь любовь. Я не знаю, потому как ничего подобного не испытывала. Будем исходить от противного – любви между Валентиной и Стефаном нет, есть какая-то хитрость с его стороны. Какую цель преследовал Стефан Ремесло, когда сочетался законным браком с Валентиной Прошкиной? Адель считает, что отчим влюблен в нее, в этом причина. На момент бракосочетания Адели было восемь лет... Попахивает педофилией. Бррр... Если бы всё было так, то Адель бы не смолчала, а ее мать никогда бы не отмахнулась и выяснила бы, что происходит между ее дочерью и ее супругом, а, выяснив горькую правду, выгнала супруга взашей. Это в лучшем случае.

Выходит, Алла права - без большой любви не обошлось. И без ревности со стороны дочери, не глупой и избалованной.

- Я тебя уверяю, Стефан - верный муж, - между тем убедительно вещала Укропчикова. - Я убеждалась в этом ни раз и ни два. Его контора по ремонту аппаратуры арендует помещение в том же офисном здании, что и наша аудиторская фирма. Мы сидим на разных этажах, но в конторе Стефана работает супруга моего коллеги, которая всё про всех знает, так что будь уверена, если у Стефана были бы порочащие его связи, она бы раструбила каждому, ведь некоторым приятно осознавать, что не только в своей семье наличествуют проблемы, но в чужой есть маааленькая, но Проблема.

- Ужасно не то, что у меня корова сдохла, а то, что у соседа жива, - автоматически высказалась я. Опомнившись, предположила, - но ведь есть же еще командировки!

О командировках, которых в трудовой деятельности отчима быть не может по определению, мне говорила Прошкина. Я кстати вспомнила о них, не желая принимать верность Стефана. Не из вредности или зависти – не вписывалось в мои прежние рассуждения.

- Чего не знаю, того не знаю. Может быть, его командировки совсем не командировки...

Я тут же взяла след.

- Тебе что-то известно? - робко втиснула я свой вопрос, оставив за скобками прежние заверения Аллы о «стойком оловянном солдатыке» по имени Стефан.

- Это совсем не то, о чем ты подумала, - отмахнулась подруга.

Я открыла рот, чтобы порассуждать на тему дальних или близких родственников, постоянно нуждающихся в заботе. Родственников ли? Вот в чем вопрос! Естественно, хотела намекнуть на тетю из рассказа Адель Прошкиной, но Алла меня опередила:

- У нас... у меня есть садовый участок, в этом же садовом кооперативе есть участок у одной женщины, она приходится Стефану дальней родней. У тетки нет других родственников, а Стефан мужик безотказный, в хорошем смысле этого слова. Тетка пользуется его

безотказностью на полную катушку, не забывая каждый раз говорить о своей щедрости - все ее недвижимое имущество перейдет к нему после ее смерти. Бедный Стефан пашет у нее на грядках, как как негр на плантации. И Валентина, мать Адели, там частенько бывает. Валентине тоже достается от этой барыни.

Нашла себе бесплатную рабочую силу. Кормит обещаниями, а после ее смерти вскрыют завещание, а в нем шиш с маслом, - зачем-то констатировала я мысленно. – Одно не ясно – почему оба, и Стефан, и Валентина, скрывают от Адели, где проводят свободное от основной работы время.

- И много у тетки имущества, за которое стоит спину гнуть? - вслух поинтересовалась я. Сомневаюсь, что Алла знает ответ на мой не озвученный вопрос.

- Насколько мне известно, она владеет садовым участком и квартирой в центре города. Не так уж и мало. Только я не завидую Стефану - эта тетка всех нас переживет, долго Стефану ждать наследства.

- Сколько же ей лет?

- Чуть за семьдесят, но выглядит она гораздо моложе. Нам бы так выглядеть в ее годы.

- А у меня никакой родни нет, завещать свои квартиры некому, - вдруг опечалилась я.

- Аксинья, ты прости меня, я все о себе, да о себе, а у тебя ничего не спросила, - запричитала Алла. - Как ты жила все эти годы?

- Как жила? Нормально жила, не жаловалась, не до жалоб было. Но раз стала «жилеткой» для чужих слез, то, сама понимаешь, не сложилась моя личная жизнь.

Я коротко поведала о своем житье-бытье и закончила словами:

- Вот так я дошла до жизни такой.

- Не унывай, какие твои годы, - ласково сказала Алла. - А хорошо, что мы встретились! – восхитилась она. – Я с тобой поговорила и мне как-то легче стало. Ты всегда умела слушать, даже когда была маленькой. Я хорошо это помню. Странно, что за все прошедшие годы я не

вспоминала нашу школу, наш класс, тебя и Варю Попову. Кажется, в ее семье было много детей, а Варя была старшей?

- Варвара теперь носит фамилию Дегальцева, у нее трое детей и внук.

- Рада за нее, - мягко улыбнулась Алла Укропчикова. – Счастливая она, Варька.

- Варька молодец, всего в жизни добилась сама, все успевала, все у нее получалось.

- Я тоже была очень счастлива, - призналась Алла. Помолчала и еле слышно произнесла, - я... почти... смирилась, что Влада больше нет, надеюсь, конечно, жду... Что-то себе придумываю. Но умом понимаю - был бы жив, дал бы о себе знать... Мне бы найти его тело и похоронить... Страшно жить в неведении.

- Ал, - обратилась я к подруге после долгой паузы, нарушить которую я не решалась, - у моей мамы была одна... привычка, скажем так, – она загадывала сны, чтобы получить ответ на интересующий ее вопрос. Она четко проговаривала проблему перед тем, как лечь спать...

- И ответ приходил ей во сне? – вскинула брови Алла, поглядывая на меня с опасным ожиданием.

- Ну, да, - кивнула я, без всяких сомнений.

- Твоя мама ставила конкретный вопрос и во сне получала понятный ответ, - задумчиво пробормотала подруга, как бы переваривая полученную информацию. В ее глазах засветилась надежда.

Я перепугалась, почувствовав себя лжеэкстрасенсом, которого поливала некоторое время назад. Сейчас Алла примется взывать меня о помощи, я - обещать три короба счастья, от жалости к ней.

Я решила опередить подругу.

- Ал, я пока не могу тебе всего рассказать, но так случилось, что мне стала известна история твоего сына, но на тот момент я еще не знала, что Влад – твой сын...

- Откуда...

- Я расскажу позже, - не дала я ей продолжить.

- Ты узнала о Владе и последовала примеру своей мамы, - протараторила Алла, впиваясь взглядом в мое лицо.

Мне стало сильно ни по себе.

Алла вся подобралась, затаилась, как пантера перед прыжком во время охоты, при этом не сводила с меня своих огромных глаз, в которых было столько боли и страдания, что я удивилась, как она до сих пор находится в здравом рассудке. Жалость вызвала во мне решимость, а там будь что будет.

Я пересказала первый сон, где мальчик Нильс косил серпом укроп в цветочном горшке, поведала, как мальчика Нильса вдавливал в землю указательный палец, палец-великан. Говорила четко и быстро, чтобы не передумать, чтобы не пропустить уточняющего ответа, на который у меня, вероятно, не будет ответа. У меня самой масса вопросов без ответа. Вот тебе и конкретика вещего сна.

Потом перешла ко второму сну с участием меня – ученицы начальной школы, веснушчатого пацана-забияки, внезапно получившего ранение в область живота, и девочки Аллы в школьной форме и с бантиками в волосах, которую пацан-забияка называл матерью.

Укропчикова сидела с таким видом, как будто я представила доказательства трагедии, произошедшей год назад. Она не плакала, ничего не говорила, смотрела в одну точку, куда-то в сторону. Лицо было пепельного цвета. А глаза без всякой надежды, пустые. Как у человека, узнавшего о своей неизлечимой болезни. Итог один – скорая смерть.

- Я дура, дура, дура! Аллочка, не слушай меня! Всё это – бред сумасшедшего! Аллочка, очнись, прошу тебя! - причитала я, бегая вокруг нее.

Укропчикова никак не отреагировала на мои мольбы и уговоры. Когда я совершенно отчаялась вырвать Аллу из ее ужасного мира осознания, она вдруг повернулась ко мне и, прищурившись, протянула:

- А ведь экстрасенс тоже говорил о саркофаге... Сейчас-сейчас... Сейчас я попытаюсь повторить его слова близко к тексту. Он сказал, что... этот парень м...мертв и похоронен в саркофаге... Это еще не все... Он добавил, что саркофаг – это деревянное строение небольшое размера,

а вокруг... вокруг... много деревьев и небольших домов. Кажется, так, я ничего не перепутала. Но в тот момент, мне показалось, что этот экстрасенс погрузил себя в искусственный транс и мелет чушь. Я сильно разозлилась, сказала ему что-то резкое и ушла.

- А теперь? Теперь ты что думаешь обо всем этом?

- Я... не знаю. Надеюсь, ты мне поможешь.

- Но...

- Аксинья! Твоим снам я доверяю, сама не знаю, почему. Попробуй еще раз, скажи мне, где искать тело Влада...

Ничего себе задачка...

Прежде чем распрощаться, оставив Аллу с глубокой верой в мои необъяснимые якобы способности, я решилась задать ей дерзкий вопрос, внезапно возникший в моей голове.

- Алла, ты меня извини, что я вернусь к разговору о твоём муже.

- Бывшем муже.

- Вы развелись официально?

- Конечно, причем без всяких проблем. Я его не удерживала, на его квартиру не претендовала, у меня своя имеется, от бабушки досталась, как и садовый участок. Я ничего не хочу о нем знать! – уверенно заявила она.

- Мне бы хотелось кое-что уточнить.

- Ладно, спрашивай, Ксю, - разрешила Алла, вдруг вспомнив мое «домашнее» имя. Это было так трогательно и приятно, что у меня защипало в носу, захотелось пуститься в приятные воспоминания. Но сейчас неподходящий момент, мне не до сантиментов.

- Алла, скажи, когда в жизни твоего бывшего супруга появилась другая женщина? Что тебе о ней вообще известно?

- Ксю, ты предполагаешь, что... эта женщина может быть замешана в похищении Влада?

- Я... я... подумала, - нерешительно вступила я, - что она больше всех была заинтересована в исчезновении сына ее любовника. Ведь сын был

веской причиной для того, чтобы ее любовнику остаться в семье. Конечно, потерявшего разум на почве влюбленности мужчину не удержит даже десяток детей, но все же.

- Если честно, то меня совершенно не интересовали отношения моего мужа с другой женщиной, потому что он поставил меня в известность после того, как пропал Владик. Присутствовала ли она в его жизни в пору нашего... хм... семейного счастья, я не знаю. Ничего подозрительного в его поведении я не замечала. Или не хотела замечать.

- Владимир сообщил тебе, что любовница ждет от него ребенка?

- Сообщил, но так ли это на самом деле, я не знаю. Мы не общаемся.

- Получается, ты не в курсе, родился ли у него кто-то?

- Я не хочу ничего знать, - без эмоций ответила Алла.

- Я понимаю, тебе неприятно... Но нам нужна информация о любовнице: когда ВСЁ началось, что она за человек. Как мы можем это выяснить? У кого? Кто из близких друзей Владимира способен сказать правду, не сочтя рассказ за предательство?

- Мне бы не хотелось общаться с его друзьями. Ни с кем. Они ушли вместе с ним. И я не думаю, что кто-то откликнется на мое желание встретиться и поговорить... И пытаться не стану, - сказала Алла, предугадав мое предложение. - Не лучше ли обратиться к частному детективу. Мне тут порекомендовали одного, - поморщившись, высказалась подруга, два понятия, что профессионализм частного сыщика не на высоте.

- В деле Влада он тебе не помог, - догадалась я. – Думаешь, в амурных делах он будет более компетентен?

- Не знаю. Мутный он какой-то.

- Тогда зачем он нам? – передернула я плечами. – Начнет замыливать глаза, изображать кипучую деятельность и топтаться на месте.

- Да, ты права, с этим деятелем мы только зря время потеряем. Но информация о любовнице моего бывшего нам нужна?

- Нужна.

- Ну да, ну да... Ведь она может быть замешанной в преступлении, а я как-то об этом не подумала.

- Мне самой пришла эта мысль только что. А раз мысль пришла, то надо принять ее во внимание. Так ведь?..

Если честно, я сама уже запуталась – кто, почему, как...

По дороге я забежала в кондитерскую и купила пирожных – надо чем-то потчевать гостью. На квартиру мамы я прибыла в начале пятого. С Прошкиной мы договорились на пять.

Я заварила чай, порезала колбасы, сыра, накрыла на стол. Прodelала работу в скором темпе, оценила накрытый стол, чтобы ничего не упустить, при госте не отвлекаться, а сосредоточиться только на общении.

Я уложилась вовремя, на часах было без двух минут пять. Две минуты я спокойно сидела в кресле и прислушивалась к звукам, доносящимся из подъезда. Кроме лая домашнего питомца этажом выше и ласкового обращения к питомцу его хозяина, благодушного старичка, я ничего и никого не услышала. Старичок вместе с собачонкой загрузились в лифт и поехали вниз. Вскоре лифт потянулся наверх, я решила - скоро появится Адель. Но лифт не добрался до моего этажа, кто-то вышел этажом ниже и по бетонному полу застучали каблучки.

В условленное время Прошкина не появилась. Пятнадцать минут я выдержала стойко, если можно назвать стойкостью пристальное изучение из окна прилегающего к дому пространства. Не выдержав, я принялась слоняться по квартире подобно оголодавшему представителю кошачьих из зверинца, помещенного в вольер. Еще не хватало порычать от зашкаливающего возмущения. Или от зашкаливающего беспокойства за Адель. Я принялась мысленно рисовать себе картинку расправы отчима над падчерицей, не понятно, до каких масштабов «бедствия» я бы дошла, если бы не приказала себе «прекратить панику»! Адель не из тех «несчастных Золушек», из которых веревки вьют.

Но все равно перед глазами явственно стоял Стефан Ремесло, которого я никогда не видела - но против воображения, как известно, не попрешь. Тем более, Алла заявила о сходстве Стефана с поэтом-лириком. Стефан сжимал в руке кухонный нож и подкрадывался к Адели, мирно восседающей на стуле перед компьютером. Адель не ожидала нападения сзади, целиком ушла в работу. Из наушников текла музыка, девушка покачивала головой в такт, иногда что-то напевала. Вот Стефан уже за ее спиной, вот он заносит руку с огромным ножом и...

В дверь позвонили, я подпрыгнула на месте от неожиданности. Картина нападения мигом стерлась из памяти, я потрусилась в прихожую, мимоходом взглянув на часы. Адель опаздывала на полчаса. Это не страшно, главное – чтобы появилась и успокоила меня и мое разыгравшееся не на шутку воображение.

Мои надежды оправдались – передо мной стояла моя вчерашняя знакомая, Адель Прошкина. Выглядела она сегодня неважно: темные круги под глазами, взгляд потухший, весь ее вид можно было сравнить с видом человека, который ничего хорошего от жизни уже не ждет, а что касается неудач и несчастий, так это добра хватает в излишке – выстроились в очередь.

Мы с Аделью поприветствовали друг друга, я пригласила ее в гостиную.

Адель заняла привычное для себя место – на диване. Я устроилась в кресле и принялась разливать чай.

- Как ваши дела? Есть новости? – сдержанно спросила я.

- У меня все по-старому.

- Адель, вас... никто не... обижал? - с трудом подбирая слова, поинтересовалась я.

- Если вы об отчине, то он уехал. И мама тоже с ним уехала. Я люблю одиночество, можно подумать о жизни или заниматься тем, чем тебе нравится. Вот раньше... все было иначе, - с грустью добавила она, отводя взгляд.

- Мало кто из ваших сверстников задумывается о жизни, - брякнула я, не подумав. Возможно, хотела приободрить, намекнуть, что она еще

молода, вся жизнь впереди... В общем, ничего нового. Но лучше бы промолчала.

- Не у всех моих сверстников происходят такие... непонятности в жизни, - парировала она, предпочитая не употреблять слова «трагедии» - так мне показалось.

- Конечно, я вас понимаю, - протянула я.

Что-то мне сегодня не сиделось спокойно на месте, про таких говорят - «шило в одном месте». У меня никаких «шил в одном месте» отродясь не бывало – я отличалась усидчивостью, во всех пониманиях этого слова. Однако сейчас я ерзала на диване, как будто и шило имело место быть, и в диване торчал невидимый гвоздь, причем не один – целая доска пыток с гвоздями, по-другому не скажешь. Я не только елозила по довольно удобному дивану, но еще не могла совладать с руками, которые суетливо хватили на столе всё, что ни попадя, играя в непонятную игру – найди правильное место для каждого предмета. Хорошо, что гостя пребывала в своих печальных мыслях, евших ее поедом, а то ее удивления не было бы предела. Я заключила пальцы в замок, потом передумала сцеплять и ухватила двумя руками чашку с блюдцем. Чашка была до краев наполнена чаем - собственноручно переусердствовала, отвлекаясь на диалог. Чтобы не разлить чай пришлось сидеть смиренно. Экая я умница-разумница – нашла выход, чтобы себя усмирить.

Адель была ко всему равнодушна, но мне ее равнодушие показалось напускным. Я отношусь к ней предвзято? Заразилась от Аллы Укропчиковой легким презрением? Надо поскорее от него избавляться, иначе наша беседа примет ненужный официоз, без всякого доверия, пусть и отдаленно приятельского.

- К какому выводу вы пришли после долгих дум? - осторожно спросила я, выказав полный тупизм. Тон у меня был заискивающий и это меня злило – с какой стати мне заискивать перед Прошкиной?! В случившейся трагедии есть и ее вина... Конечно, если отчим, Стефан Ремесло, принял непосредственное участие, мягко выражаясь, в бесследном исчезновении Влада Укропчикова. Я этого Стефана в глаза не видела, но почему-то он вызывает у меня симпатию. Опять же после разговора с Аллой. Все-таки я внушаемая натура.

- Я осталась при своем мнении, - ответила гостя и поджала губы.

Выходит, других подозреваемых у тебя нет и быть не может. Каким же ты, милая, предавалась мыслям в полном одиночестве, пока твои родные гнули спины на «помещицу»? - мысленно обратилась я к госте, прихлебывая чай.

Прошкина последовала моему примеру и тоже пригубила чашку с чаем. Сделала глоточек и вернула чашку на стол. Положила локоть на подлокотник дивана и уставилась в стену за моей спиной. Как же мне хотелось оглянуться! Что за дурацкая привычка такая! Я сдержалась, можно подумать, что предугадала чужую хитрость – отвлекающий маневр не сработал.

В принципе, зачем Адели меня отвлекать? Угощение на столе, никаких запретов я не накладываю – бери, что твоей душе угодно.

Не хватало еще додуматься до полной ахинеи – что Адель хочет мне подбросить улики. Зачем?! До вчерашнего дня я не знала о ее существовании и о существовании Влада Укропчикова. О трагедии, случившейся с ним, я, что естественно, тоже ничего не знала.

Пауза затянулась. Моя нервозность пошла на спад, но мысли разгулялись не на шутку. Еще немного и я нафантазирую себе черт знает что.

- Адель, - мягко вступила я, разрывая гнетущую тишину, - вы вчера говорили о... второй жертве вашего отчима. – Я подтолкнула ее к разговору и заодно прикинулась ее единомышленницей, чтобы не осталось сомнений на мой счет.

- За этим я и пришла... Чтобы донести до вас, с каким... его и человеком-то назвать нельзя..., с каким ничтожеством мне приходится жить под одной крышей... Ничтожество это еще мягко сказано. Зверь, хитрый и опасный, - подумав, дала она определение Стефану Ремесло...

В октябре прошлого года, в самый разгар бабьего лета, Прошкина торопилась на занятия, случайно выронила из рук папку с чертежами. Нагнулась, чтобы подобрать и вдруг столкнулась лбом с незнакомцем, который решил ей помочь. Оба схватились за свои лбы и, не сговариваясь, рассмеялись.

- Извини, - оборонила девушка.

- Это ты меня прости, - вторил ей парень. - Вечно у меня все выходит неуклюже.

Адель открыто его разглядывала. Щуплый, невысокого росточка – не выше нее, взлохмаченный – она сравнила его с бешеным профессором, который дни и ночи трудится над собственным изобретением, позабыв про покой и сон, позабыв про себя и окружающих.

- Виталий, - назвался парень.

- Адель Прошкина.

- Красивое имя, - деловито произнес Виталий. Подумав, добавил, - Орлов. Виталий Сергеевич.

- Неплохо, - ляпнула Прошкина и улыбнулась. Ее развеселила его несуразность, непонятная озабоченность и желание казаться старше своих лет. Голубая сорочка была застегнута с перекосом – пропущена одна пуговица, от этого сорочка ближе в горловине топорщилась, а воротник не совпадал.

Адель вручила свою папку новому знакомому и устранила беспорядок в одежде. Орлов провел ладонью по груди - проверил - и поблагодарил.

- Погода сегодня чудесная, - вдохновенно изрекла девушка.

- Бесподобная погода, прямо лето, а не середина осени.

- Совсем не хочется идти на занятия, - призналась она.

- А где ты учишься?

- В Архитектурном.

- Здорово. На каком курсе?

- На первом.

- Я бы тоже сейчас учился в институте на первом курсе, но год проболел, пришлось пропустить занятия в школе.

- Так ты учишься в одиннадцатом классе?

- Тебя смущает, что я школьник?

- С чего бы меня это смущало? – передернула плечами Адель и хотела сказать, что они случайно встретились, сейчас разойдутся как в море корабли и забудут друг о друге. Но осеклась и вопросительно уставилась на парня, который сверлил ее подозрительным взглядом, причем сверлил ее переносицу, как будто на переносице был некий знак-отметина, вызывающий жгучий интерес. Адель нахмурилась и скосила глаза к переносице - ничего умнее не нашла. Рассчитывала, что Орлов не сдержится, расхохочется от ее глупого вида или отреагирует как-то иначе, но он будто бы и не заметил ее мимических ухищрений вкупе с косоглазием, он что-то осмысливал и собирался с силами для важного заявления. Решился, наконец, но к тому времени Адель избавилась от косоглазия, и успела потереть указательным пальцем пресловутую переносицу.

- Послушай, эээ, Адель, - протянул он, словно не сразу вспомнил ее имя,
- я хочу задавать тебе вопрос, который покажется тебе банальным... Но это не праздный интерес... Мне очень надо ЭТО знать.

- Ладно, задавай свой вопрос, постараюсь на него ответить, - разрешила она, но напряглась.

- Адель, ты веришь в любовь с первого взгляда? – выпалил он и зачем-то зажмурился.

Девушка предполагала, что последует вопрос – есть ли у тебя парень. В случае положительного ответа, он спросит: у вас всё серьезно? Чтобы разобраться – есть ли него шанс.

Вопрос, подобный заданному, Прошкина слышала в кино, причем не в современных кинофильмах. Виталий Орлов напомнил ей положительных героев советского кинематографа, поэтому его вопрос удивления не вызвал.

- Не знаю, со мной ничего подобного не случилось, - промямлила она. Ее охватил порыв рассказать о самом сокровенном - о своем глубоком чувстве к одному парню – без всяких имен и без продолжения с заключением, что это не была любовь с первого взгляда, что они рассмотрели друг друга спустя долгих десять лет, но она быстро взяла себя в руки - кто он ей, этот сверстник-школьник, чтобы с ним откровенничать?!

- До сегодняшнего дня со мной тоже ничего подобного не случилось! – заявил Виталий, вспыхнув от радости. – День начинался как обычно, никаких предчувствий... Иду по улице и вдруг вижу девушку... Вижу и понимаю – я влюблен!

- Так уж и влюблен? - сузив глаза, уточнила Прошкина.

- Если честно, то прошел бы мимо, если бы не твоя папка. Так что можно ее поблагодарить за то, что она спланировала на асфальт. Я вообще-то рассеянный.

- Рассеянный с улицы Бассейной, - хмыкнула Адель.

- Как-то так, - расцвет новый знакомый и признался, - я вечно витаю в своем мире.

- Даже так? - вскинула брови девушка. – Может быть, ты пишешь фантастический роман? На ходу придумываешь сюжет?

- Увы, это не так. Мой мир – это мир шахмат. Я тебе уже говорил, что долго болел, пропустил целый учебный год в школе. Сначала от скуки изучал самоучитель игры в шахматы для начинающих, потом всерьез увлекся. Не знаю, что бы со мной было, не будь этой увлекательной и занимательной игры.

Видимо, болезнь была серьезной, до сих пор Виталию сложно вспоминать об этом периоде своей жизни, - подумала Адель. Она погрузилась в свои предположения и пропустила слова Орлова.

- ... я хочу закончить школу с медалью и поступить на физико-математический факультет университета, - между тем подвел он итог своего монолога.

- Ты молодец! – восхитилась она, больше думая о побежденной болезни, чем о планах, которым суждено сбыться. Без всякого сомнения.

- Адель, я понимаю – я неказист, а ты девушка видная, смею ли я надеется...

- Можешь говорить проще? – перебила его видная девушка.

- Приглашаю тебя на свидание! Согласна? – выпалил он, на этот раз тараша на нее глаза. Глаза походили на глаза филина, учуявшего добычу.

- Я...

- Обещаю вести себя достойно! – не дал ей договорить парень.

- Ты...

- Сегодня сам себя не узнаю, - поставил себе диагноз Орлов.

Адель смотрела на него как на некий музейный экспонат, а в голове на разные лады повторялось и повторялось «достойно-фривольно, достойно-фривольно»...

С чего бы это?

А с того, что Виталий Орлов был полной противоположностью Влада Укропчикова. Не сказать, что Влад был нескромный или легкомысленный, но по сравнению с Виталием его можно было назвать не совсем пристойным.

Все познается в сравнении.

Прошкина загорелась желанием получше узнать Виталия. Одно то, что он другой, сыграло в его пользу.

Однако Адель сказала ему совсем не то, что он рассчитывал от нее услышать:

- Как-нибудь встретимся...

- Когда?

- Как-нибудь.

Она испугалась. Испугалась своего неожиданного интереса. Впервые после исчезновения Влада.

Она не слышала шагов позади себя. Только когда он схватил ее за руку и заставил остановиться, она опомнилась и оглянулась.

Они обменялись номерами телефонов и разбежались в разные стороны.

После Виталий ей рассказывал, что всю дорогу до школы думал о ней, позабыв об отложенной партии.

А что Адель? Она вступила в борьбу с собой.

Внушала себе: он ненормальный, фанатичный шахматист не от мира сего. Мало ли что он наболтал! Любовь с первого взгляда! Нашла кому верить! Уже через минуту он забудет о моем существовании, увидит в списке абонентов телефона мое имя и подумает: а кто это?

Однако Виталий не забыл о новой знакомой, которую, с его же слов, полюбил с первого взгляда. Ближе к трем того же дня он ей позвонил и спросил разрешения встретиться с ней после занятий.

К тому времени Адель уже успела вернуться домой, пообедать и отправиться в парк, где они всегда гуляли с Владом Укропчиковым. Хотелось насладиться последними погожими деньками. И погрузиться в тишине. Орлов позвонил как раз в тот момент, когда она сидела на их с Владом любимой скамейке в самой дальней аллее.

У нее не было желания встречаться с Виталием, и не только с Виталием – с кем бы то либо не хотелось. Но она неожиданно для себя согласилась. Не стала говорить, где сейчас находится – это их с Владом парк, их скамейка, приводить сюда кого-то другого Адель посчитала предательством по отношению к Владу.

А свидание с парнем, которого видела пять минут? Как с этим быть? Это не предательство? – задалась вопросами Прошкина.

Почему я не могу подружиться с... бешеным профессором? – ответила она вопросом на вопрос.

Про себя она окрестила Виталия Орлова бешеным профессором.

Они встретились возле памятника Горькому, который стоял у входа в одноименный парк. Это был другой парк, данное обстоятельство избавило Адель от сомнений в правильности принятого решения: никакое не предательство, простое времяпровождение.

Прошкина предполагала, что Виталий Орлов заморочит ей голову своими шахматами или заумными речами о физике вместе с математикой, кое-как она выдержит час, потом сошлется на неотложные дела и расстанется с ним навсегда. Заблокирует номер телефона и забудет о бешеном профессоре. На всякий случай выберет другой путь в институт, чтобы, не дай бог, случайно с ним не столкнуться.

Но кого она хочет обмануть? Этот умник без труда ее найдет. Все-таки, не допотопный первобытнообщинный строй. Двадцать первый век на дворе!

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления.

Но ничего решать не пришлось, Виталий сам за нее все решил. Он не сказал ни слова о шахматах, не стал вызывать слезу рассказами о своей страшной болезни, из-за которой он пропустил целый учебный год, только сказал, что всё уже позади. О математике с физикой тоже не обмолвился, не блеснул знания и умом.

Виталий читал стихи. О природе, о дружбе, об отношениях людей. Когда Адель спросила имя автора, он смутился, быстро взял себя в руки и назвал какую-то незнакомую фамилию.

- Кого ты пытаешься обмануть?! – с усмешкой удивилась девушка. – Мы знакомы несколько часов, а я вижу тебя насквозь.

- О чем это говорит?

- О чем?

- Ты ко мне равнодушна. Я тебя зацепил... Зацепил?

- Раньше мне никогда не приходилось общаться с таким... талантливым человеком.

- Ты о шахматах или вообще?

- В шахматах я разбираюсь так же, как эстрадный исполнитель в высшей математике, - усмехнулась девушка. – А стихи... ТВОИ стихи мне очень понравились. Будто бы простые, но берут за душу. Всё гениальное – просто, в этом я успела убедиться.

- Я польщен.

- Где-то публиковался?

- Я пишу для себя, когда хочется излить на бумаге свое настроение, свое отношение к чему-либо. Но я точно знаю, о ком будут мои следующие стихи...

Сначала она полюбила его стихи, потом полюбила его. Поняла это уже через неделю после их первой встречи...

- Только после знакомства с Виталием я сообразила, какво любить без напряжения.

- Без напряжения? – вскинула я брови.

- Понимаете, Аксинья Даниловна, рядом с Владом я постоянно сравнивала себя с другими девушками, и понимала, что проигрываю им. Влад меня любил, но не обожествлял, что ли. Я не знаю, как это бывает у других, у меня опыта маловато, но мне всегда казалось, что любовь, как подходящая одежда – скрывает недостатки фигуры с изъянами.

- Ты не была в нем уверена? – спросила я, неожиданно переходя с девушкой на «ты». – Он указывал тебе на недостатки?

- Ничего такого он мне не говорил. Но... я не слепая. А насчет уверенности... Нет, я не была в нем уверена. И причина не в нем, а во мне: он повода не давал, но я его жутко ревновала. Ведь Влад был красавчиком, всегда оказывался в центре женского внимания. Девуцы вешались на него...

- А он? – прицепилась я, оставив без внимания – повода не давал.

- А что он? Он им не грубил, поддерживал разговор. Меня раздражало, что ему нравится женское внимание, он в нем купается... Господи! Я говорю о нем в прошедшем времени – был! Неужели я смирилась? Приняла как должное? Я потеряла всякую надежду? Как это страшно! – Адель закрыла ладонями лицо.

Некоторое время в комнате висело гнетущее молчание. Я не могла подобрать слова, чтобы как-то ее успокоить. Что я могу ей сказать? Ничего обнадеживающего. Даже мать почти свыклась с мыслью, что сына больше нет. Она надеется, что тело ее сына в конце-то концов найдут и она похоронит его по-христиански. У нее появится место, где она будет его оплакивать...

Адель отняла ладони от лица. Глаза были сухими и безжизненными.

- Я приношу людям несчастье, - с трудом ворочая языком, произнесла она. – Если Влад, пусть не дюжинной силы мужчина, но мог за себя постоять, то Виталик, такой нежный, тонкий, витающий в облаках...

- Адель, что ты о нем знаешь, кроме того, что он увлекался интеллектуальной игрой в шахматы и написанием стихов? Ну, еще была осведомлена о его ближайших планах. Друзья, родные, враги, - перечислила я напряженным голосом.

- Почти ничего. Мы проводили время вдвоем. К себе в гости он меня не приглашал, хотя, мы встречались три месяца. С его родителями я не знакома. Но с его слов знаю, что они интеллигентные и порядочные люди, отец – инженер, мать - воспитатель в детском саду. Кроме Виталика у них есть еще дочь и сын. Виталик самый старший.

- И после исчезновения Виталика вы с его родными не встречались, не говорили? – спросила я, вновь перескакивая на официальное «вы».

- Пересекались перед кабинетом следователя, но почти не разговаривали. Его родители сразу дистанцировались от меня. Наверное, винят меня. И это правильно... На похороны я не пошла, - добавила она еле слышно.

- Виталик тоже исчез неожиданно?

Адель посмотрела на меня с таким ошарашенным удивлением, как будто я заверила ее в обратном.

Честно говоря, я растерялась...

Почему я сразу не подумала о том, что Прошкина ни в себе? Вдруг она придумала этого бешеного профессора, чтобы смягчить боль утраты? Кто-то играет в шахматы, кто-то в гольф, кто-то в теннис, а Прошкина играет в свою игру, для самоуспокоения.

Или «своя игра» подразумевает нечто иное?..

Глава четвертая.

Кто не лыком шит

Некоторое время мы обменивались с Прошкиной взглядами, словно пытались вести безмолвный разговор. В подобных делах я была далеко не профессионалом, поэтому перешла к привычному общению. И не отказала себе в удовольствии повторить свой вопрос, чтобы проверить

реакцию Адели: будет ли она снова тарашиться на меня полубезумным взором.

- Так что Виталик Орлов? Он тоже исчез неожиданно? - спросила я с иронией, избавиться от которой была не в состоянии. Мне казалось, что Адель стоит одной ногой в своем бессознательном мире, и моя ирония пройдет мимо ее сознания. Так и вышло, она очнулась и продолжила свой рассказ как ни в чем ни бывало.

- К концу первого семестра у меня случился полный завал в институте, пришлось подчищать «хвосты», сдавать зачеты, чтобы получить допуск к зимней сессии. У Виталика заканчивалась вторая четверть в школе, он совмещал учебу с организацией шахматного турнира среди выпускников школ нашего района, поэтому виделись мы с ним крайне редко. Больше болтали по телефону. Планы на Новый год не строили, он дал мне понять, что праздник, как всегда, проведет в круг семьи и это не обсуждается – в их семье так заведено. Уже позже я узнала, что в гости к Орловым приезжала школьная подруга его матери с мужем и дочерью, ровесницей Виталика. Селезневые их фамилия. Они гостили у Орловых три дня, потом собрались уезжать и пригласили Виталика к себе. Он согласился, до начала занятий в школе оставалась неделя. Обещал вернуться десятого января... Но не вернулся, - упавшим голосом добавила она

- Где живут Селезневые?

- Где-то в области, какое-то сельское поселение, приблизительно в ста километрах от нашего города. У Селезневых свое фермерское хозяйство. Туда они добились на автомобиле, а обратно Виталик должен был вернуться на электричке. Когда он не вернулся десятого, мать позвонила подруге, и та сообщила, что Виталик пробыл у них всего три дня и уехал. Если сказать, что мать Виталика была удивлена, то ничего не сказать: сын звонил ей каждый божий день и живо описывал свои дни у Селезневых. Будто бы ему очень нравится загородная жизнь, столько снега он никогда не видел. С дочкой Селезневых они катаются на лыжах, кормят белок в лесу, в общем, все классно. И выходит, что честный мальчик Виталик откровенно врал своей мамочке. Зачем он это делал, почему уехал от Селезневых спустя три дня, где проводил время и самый главный вопрос – куда он делся?

- Может быть, Виталика где-то удерживали силой, - предположила я. - Его заставляли звонить домой, чтобы родители раньше времени не подняли тревогу. Чего добивались? И почему... извините меня, Адель, но мне придется это сказать – почему с ним расправились? Если планы злодеев с самого начала были именно такими, самыми что ни есть коварными, то зачем парня где-то прятать, заставлять звонить родителям... Что-то здесь не вяжется. Поведение злодеев не поддается никакой логике.

- Я как-то об этом не думала. Он позвонил девятого января, сообщил, что завтра выезжает и к обеду будет дома. Голос был обычным, никакого волнения. К обеду десятого января Виталик не появился. Как в воду канул. Ума не приложу, что с ним могло случиться.

- Третьего января он уехал с Селезневыми, через три дня собрал вещички и отправился домой. Шестого... Странно, что подруга матери не позвонила и не уточнила, как Виталик добрался до дома, без происшествий ли. Мало ли что может произойти в электричке. Дурней хватает.

- Виталик сказал Селезневой перед отъездом, что по прибытии домой сам ей позвонит.

- И позвонил?

- Позвонил. Сказал, что добрался без приключений, поблагодарил за гостеприимство, передал от матери привет. Селезнева успокоилась.

- Выходит, Орлов заранее всё спланировал.

- Почему вы так думаете, Акси́нья Даниловна?

- Сами посудите, Адель: он предупредил Селезневу, чтобы она его не сдала, где-то провел следующие дни, собирался вернуться в заранее обговоренный день и, как вы сами сказали, как в воду канул. К какому заключению приводит выше сказанное? Шерше ля фам – ищите женщину!

- Вы полагаете, что... у Виталика появилась другая девушка?

- Адель, вы с ним время не проводили? Я имею ввиду эти дни, с шестого по девятое? Или по десятое, - зачем-то уточнила я.

- Я? Нет, конечно! – разозлилась девушка. – У меня сессия, у меня... голова была занята своими проблемами.

- Какие отношения вас связывали?

- Платонические. Виталик еще не созрел для чего-то другого.

- С вами, может быть, и не созрел, а с кем-то другим... очень даже, - брякнула я.

Прошкина не обиделась. Странно... Выходит, Виталик провел эти дни не с кем-то, а именно с ней? Допустим. Что произошло потом? Виталик мог отправиться на пригородный вокзал, чтобы обзавестись у кого-то из прибывших проездным билетом – вдруг мать потребует отчета. Отношения в семье нам неизвестны. Но одно то, что Виталик вешал лапшу матери целых три дня, с шестого по девятое, уже говорит о том, что он находился под материнским прессингом. Да, он еще школьник, ему нет восемнадцати... Но ему скоро восемнадцать. Он почти совершеннолетний. Сейчас другие нравы, не то, что в наше время, и многие родители смотрят на сексуальную жизнь сквозь пальцы, только щели у всех разные, отсюда разные степени устрашения.

Не знаю, что отразилось на моем лице – зеркала передо мной не было, но Адель вдруг вспыхнула:

- Не пойму, на что вы намекаете, Аксинья Даниловна?! Мы с Виталиком никаких совместных планов не строили! Я не знаю, где и с кем он провел эти три дня!

- Адель, разве я усомнилась в ваших словах? Вы мне сказали, что у вас сессия, что голова забита другим. Я вас услышала.

- Но вы... так сказали про «кого-то другого», что я догадалась, кого вы подразумевали.

На воре и шапка горит, - без удовлетворения подумала я, потому что не подозревала Адель. Мда. А кого я подозреваю? Хороший вопрос.

- А на самом деле он проводил время в другом месте, с кем-то еще, - между тем бубнила себе под нос Прошкина. Она нервно потирала два большим пальца друг о друга, сцепив остальные пальцы в замок. Затем закусила оба большим пальца и замерла в позе глубокой задумчивости.

Я не собиралась сидеть и ждать «у моря погоды».

- Меня вот что удивляет – матери Виталик звонил каждый день, а вам, Адель, - нет. Странно, не правда ли? Или вы данный факт упустили? Так звонил вам Виталик в эти три дня или не звонил?

Я чувствовала себя старшим следователем следственного комитета. Я нахожусь в своем кабинете, на своем рабочем месте, передо мной сидит свидетель, который путается в показаниях. Знать бы, умышленно он вводит меня в заблуждение или дело в моральном состоянии – человек волнуется и снова переживает свое горе. Но я по-прежнему оставалась женщиной-«жилеткой» с сомнительным рентгеном вместо глаз.

- Так что там с красотами зимнего леса? Виталик живо описывал вам? – уточнила я и стиснула зубы от напряжения.

- Виталик позвонил мне перед отъездом к Селезневым. Сообщил, что уезжает за город, вернется – позвонит. И больше от него звонков не было, не считая звонка девятого числа, когда он сообщил, что завтра возвращается домой... Ну, не звонил до этого и ладно, я нисколько не обиделась, предположила, что он находится в какой-то глухомани, там нет связи, - терпеливо и четко выговорила девушка, чтобы до меня, наконец-то, дошло.

- Вы повздорили? – спросила я, догадавшись, что между возлюбленными произошла размолвка.

- Немножко. Я злилась на него за Новый год, злилась на его мать, которая не дает ему и шагу ступить без ее согласия. И это постоянное ее – мальчику нужно готовиться к сдаче ЕГЭ, мальчику нужно поступать в вуз, мальчику нужно то, нужно сё... А жить мальчику когда?

- Об этом вам сам мальчик рассказал? Или мамаша сподобилась высказаться, чтобы ее мальчику никто не мешал, чтобы никто не стоял между нею и ЕЕ мальчиком?

- Слава богу, я с ней не контактировала. Мне Виталик рассказал, чтобы как-то объяснить наши редкие свидания. Будто бы его мамочка – человек нездоровый, ее надо оберегать... Трали-вали, и так далее, все в том же духе.

- И вы проглотили?
- Я спросила у себя: Адель, тебе это нужно?
- И каков был ответ?
- С Виталиком мне было не всегда комфортно, а без него - совсем худо, прежние воспоминания накатывали с новой силой. Так что из двух зол я выбрала меньшее. Я понимала, что наши отношения не имеют развития. И его большая любовь как быстро зажглась так быстро и погаснет... Получается, я была права, - признала она мою правоту насчет другой девицы.
- Как быть с отчимом? Со Стефаном Ремесло, как с ним быть? Если ваши с Виталиком отношения постепенно сходили на нет, то зачем Стефану устранять соперника? Это не Влад Укропчиков, которого вы безумно любили.
- Но Стефан не был посвящен в перипетии наших отношения. Он знал о существовании Виталика Орлова, видел его несколько раз возле нашего подъезда. Со стороны мы походили на влюбленную пару. Что таковым и являлось. Я любила Виталика. Пусть не так, как любила Влада, но все равно. С Владом все было очень серьезно...
- А с Виталиком вы любили друг друга без будущего, - констатировала я. Как мне показалось, слишком резко. Чтобы как-то оправдаться, я призналась, - если честно, то подобное положение вещей остается для меня загадкой. Наверное, я сильно отстала от жизни.

Прошкина промолчала, потом вернулась к телефонным разговорам Орлова за те три дня, проведенных в неизвестном месте и неизвестно с кем.

- Следователь запрашивал детализацию звонков с телефона Виталика. Оказывается, Виталик несколько раз звонил на один и тот же номер. И здесь начинается самое интересное, - загадочно протянула она. Выдержала интригующую паузу, за время которой я должна была задать уточняющий вопрос. Но я, в отместку ей, тоже промолчала, пришлось продолжить. - Как оказалось, номер зарегистрирован на... - Опять театральная пауза! Не хватает привычного «та-та-та-там». Обошлось без «привычного». Но вид у Адели был не хуже, чем у напроказившего

мальчишки, решившего переложить вину на безответного друга. – На Литвинову Надежду Семеновну! Вот так вот!

Сейчас Адель избавилась от маски напроказившего мальчишки и примерила маску великого ученого, который завуалированно сообщил о своем открытии в узком кругу, кругу сведущих людей, обязанных ловить на лету, быстро вникать и выразить восторг долгими продолжительными аплодисментами и возгласами.

Я почувствовала себя полной тупицей, вновь не понимающей очевидных вещей, на этот раз доступных даже первоклассникам.

- Литвинова Надежда Семеновна, - глубокомысленно изрекла я, делая паузы и копаясь в памяти. Мне это имя ничего не говорило. Я не нашла ничего лучше, как спросить напрямую, не боясь рухнуть лицом в грязь, - и кто это такая, позвольте узнать?

- Как кто?! Это же она, так называемая родственница моего отчима Стефана Ремесло! Та тетка, с которой он миловался в кафешке, а потом отправился к ней в гости. Помните, я вам рассказывала?

Иногда Адель вставляла в свою речь слова, совершенно не соответствующие сленгу современной молодежи, и сей факт говорил мне о некой выбранной ею роли, которую самодеятельная актриса играет так себе. Видимо, сказывается наследственность, пошла в своего биологического отца: вся жизнь игра! Наверное, он был небесталантен, раз его пригласили в столичный театр. Чего не скажешь о его дочери, которая взвалила на себя непосильную ношу. Еще бы знать, с какой целью. Или я делаю поспешные выводы, и она всегда так изъясняется?

Адель не торопила меня с ответом, терпеливо ждала, когда я вспомню Литвинову.

- Про тетку в кафешке помню, - усердно кивнула я и выговорила своей визави, - однако, вы не называли ее имени.

- Разве? – удивилась Адель.

- Насколько я поняла, ваша мама поверила мужу и его...хм... родственнице. Они тесно общаются....

- С чего вы взяли, что они общаются? – поймала меня на слове Прошкина.

- Вы же сами говорили, что ваша мать приняла приглашение Литвиновой, а вы сбежали, - выкрутилась я. – Вот я и предположила, что у них завязалась дружба.

- Черт с ней, с дружбой, пусть дружат себе на здоровье, если всех всё устраивает, - отмахнулась Адель с хмурым видом. – Мне хотелось бы узнать, зачем Виталий звонил этой старой мымре?

- А как это объясняет сама Литвинова?

- Она говорит, что мобильный телефон у нее украли. Где украли, она понятия не имеет. Пришла домой, полезла в сумку, а телефона тью-тью.

- У нее что, смартфон последней модели? – хмыкнула я. Адель хмыкнула в ответ – поддержала. – Мда, объясненьице так себе, - прищурившись, изрекла я.

- У меня есть объяснение. Телефон у Литвиновой мог умыкнуть Стефан.

- Зачем? Чего он добивался? Перевести стрелки на Литвинову? Но кто ее заподозрит в преступлении? Литвинову ничего не связывало с Орловым, который ей годился в сыновья.

- Скорее уж во внуки. А зачем Стефану телефон Литвиновой, я в точности не знаю, но предполагаю - чтобы выманить Виталика от Селезневых и сохранить свое инкогнито для следствия – после исчезновения Орлова уголовное дело будет заведено.

Возбуждено, - мысленно уточнила я, профессионально сделав ударение на втором слоге. Ну, никак не могу «выбраться из следственного кабинета».

А сама-то ты не играешь? – мысленно спросила я у себя, впрочем, без всякого возмущения, но с долей презрения к себе: негоже так себя вести, человек пришел к тебе со своей проблемой, а ты возомнила из себя...

Адель продолжала вещать, строя предположения:

- Ремесло выгадал время, когда я была на экзамене и отключила телефон – кому-кому, а ему известно мое расписание, - он позвонил Виталику и что-то наплел. Типа, что я в его руках, пусть немедленно приезжает, только никому ни слова, а то мне не поздоровится.

Естественно, Виталик быстро собрался, сел в электричку и поехал домой. Отчим подждал его на пригородном вокзале. Усадил в автомобиль, усыпил и отвез в заранее подготовленное место. Держал там Виталика несколько дней, заставлял звонить родителям, а потом... его ликвидировал.

- Почему сразу... не ликвидировал? Зачем Стефану создавать себе лишние проблемы?

- Кто ж поймет этого сумасшедшего.

- Следователь никак не связал Литвинову, ее родственника Стефана Ремесло и вас, девушку Виталика и падчерицу Стефана в одном лице?

- Об этом мне неизвестно. Тайнами следствия со мной никто не делился. Но и вопросов по этому поводу не задавал, из чего можно заключить – следователь ничего не знает о нашей родственной связи, так сказать.

- А как же вы узнали о детализации звонков с телефона Орлова?

- Литвинова рассказала маме. Мама – мне. Мне очень хотелось отреагировать бурно, бросить маме в лицо, что ее муж убийца, но, во-первых, жаль маму, во-вторых, это пустые слова. Я просто сказала, что происходят подозрительные события, и надо бы сообщить следователю, а мама попросила меня не вмешивать Стефана в это дело, дескать, он не при чем, а его затаскают по допросам.

- И вы промолчали?

Адель кивнула.

- Я не имею права вам что-то советовать, - подумав, обронила я. На самом деле, горела желанием взять Адель за руку и отвести к следователю. Пусть выслушает ее и действует: допросит Стефана Ремесло по всей форме. Не думаю, что Стефан закоренелый преступник и талантливый актер в одном флаконе, способный обвести профи вокруг пальца. Тот надавит на подозреваемого, и никуда он не денется – признается как миленький...

Если есть в чем признаваться...

И опять же - смотря как надавить, а то подозреваемый возьмет на себя преступление, которого не совершал. И такое бывает.

Мне вдруг вспомнился мой первый сон – когда указательный палец великана вдавливал в землю Нильса. У меня перехватило дыхание, как будто это меня живьем впихивали в землю силой давления. От нехватки кислорода слегка закружилась голова. Но я быстро взяла себя в руки – нельзя распускаться при постороннем человеке, рассчитывающим на мою помощь.

Сегодня Адель ничего не ела. Только выпила чаю, к угощению не притронулась. Пока я приводила себя в порядок, Прошкина сидела молча, уставившись в одну точку. Я не выдержала и тоже посмотрела в ту сторону, - в угол комнаты возле окна, где стоял большой горшок с драценой. Ничего нового не заметила и перевела взгляд на гостью. Та почувствовала мой пристальный интерес и очнулась.

- Вот такая вот дилемма, - с печалью выдохнула она. – Прямо, не знаю, что и делать. Настучу на отчима, а вдруг он невиновен, тогда наживу себе врага в лице родной матери; не настучу – даже боюсь предположить, что меня ждет в дальнейшем. Если отчим – убийца двух человек, не просто двух каких-то посторонних людей, а двух дорогих мне мужчин, то он не остановится. В этом случае мне лучше уйти в монастырь, чтобы не подвергать опасности очередного поклонника.

Я странным образом сосредоточилась на сочетании «дорогих мне мужчин», вырвав его из контекста, как будто оно имело важное значение для распутывания цепочки странных событий, происходящий вокруг Адели.

Если у Адели с Владом Укропчиковым были «взрослые» отношения, как у мужчины и женщины, то в случае с Виталием Орловым, с ее же слов, отношения дальше платонических не пошли.

Орлов представлялся мне пацаненком со сдвигом по фазе: любой человек с чрезмерным пристрастием или фанатичным увлечением казался мне «со сдвигом». Я мысленно рисовала себе лирического ботана, которого вполне устраивают прогулки при луне, сопровождаемые декламацией собственных поэтических творений. Он не приблизился к той черте, когда появляется желание перейти к чему-то более существенно-осязаемому. Скажем так.

Но мое мнение выработалось благодаря словам Адели: обманывать бессмысленно, потому что незачем. Какое мое дело, спала она с Виталиком Орловым или нет.

А если да? Если у нее с Виталием тоже были «взрослые» отношения?

В принципе, что это меняет? Обязаны последовать очередные рассуждения о возможной беременности Прошкиной и побеге Орлова, испугавшегося ответственности?

Это мы уже проходили.

Но почему меня зацепило слово «мужчины»? Может быть, у Адели просто вырвалось, по какой-то неведомой мне причине она не назвала своих поклонников привычным словом «парни».

- Адель, значит, у вас с Виталием Орловым были платонические отношения? - на всякий случай уточнила я, устав от собственных домыслов, обещавших пойти караваном и запутать меня окончательно. Решила поймать ее на слове – не все же ей меня ловить, пусть и неудачная вышла «ловля».

- Но я же... - вспыхнула она как спичка, но быстро взяла себя в руки и заговорила отстраненно, как будто речь шла о ком-то другом, - вы хотели спросить, был ли у нас секс? Отвечу – нет, не было.

Мне показалось, что она хотела съязвить, типа, если вам знакомо словосочетание «платонические отношения», а не знакомо слово «секс», что и понятно – в вашем-то возрасте..., то для особо бестолковых поясню...

Мда, та еще штучка. Неплохое владение собой. И что мне это дает?

Пока я искала ответ на свой вопрос, Адель продолжала рассуждать:

- Вот с Владом у нас был секс. Лично я ничего предосудительного в этом не вижу. Мы взрослые люди и вправе...

- Не нужно передо мной «шаркать ножкой», вполне достаточно честного ответа, - перебила я, борясь с эмоциями.

Нет, меня не покорило ее признание, пусть мать читает ей нравоучения, просвещает, говорит о том, что «надо иметь голову на плечах» – это их дело, матери и дочери. Внутри меня поднялся шторм

возмущения, отчего сильно разболелась голова. Еще бы выяснить причину данного шторма. Я допила остывший чай и со стуком вернула чашку на блюдце. Адель рассматривала меня с удивленным непониманием, словно я реликтовое растение, на котором появился бутон будущего цветка, и ей не верится, что событие будет развиваться так как положено.

Неужели я шокировала ее вопросом и всем своим ошарашенным видом после получения ответа. Не уверена: такую штучку сложно чем-то удивить.

Все-таки я плохо разбираюсь в современной молодежи. Когда размещала свои объявления, не предполагала, что столкнусь с молодой девушкой, тем более, что столкнусь с криминалом.

Почему она пришла ко мне? Неужели у нее нет подруг, нет друзей, которые ее выслушают терпеливо и... И что? Совет-то они дадут, но какой? Бывает, от таких советов хоть в петлю лезь. Чему, в принципе удивляться: у ее сверстников нет ни жизненного опыта, ни мудрости, присущей теткам типа меня. Да, и тетки бывают разные, иные ведут себя похлеще молодых девушек, от их советов не то, что в петлю, от их советов захочется кого-нибудь пристукнуть, в первую очередь – советчика.

Допустим, с причиной визита мы разобрались – хотела получить совет от тетеньки, немало повидавшей на своем веку.

Тетенька повидала, может быть, и немало, но доверчивая до невозможности: ее кормят небылицами, а она ест и не подавится.

Доверчивой дурочкой мне быть не хотелось. Поэтому я перекинулась на другую сторону, выработала противоположное мнение: Адель играет со мной в непонятную пока игру, проще говоря – водит меня за нос. И не понятно, чего она добивается.

Я решила пойти ва-банк. Посмотрим, как она отреагирует.

- Адель, хотя я по-прежнему считаю, что не имею права вам что-то советовать, но я настаиваю на том, чтобы вы пошли к следователю и честно обо всем рассказали, присовокупив к рассказу собственные догадки относительно Стефана Ремесло. Я могу пойти с вами в качестве моральной поддержки.

- Именно эти слова я хотела от вас услышать! – Прошкина так восхитилась моим предложением, что звонко хлопнула в ладоши – от чувств-с. Поумерила свой пыл и доверительным голосом продолжила, - честно признаться, надоело раздумывать и трястись как осиноый лист, ожидая продолжения, ожидая следующего шага преступника. Я тоже склонялась к тому, чтобы пойти к следователю, но каждый раз находила кучу отговорок. Впрочем, я вам об этом уже говорила. И мама тому причиной, и бездоказательные обвинения.

- Рада что наши мнения совпали. Сегодня уже поздно идти к следователю, - заявила я, взглянув на свои наручные часы. - А вот завтра, вполне. Когда вам удобно?

- А вам?

- Вы человек подневольный, это я свободна как ветер. Легко подстроюсь под ваше расписание.

Адель не спешила указывать время. Можно подумать, я задала ей вопрос повышенной сложности на экзамене по сопротивлению материалов.

- Чем раньше мы сходим к следователю, тем лучше для всех: для вас, для родителей Виталия Орлова, для... родителей Влада Укропчикова, – я взялась ее уговаривать и снова чуть не прокололась: едва не обронила «для матери Влада». У Прошкиной возник бы вопрос: откуда вам известно, что родители Влада расстались? Я не знаю, в курсе ли Прошкина разлада в семье Укропчиковых, а если в курсе, то не преминет задать уточняющий вопрос: откуда у вас такие сведения, ведь я вам ничего не говорила?

- Аксинья Даниловна, у меня к вам будет огромная просьба, - проямлила девушка, потупив глаза.

Как там в «Семнадцати мгновениях» сказал Штирлиц Мюллеру? Кажется, так: вот с этого и надо было начинать! А что ответил Мюллер? Он рявкнул: мне лучше знать, с чего начинать!

Я была уверена, что дело обязательно дойдет до просьбы, с этой целью Адель ко мне и пришла. А не изливать душу. И не требовать совета.

Червячок сомнений грыз, грыз, грыз где-то там внутри, наконец, пробил себе дорогу и явился миру – сомнения меня не обманули.

Мне лучше знать, как правильно отреагировать на ее просьбу, в том смысле, что можно сказать одно, а в уме держать другое. И благодаря этому другому, у меня появится возможность разобраться в двух запутанных делах.

Я выражаюсь путанно. Но у меня есть веская причина – мое волнение зашкаливает, а вида я показать не могу. Тут еще и голова раскалывается... Хотя, будто бы боль слегка отступила.

- Я вас слушаю, - задумчиво-напыщенно произнесла я, тайно надеясь, что гостя не почувствует фальши.

- Аксиныя Даниловна, я хочу, чтобы вы стали свидетелем, который видел, как Стефан Ремесло сажал в свою машину Виталия Орлова на стоянке перед пригородным вокзалом. Я скажу, что долго искала человека, который в тот день ехал в электричке вместе с Виталиком и случайно заметил сцену на привокзальной площади. Нашла вас. Как нашла? Я оставлю «за скобками». Вы отчетливо вспомнили тот роковой день. Я уговорила вас пойти к следователю. Вы сначала отказывались, потом согласились. Вы ему обо всем расскажите. Следователь будет просто обязан задержать Ремесло по подозрению в похищении Виталия Орлова. Я расскажу о нашей родственной связи с Ремесло, и о его связи с Литвиновой. Никуда Стефан не денется, сознается в убийстве. И не только в убийстве Виталика Орлова, но и Влада Укропчикова. Детали мы обговорим заранее. Я...

- Адель, погодите, я не могу лжесвидетельствовать против Стефана. За это есть статья в уголовном кодексе. Вы хотите подвести меня под монастырь? – возмутилась я, но в душе испытывала удовлетворение.

- Я думала, вы мне сочувствуете, - процедила сквозь зубы Прошкина. – Я так рассчитывала на вашу помощь, а вы... - Девушка поднялась с дивана и собралась уходить.

- Сядьте! – рявкнула на нее я, поразившись своему наглому напору. Адель тотчас рухнула на диван и непонимающе уставилась на меня, но в ее глазах затаилось удовлетворение.

Давай-ка, заберись на диван с ногами и запрыгай от радости как в детстве, - мысленно предложила я. – Давай, ликуй от своей победы!

Почему бы ей не ликовать? Нашла одинокую дуру, слезливо воспринимающую боль совершенно постороннего ей человека как свою. Эта дура обязана проникнуться сочувствием, дать клятвенное обещание стать моральной опорой, сделать всё от нее зависящее, чтобы помочь, облегчить страдания, вывести на чистую воду... Что там еще мне необходимо сделать, чтобы помочь Адели? Как быть с луной на небе? Не желаете ли получить в качестве презента? Мы завсегда, пожалуйста!

Ты сам нарвался...

Это не я нарвалась, это Адель не на ту нарвалась! Может быть, я и дура одинокая, может быть, я всех жалею и стараюсь всем помочь, но кто знает, что у меня в голове.

Голова работает без сбоев, неплохо соображает, а с виду и не скажешь – тетеха тетехой. Не женщина-«жилетка», а женщина-«тонкая веревка»: что хочешь, то и делай; хочешь узлы вяжи, хочешь режь, хочешь рви. Податливая. Безотказная.

Не скажу, что я гений, не скажу, что вижу людей насквозь, что умею предугадывать события, но тоже не лыком шита!

Не знаю, как бы я отреагировала на «робкое» предложение Прошкиной, не появилась в моей жизни Алла Укропчикова. Я вошла в трагическую историю несчастной матери, прониклась ею. Разделила материнскую боль утраты. Стала смотреть на трагедию под разными углами. Поэтому Адель Прошкина не смогла перетянуть меня на свою сторону. Не уверена, что без Аллы я стала бы лжесвидетельствовать против Стефана Ремесло и пошла бы против закона, но я обязательно что-нибудь придумала... И тем самым, помогла настоящему преступнику избежать заслуженного наказания.

Я не обвиняю Прошкину, я подозреваю ее в оговоре отчима, которого она собралась довести до скамьи подсудимых. Всеми силами она стремится убрать его из семьи, мечтает вернуться в то время, когда они с матерью счастливо жили вдвоем. Поэтому Адель рассказала о «домогательствах». Но она не из тех тихонь, что будут терпеть и

молчать. Опять же, на ум приходят слова Аллы Укропчиковой о Стефане. Конечно, чужая семья – потемки, мало ли что творится за стенами их квартиры, без посторонних глаз, но мне не верится, что Стефан относится в падчерице слишком пристрастно.

Ох, не проста эта падчерица, ох, не проста... Штучка!

Сидит такая вся трогательно-выжидательная. Сидит и ждет моей реакции на ее предложение.

Реакция последовала, но не слишком бурная. Дура, чего с нее взять – это я о себе, сейчас подумает-подумает и согласится, никуда не денется – это я опять о себе. Надо бы ее разжалобить, чтобы дело скорее пошло...

Я приготовилась к продолжению театрального действия.

Адель-актриса не заставила себя ждать. Глубоко вздохнула. Смахнула невидимые слезы и шмыгнула носом. Достала из сумки упаковку с бумажными платочками, выдернула один, развернула и распластала по лицу, прижав ладонями. Плечи вздрагивали – рыдает. Беззвучно.

Было бы смешно, если бы не было так грустно.

- Я завтра дам тебе ответ, - с четким сочувствием заявила я и поднялась с кресла.

Я так устала от странного разговора, словно перетаскала на своем горбу несколько мешков с мукой. Мешки я не таскала, сидела в любимом мамином кресле, слушала, наблюдала, что-то говорила, размышляла и ждала. Так измучилась ожиданием, что голова едва не лопнула. Хватило пары чужих слов, так ожидаемых мною, чтобы убрать усталость вместе с головной болью. Я была свежей и отдохнувшей. Дабы не вернуться в прежнее состояние «измочаленности» в купе с плохой сообразительностью – а сообразительность мне, ох, как не помешает, чтобы хорошенько все обдумать и прийти к «общему знаменателю», - я решила культурно выставить гостью. Ее плохо отрепетированная и непрофессиональная игра выводила меня из себя.

Тетка-тетеха - я то есть - напела «про завтра», обнадежила, и первой поднялась с насиженного места, дав понять, что аудиенция окончена.

Прошкина резво вскочила - излишне резво, изобразив пристрастие, - и направилась в прихожую. Еще не хватало, чтобы она кинулась ко мне с объятиями и всплакнула на моей груди, вновь оплакивая свою несчастную девичью долю. От греха подальше я дистанцировалась от «девицы с долей», но при этом мягко и ободряюще улыбалась.

- У меня завтра две пары, я заканчиваю в двенадцать двадцать, - сообщила гнусавым голосом Адель, взявшись за дверную ручку. - Но прежде чем пойти к следователю, я должна вас ознакомить с кое-какими деталями, чтобы ваши показания выглядели правдивыми и совпадали с моими, - проинструктировала она меня. Куда-то делась гнусавость, голос стал четким и деловым, как у начальника, дающего указания секретарше-новичку.

Чего и добивались - она сочла мою отсрочку как согласие. Ну-ну.

- Аксинья Даниловна, я завтра вам позвоню, - предупредила она. - В час дня вас устроит?

- Вполне.

- Тогда до завтра?

- До завтра.

Я закрыла дверь и задумалась.

В любом случае, я должна пойти с Прошкиной к следователю и рассказать о том, что мне стало известно. О предложении Прошкиной я тоже расскажу.

Она не отвертится, у меня есть доказательство – я записала наш разговор на диктофон. Сама не пойму, что меня на это подвигло.

Неожиданно пришло озарение: Прошкиной известно, кто виновен в смерти Виталия и Влада. Но она всеми силами пытается выгородить настоящего преступника, отвести от него подозрение. Самой подходящей кандидатурой на роль жестокого преступника является Стефан Ремесло.

Прошкина решила убить двух зайцев...

В связи с вновь открывшимися обстоятельствами, как говорят профи, я не имею морального права скрывать от Аллы Укропчиковой свое знакомство с Аделью Прошкиной и то, что за этим последовало.

Конечно, это не телефонный разговор, но идти к бывшей школьной подруге в такой поздний час неэтично. Впрочем, как и донимать телефонными звонками.

Но дело не требует отлагательства.

Алла несколько не удивилась моему звонку. И не только не удивилась, а сообщила, что сама собиралась мне звонить.

- Что-то выяснила о любовнице Владимира? – догадалась я.

- Чувствую себя нищенкой, которая выпрашивает милостыню, - призналась подруга. – Пришлось позвонить жене близкого друга Владимира. Она самая болтливая из всей компании. Не буду испытывать твое терпение, пересказывая лишнюю информацию, скажу коротко: Вовка познакомился с этой женщиной... Где бы ты думала, Ксю?

- Где? – переспросила я, уйдя от предположения.

- На кладбище.

- На кладбище? А что он там делал?

- Оказывается в тот период, когда я отошла от всех людей и зациклилась только на своем... на своей проблеме, Вовка не решился мне сказать, что у его начальника погибла супруга – якобы случайно выпала из окна. Однако, знающие люди поговаривали, что это самоубийство - муж был еще тот ходок, вот у женщины нервы и сдали. Впрочем, это к нашему делу не относится. На похороны жены начальника собралось много людей, среди них была дальняя родственница покойной. За поминальным столом эта родственница оказалась рядом с Владимиром. Они разговорились и быстро поняли, что не хотят расставаться. После этого дня всё и завертелось.

- Любовница и правда ждет от него ребенка? Или успела родить?

- Ждала, но случился выкидыш. Я ни в коем случае не злорадствую – как можно!

- Согласна.

- Но теперь мы точно знаем, что любовница Владимира не имеет отношения к исчезновению Владика. Не поверишь, Ксю, но мне как-то легче стало: не хотелось, чтобы кто-то из окружения Владимира был причастен... Ой, а ты чего хотела-то? – опомнилась Алла. – Есть какие-то новости?

- Ал, ты меня извини, что в нашу первую встречу я скрыла кое-какую информацию. Но в тот момент посчитала некорректным пересказывать конфиденциальный разговор...

Я терпеливо поведала Алле о двух наших встречах с Прошкиной, которая, как и Алла, отозвалась на мое объявление. Естественно, не утаила о сегодняшнем предложении Адели, поначалу вызвавшее у меня удовлетворение – я терпеливо ждала ответа на свой промежуточный вопрос и получила его. Конечная задумка Адели была разгадана мною ранее и формулировалась она так – засадить отчима Стефана Ремесло за решетку. Засадить любым доступным способом. Какое-то время Адель искала лжесвидетеля, потом нашла его в моем лице. Почему я? Потому что жалостливая и ограниченная, а больное место у этой жалостливой и ограниченной – справедливость. Чтобы справедливость восторжествовала, надо указать следователю на преступника, совершившего два убийства. Как станут развиваться события далее, Адель совершенно не волнует, главное – зацепить внимание следователя: вдруг ему нужна не истина, а повышение процента раскрываемости преступлений?..

- Что ты обо всем этом думаешь? – в заключении своего монолога спросила я у Аллы.

- Вот так поворот, - высказалась та, впрочем, без всякого удивления.

- Неужели ты подозревала Прошкину, отсюда и негативное отношение к ней? – напряглась я.

- Как тебе сказать, Ксю, - задумалась подруга, - с одной стороны, у меня были на ее счет подозрения, а с другой... я не могла поверить, что Адель способна на нечто подобное. Я действовала методом исключения. Все знакомые Влада никак не подходили на роль злодея. Осталась одна Адель... Ну, еще инкогнито – совершенно случайный человек. Меня не

устраивали... слово-то какое, - с печалью протянула Алла, - не устраивали оба варианта: первый, с участием Адель, потому что не хотелось верить, что рядом с моим Владом долгое время находился эмоционально-неуравновешенный человек, который ко всему еще и болезненно-самолюбив, а Влад не разобрался и не отошел от этого человека, от греха подальше; а второй, с участием постороннего человека, меня не устраивал потому, что вычислить его весьма проблематично, и он избежал бы заслуженного наказания.

- Выходит, все дороги вели к Адели, но доказательств у тебя не было.

- Помнишь, я говорила тебе о сыщике? Я наняла его, чтобы он проследил на Прошкиной. Но сыщик ничего подозрительного в ее поведении не заметил.

- Ты предполагала, что Прошкина где-то удерживает Влада?

- Ксю, я не знаю! Я мыкалась по всем сторонам в надежде отыскать следы сына. И везде глухие стены!.. Но материнское сердце не обманешь, - добавила Алла со слезой в голосе.

- Согласна – не обманешь, хотя, мне сложно судить. Но я не могу допустить мысли, что Адель расправилась с Владом. И еще с одним мальчиком, с Виталием Орловым. Честно говоря, я подумала о причастности третьего лица, поклонника Прошкиной.

- Все может быть. А что касается причастности Стефана, то я не верю, что он способен на убийство. Но в любом случае, следователь обязан знать, что Литвинова, на телефон которой звонил Орлов, приходится Стефану Ремесло родственницей... Знаешь, как я поступлю? Я завтра же с утра переговорю со Стефаном. Скажу, что мне стало известно о трагедии с очередным поклонником его падчерицы и поделюсь кое-какими деталями собственного расследования. В ответ на мое откровение попрошу рассказать, при каких обстоятельствах у Литвиновой был украден мобильный телефон.

- Обязательно мне перезвони и поделись новостями. Я должна всё знать до встречи с Прошкиной.

- Обязательно перезвоню.

- Алла, возможно ты не веришь снам, но я все-таки попытаюсь еще раз,
- брыкнула я. Конечно, я не забыла о том, что Алла настойчиво просила меня загадать сон, но мне хотелось еще раз услышать от нее слова подтверждения. Пусть придаст мне уверенности.
- Почему же не верю, я верю. Благодаря сновидению ты узнала, что Влад – мой сын.
- Экстрасенс говорил тебе о саркофаге? - уточнила я.
- О деревянном саркофаге. Почему ты спросила?
- Хочу правильно сформулировать вопрос, чтобы во сне пришел ответ. Если мы будем знать имя убийцы и будем знать место, где убийца... - Я сбавила обороты, чтобы до добить несчастную мать. - Если мы будем обладать косвенной информацией, то припррем его к стенке. Убийца решит – у нас есть неоспоримые, а не косвенные доказательства и ему теперь не отвертеться. Мы напомним о сделке со следствием, благодаря которой ему могут скостить тюремный срок, в итоге ему ничего не останется, как признаться в совершении преступлений.
- Ксю, я очень на тебя надеюсь, - как-то отстраненно произнесла Алла. Видимо, моя пламенная речь ослабила ее веру в мои вещи сны...

Называется, заручилась поддержкой...

Я участвовала в турнире по шахматам. Турнир проходил в непривычном месте – на большой лужайке перед одноэтажным кирпичным строением, самым заурядным.

Всю лужайку занимали столы с шахматными досками, за каждым столом сидели по два участника. По мере прохождения турнира, кто-то из участников выбывал, победитель ждал следующего этапа соревнований.

Напротив меня сидел худосочный паренек с непослушной шевелюрой. Паренек был увлечен игрой. В отличие от него, я вела себя беспечно, вертела головой и наблюдала за другими участниками, тайно желая проиграть поскорее и покинуть турнир – я чувствовала себя не в своей тарелке. Вообще не понимала, зачем сюда приперлась, если плохо знакома с данной интеллектуальной игрой. Взъерошенный

противник моего неумения не замечал и каждый мой ответный ход сопровождал закатыванием бровей под густую челку – удивлялся. Можно подумать, я сражала его своей гениальностью в замесе с трудностью лично для него. Неожиданно для меня противник предложил ничью после... какого-то там хода: в отличие от него я ничего не записывала. Худосочный оторвал свой тощий зад от скрипучего стула и протянул мне свою руку. Я тоже привстала и пожала протянутую руку.

- Между прочим, Виталий, - тихим голосом сообщил он.

- Зачем мне данная информация? – удивилась я. Видимо, сморозила глупость, поэтому парень фыркнул. Мне не хотелось выглядеть перед ним идиоткой – все-таки сыграла вничью с гроссмейстером, которому не гожусь в подметки, поэтому процедила сквозь зубы, - Адель Прошкина.

- Так это ты! – воскликнул парень. – И после всего ты... ты смеешь являться сюда и... - Она закатился от возмущения и не нашел в себе сил продолжить.

- Что я ТАКОГО сотворила? Раскритиковала твои вирши? Ну, извини, я не думала, что...

- Причем здесь мои вирши?! – отмер Виталий. – Что такое вирши по сравнению... по сравнению... - Его снова переключило. Он пытался что-то сказать и не мог. Хватал ртом воздух, не мог надышаться.

Рядом со мной на столе стоял стакан с водой. Я молча протянула Виталию стакан, он принялся жадно пить воду. Затем обтер губы тыльной стороной ладони и подвинул ко мне пустой стакан со словами:

- Ты пустая как этот стакан. Ты – пустышка, возомнившая о себе черт знает что!

Участники турнира по неизвестной причине не реагировали на нашу перепалку, как будто нас здесь не было, хотя, мы разговаривали на повышенных тонах.

- Допустим, я пустышка, - миролюбиво согласилась я. - Но на чем основаны твои умозаключения?

- Ты никого не любишь, у тебя нет души и нет сердца. Кроме обожествления себя у тебя нет других чувств. С твоим болезненным самолюбием надо закрыться в психушке и сидеть там безвылазно до конца своих дней, чтобы из-за тебя не погиб кто-то еще. Ты зверь, который прячется под личиной добродетеля.

- Когда я превратилась в зверя? – поинтересовалась я напряженным голосом и украдкой себя осмотрела, выискивая намеки на данное заявление парня – может успела обрести шерстью? Кожа гладкая, как в младенца.

Его обвинения никоим образом не задели мое болезненное самолюбие, из чего я заключила – он сильно преувеличил.

- А то ты не знаешь? - высверливая во мне дыру взглядом, ответил он вопросом на вопрос.

- Я не помню. Я только помню, как ты признался мне в любви, сказал, что полюбил меня с первого взгляда, на первом свидании читал мне стихи, которые меня сильно впечатлили. Я влюбилась в стихи, потом полюбила поэта. – Я говорила как под чужую диктовку. Или будто читала текст по суфлеру, как это делают дикторы.

- Не ври хотя бы себе! Тебе безумно нравилось, что тебе посвящают стихи, что тебя обожают и беспрестанно говорят тебе об этом.

- А дальше? Что было дальше? Я позабыла.

В ожидании ответа я вытянулась в струну и слегка склонила туловище, прижавшись грудью к столу. Виталий, напротив, отпрянул от стола, причем слишком стремительно и едва не свалился со стула. Но удержался благодаря цепким пальцам, стиснувшим край стола.

Шахматные фигуры сместились с положенных мест, Орлов хотел поправить, но передумал.

- Значит, ты не помнишь, что было дальше, - задумчиво протянул он, не отводя глаз от шахматной доски, словно обращался именно к ней. Но быстро вскинул глаза на меня и, покачивая головой из стороны в сторону, высказался обо мне в третьем лице, - кто бы мог подумать, что она способна забыть последующие события.

- Забыла, как видишь, - напомнила я о себе – дескать, я рядом, никуда не ушла.
- А дальше было следующее - я понял, что сильно ошибся в себе: я принял увлечение за любовь. Ведь ранее у меня не было ничего подобного с девушками.
- Я позволила тебе больше, чем позволяли другие, ты быстро насытился и разочаровался?
- Причем здесь это?! – всплеснул руками Виталий. – Ты мне понравилась, сильно понравилась, но потом я встретил Лизу Селезневу и пропал. Перед отъездом к Селезневым я тебе позвонил и честно во всем признался. Ты приняла новость достойно, без упреков и слез. Я уехал. Затем ты позвонила с чужого телефона и сообщила, что... готова умереть, ты не хочешь жить без меня. Если я сейчас же не приеду и не поговорю с тобой, ты покончишь жизнь самоубийством. Я поддался на уговоры и приехал.
- Почему ты звонил мне на чужой номер телефона?
- Ты сама меня об этом просила.
- Когда?
- На следующий день, когда я приехал к Селезневым. Ты мне позвонила, сказала, что потеряла телефон, купила новую сим-карту...
- Что произошло потом?
- Я приехал. Ты встретила меня на вокзале. Мы поехали на дачу. Ты уговорила меня провести наедине несколько дней перед расставанием. Я согласился из жалости к тебе... А не нужно было...
- На какую дачу мы с тобой поехали?
- На дачу, на которой мы всегда с тобой встречались.
- Где она находится?
- Я плохо ориентируюсь на местности и названия не запоминаю.
- Виталий, сосредоточься, это очень важно – вспомни, кому принадлежит эта дача? Это дача Укропчиковых?
- Не знаю таких.

- Ну, вспоминай!
- Хозяйка дачи какая твоя родственница.
- Моя?
- Твоя или твоего отчима.
- Дача принадлежит Литвиновой?
- Кажется, так.
- Мы жили на даче несколько дней, ты регулярно звонил родителям, чтобы они думали, что ты по-прежнему гостишь у Селезневых.
- Ты сама меня об этом просила. Когда настал момент расставания ты... Я не хочу об этом говорить...
- Но почему?! Виталик, пожалуйста...
- Нет! Я уйду, я не хочу иметь с тобой ничего общего!
- Ты куда? Вернись!

Виталий Орлов, не оглядываясь, двинулся в сторону одноэтажного дома из желтого кирпича с коричневой крышей из ондулина. Виталий в дом не вошел, обогнул его и исчез из вида. Я опомнилась и поспешила за ним.

Оказавшись за домом, я успела заметить, как он входит в деревянный сарай и прикрывает за собой дверь.

- Деревянный саркофаг, - вырвалось у меня...

Меня разбудил требовательный звонок телефона. Я открыла глаза и долго не могла сообразить, что происходит. Сердце бешено колотилось, лоб был покрыт испариной. Телефон помолчал и зазвонил вновь. Я протянула руку к прикроватной тумбочке, но на тумбочке телефона не оказалось. Впрочем, как и самой тумбочки. До меня дошло, что я поленилась возвращаться домой и осталась ночевать в квартире мамы. Завалилась спать на диване. Я прислушалась, звуки раздавались откуда-то снизу. Я пошарила рукой по полу и нашла, наконец, телефон.

- Ксю, слава богу, ты жива! – раздался в трубке взволнованный голос Аллы Укропчиковой. – А то я звоню, звоню, а ты не отвечаешь. Я уж не знала что и думать.

- Я спала.

- Спала?

- А который час?

- Половина одиннадцатого.

- Ничего себе, - всполошилась я. – Сроду так долго не спала. – Я догадывалась, что Алла начнет забрасывать меня вопросами, и решила ее опередить, чтобы утолить собственное любопытство, - что нового? Ты разговаривала со Стефаном?

- Да, разговаривала. Он не удивился моему интересу, сообщил, что его родственница, Литвинова, потеряла телефон еще в декабре. Думала, что забыла на даче, она там часто обитает, в любое время года – у нее дача благоустроенная, со всеми удобствами. Впрочем, как и у нас, - от себя добавила Алла.

- Это та самая дача, где батрачит в сезонное время сам Стефан?

- Да, та самая, я тебе о ней говорила. Так вот... Литвинова думала, что забыла телефон на даче. Когда снова туда приехала, телефона не обнаружила, потому решила, что телефон украли, или он случайно выпал из сумки по дороге домой.

- Могла забыть на даче, а на даче побывали... воры и вынесли все, что было ценного. Литвинова не заметила ничего подозрительного?

- Предполагаешь, что на ее даче побывали непрошенные гости? - тягуче проговорила Укропчикова. - А под непрошенными гостями ты, Ксю, подразумеваешь Адель и ее нового возлюбленного Виталия Орлова?

- Давай зайдем с другой стороны: Влад привозил на вашу дачу Адель?

- Я у него не спрашивала, но и без слов было ясно – привозил. И не один раз.

Я просто так спросила у Аллы, мне было доподлинно известно, что «взрослые» отношения у Влады с Адель начались с новогодней ночи.

- Алла, а тебе не показалось, что незадолго до своего исчезновения Влад охладел к Прошкиной? – спросила я, чтобы переложить отношения Орлова и Прошкиной из моего сна на настоящие отношения Влада и Адели. Обнаружить некую связь поведения Адели Прошкиной.

- Не могу ни согласиться, ни опровергнуть, - подумав, ответила Укропчикова. - Но Влад был то задумчив и рассеян, то сильно возбужден - его настроение постоянно менялось.

- Из чего можно додумать следующее – он увлекся другой девушкой и раздумывал, как объясниться с Прошкиной. Идея то возникала, то опровергалась им же.

- Не пойму, к чему ты клонишь, Ксю?

- Алла, нам надо срочно встретиться и кое-что обсудить!

- Я на работе... Ладно, черт с ней, с работой, я сейчас к тебе приеду!..

Когда я пересказала подруге свой сон, она долго изучала меня, как будто в моей внешности появилось что-то экстраординарное.

- Ал, ты подумала то же, что и я? - вкрадчиво спросила я.

Алла закусила губы и еле заметно дернула головой – согласилась.

- И что нам теперь со всем этим делать? - последовал еще один мой вопрос.

- Я не могу без разрешения хозяйки копаться в чужом сарае, но могу проделать тоже самое в своем сарае, - нерешительно проговорила подруга.

- Вариант.

- Если одна девица, пусть и не хилая, смогла... смогла расправится с... с молодым человеком и... устроить ему... п...последнее п...пристанище в с...сараяе, то... почему мы нам... не попытаемся... н...найти, - с трудом подбирая слова и сильно заикаясь, простонала несчастная Аллочка.

- Ал, может быть, нам сразу позвонить в полицию?

- У нас нет доказательств... Что мы им скажем? Что тебе приснился вещий сон с указанием, где искать исчезнувшего несколько месяцев назад Виталия Орлова? Они покрутят пальцем у виска и пошлют нас куда

подальше. И правильно сделают, - с трудом ворочая языком, высказалась подруга. Перестала заикаться и спотыкаться на каждом слове, и то хорошо. А то я уж начала волноваться за ее состояние.

- Ну, да, - вздохнула я с сожалением, кося на нее глазом.
- Скоро тебя начнет донимать своими телефонными звонками Адель, - встрепенулась Алла и взглянула на часы. Алла ожила и была готова к решительным действиям.
- Что мне ей сказать? – завертела я головой, как будто упомянутая особа уже здесь и ждет моего ответа.
- Поступим так, как часто поступал мой сын, чтобы его не доставали.
- Отключал телефон?
- Именно.
- Или лучше отложить наш поход к следователю? Сказать, что сегодня не могу, что у меня неотложное дело... Появился еще один несчастный, желающий поделиться своими проблемами, а отказать я ему не могу. Почему, нет: раз она пришла ко мне, то другой человек тоже может обратиться.
- Поступай, как хочешь, - передернула плечами Алла.
- Я сама ей позвоню и предупрежу, чтобы не вызвать у нее подозрений...

На дачу мы поехали на автомобиле Аллы. То, что Алла была ни в себе, это понятно, но я тоже не могла взять себя в руки и пыталась скрыть все нарастающую и нарастающую панику. Что случится, когда мы обнаружим тело Влада, мне даже страшно подумать.

В итоге я сообщила твердым голосом, что хочу обратиться за помощью к одному хорошему человеку, который не откажет и не удивится моей просьбе. Речь шла об Олеге Шелудякове, о котором я почти ничего не знала, но говорила о нем с такой уверенностью, что Алла сразу согласилась, подобравшись к мысли, что двум женщинам придется трудно и в физическом плане, и в моральном – что гораздо важнее: женщинам нужна поддержка и необходимы правильные слова, сказанные вовремя.

Олег отозвался сразу. Не знаю, о чем он подумал после моей сбивчивой речи, но задал всего один уточняющий вопрос: где находится дача? Я объяснила и, в свою очередь, спросила о Верочке, его дочери-внучке, которая занимает все его внимание. Олег сказал, что Верочка в детском саду, не стоит волноваться, если он не успеет к нужному времени, то из детсада девочку заберет мама ее подруги, никаких проблем. Они живут по соседству и часто подменяют друг друга...

После телефонного разговора с Олегом нам с Аллой стало легче, напряжение слегка спало. Все-таки рядом будет мужчина с железными нервами. Алла так и сказала, а я согласно кивнула, как будто уверена на все сто, что у Олега неравная система на зависть всем мужикам, что уж говорить о женщинах.

По дороге Алла вдруг вспомнила:

- Однажды Влад у меня спросил: можно любить двух девушек сразу? На что я без сомнения ответила: нет, нельзя. Просто тебе кажется, что ты продолжаешь любить свою девушку, а на самом деле давно ее разлюбил, когда встретил другую... Я не стала ему объяснять, что это увлечение, подростковая влюбленность – что всё это несерьезно. Подумала в тот момент: со временем сам разберется, повзрослеет и разберется... - Голос Аллы дрожал, но глаза были сухими.

- Ал, тебе нельзя в таком состоянии управлять автомобилем. Давай съедем на обочину...

- Ксю, я в порядке.

- Я вижу, в каком ты порядке, - с жалостью к ней протянула я и подумала: зря я всё это затеяла. Надо было пойти к следователю, поделиться своими... мыслями и уговорить или заставить его поехать на Алкин участок и провести обыск. Но кто я такая, чтобы прислушиваться к моим словам, тем более, действовать по моей указке.

Алла сбавила скорость. Я исподтишка взглянула на нее. Заметила белое страдальческое лицо, сжатые губы и побелевшие костяшки пальцев, с силой сжимающих руль.

- Хочешь чаю? Я заварила в термосе. Чай с бергамотом.

- Спасибо, Ксю, не хочу... Хочу добраться до места поскорее, и в то же время боюсь. Так бы ехала, ехала, думала, думала, рисовала себе радужные картинки. А еще лучше – переместилась бы в прошлое, хотя бы на два года назад. Если бы моя машина превратилась в машину времени, тогда я смогла бы предотвратить весь этот ужас... Зачем я всё это говорю?

- Ал, а когда случился тот разговор с Владом, о котором ты рассказала? – спросила я, чтобы отвлечь подругу.

- Когда? – задумалась она. – Или перед восьмым марта или после... В этом районе. А исчез Влад двадцатого марта, в первый день весенних каникул. Мы договорились, что он пару деньков отдохнет, а потом продолжит занятия у репетитора – надо было хорошо подготовиться к сдаче ЕГЭ... Странно, что я совсем выпустила из головы это разговор.

- Наверное, посчитала его неважным.

- Получается, Влад, действительно, встретил другую девушку.

- Получается, - выдохнула я.

- Тогда всё сходится...

На дачу мы приехали одновременно с Олегом. Я коротко обрисовала ему ситуацию, не вдаваясь в глубокие подробности – обещала обо всем рассказать позже.

Дача Укропчиковых ничем не отличалась от других: небольшой одноэтажный кирпичный дом под черепичной крышей, плодовые деревья, кусты малины и смородины. Разница была в другом - на этом участке я не заметила грядок с помидорами-огурцами-зеленью: хозяйке было не до них. Под раскидистой яблоней расположились деревянный стол и две лавки по бокам от него. С левой стороны от калитки, ближе к забору, разделяющему два участка, Аллы и соседний, я заметила столб с баскетбольным щитом и кольцом – небольшое место для игры в баскетбол. Когда-то эта игровая мини-площадка была сильно истерта ногами игрока или игроков, теперь взялась зарастать травой. Трава росла отдельными пучками, как бы не решаясь заполнить собою все пространство. То, как старательно отводила Алла свой взгляд от баскетбольного щита с кольцом, подтвердило мою догадку – главным игроком был именно ее Влад. Мать так и не

решилась убрать с глаз долой лишнее напоминание о сыне, рассчитывая, что тот вернется и снова начнет бросать мяч в корзину.

Наше внимание привлек деревянный сарай, некогда выкрашенный в яркий зеленый цвет, нынче краска облупилась, цвет выгорел.

Хозяйка замерла неподалеку от сарая, не решаясь подойти ближе. У нее был такой ошарашенный взгляд, как будто от старого сарая остались одни руины.

- Что ты там хранишь? – дернув головой в нужном направлении, спросила я спокойным голосом, желая разрядить обстановку – якобы из чистого любопытства.

- Что? – не сообразила подруга. Опомнилась и пояснила, - ничего ценного в сарае нет. Садовый инвентарь, всякий ненужный хлам... Инструменты мужа... Бывшего мужа, - уточнила она специально для Олега. – И... л...лопата т...тоже есть. Вам же понадобится л...лопата? - От сильного волнения Алла опять начала заикаться.

- Лучше тебе пойти в дом, - посоветовала я.

- А как же...

- Алла, пожалуйста, - убедительно произнесла я, обняла подругу за плечи и повела к дому по дорожке, выложенной кругляками от спиленных деревьев.

- Где мне взять ключи от сарая? – обратился к нашим спинам Олег Иванович.

- Ключи от сарая в доме, я сейчас принесу, - ответила Алла и прибавила шаг. Я едва поспевала за ней.

Хозяйка вскрыла замок на входной двери дома, переступила порог, протянула руку и сняла с крюка на стене связку ключей. Отделила один ключ от связки и собралась вернуться назад, к сараю, возле которого переминался с ноги на ногу Шелудяков, но я решительно забрала у нее ключи, ободряюще кивнула и прикрыла дверь.

- Олег, прости, но мне больше не к кому обратиться, - запоздало извинилась я – лучше поздно, чем никогда. – Хотела оградить Аллу от поисков, а самостоятельно, боюсь, не справлюсь.

- Я все понимаю. Правильно сделала, что позвонила.

Олег поковырял ключом в замке, распахнул дверь сарая, дверь протяжно закричала. Я невольно покосилась в сторону дома. Можно подумать, мы с Олегом были ворами-домушниками, позарившиеся на чужое добро. Алла не стояла у окна. Но она могла наблюдать за нами через плотный тюль. Я ее понимаю.

Добро в сарае было... так себе: пустые банки-склянки с «вековой» пылью, выставленные шеренгой на длинной узкой полке по левую сторону от входа, грабли-лопаты, сильно поржавевшая коса, метла и веник – сгруппировались сразу возле входа с правой стороны. За ними вдоль стены вытянулся фанерный шкаф, за шкафом – металлический стеллаж с нехитрым инструментом.

Я заглянула в шкаф и увидела на полках старые книги и журналы. В самом низу прятался старенький мешок. Я любопытствовала: в мешке лежали старые газеты.

- Наверное, применяют для растопки печи, - зачем-то высказалась я.

От входа до противоположной стены пол сарая устилала полоса из старого линолеума темно-коричневого цвета с бежевым орнаментом шириной не более метра. Я уперлась непонимающим взглядом в истертое покрытие, затем обратилась с немым вопросом к своему новому приятелю, который не отвлекался на изучение содержимого фанерного шкафа и сразу принялся изучать пол сарая.

Олег присел на корточки возле входа, ухватился двумя руками за края и приподнял покрытие. Я поспешила отойти к противоположной стене, но Олег вернул полосу на место и вежливо попросил меня выйти. Могла бы и сама сообразить.

Мы быстро и незаметно перешли с Олегом на «ты», и меня данное обстоятельство ничуть не смущало, хотя, я предпочитала дистанцироваться с малознакомыми людьми. Мне казалось, что я знаю Олега очень давно, несмотря на то, что в нашу первую и единственную, не считая сегодняшней, встречу успели перекинуться всего несколькими фразами. Этот человек сразу располагал к себе.

Я вышла из сарая, обогнув мужчину, а он принялся сворачивать линолеум как обычно сворачивают ковровые дорожки. От старости

линолеум отвердел и сворачивался с трудом, причем сразу большим диаметром, иначе не выходило. Быстро пройдя весь путь, Олег убедился, что сильно утрамбованную землю никто даже не пытался вскопать, и двинулся в обратном направлении, раскатывая полосу.

- Получается, в сарае можно не искать, - сказала я, внимательно следя за действиями Олега.

- Здесь никто ничего не прятал, даже не сомневайся, - отозвался Олег, покидая сарай и отряхивая ладони.

Не сговариваясь, мы посмотрели на дом. Видимо, Алла все-таки наблюдала за нами через занавешенное окно, поэтому тотчас открылась дверь, и на пороге возникла женская фигура, сгорбленная и несчастная. Фигура обратилась к нам с немым вопросом, приложив две скрещенные ладони к груди. Я покачала головой – никаких следов. Тогда Алла решилась приблизиться к нам на плохо слушающихся ногах, которые подворачивались, спотыкались, путались. Она шла долго, словно путь был далек, а мы внимательно следили за ней, чтобы вовремя оказаться рядом и поддержать.

- Значит, мы ошиблись, в сарае... – с трудом ворочая языком, сказала она, проглотив окончание. Но окончание точно было, и мы знали, о чем шла речь.

- Не похоже, чтобы там работали копатели, - подтвердил Олег, подобрав удобоваримое слово.

- Если нет... Если нет, то получается, что мой сын... жив, - бесцветным голосом сказала Алла, дав понять, что в этот благоприятный исход она давно не верит. Но как может цепляется на тонкую ниточку надежды, чтобы окончательно не свихнуться. Чтобы жить и ждать.

- Очень хочется пить, - вставил единственный мужчина, решив снизить градус напряжения.

Взгляд Аллы стал более осмысленным.

- Вам воды или чаю? - спросила она.

- Будет достаточно воды, - высказался Олег.

Алла вернулась в дом, Шелудяков направился к крану, присоединенному к извилистой трубе, которая по форме напоминала кобру без капюшона, вставшую в позу под действием магической игры заклинателя на флейте. Кран был расположен невысоко над землей, Олегу пришлось согнуться, чтобы вымыть испачканные руки.

Руки моет, ну-ну, - подумала я. - Он моет руки! – мысленно возмутилась я. – Он дает понять, что поисковые работы завершены.

Чтобы унять возникшее недовольство Олегом, собою и всем подряд, я сосредоточила внимание на поливочном шланге, лежащем свернутой змеей на земле возле крана. Именно к крану, из которого тонкой струйкой текла вода на мужские руки, по необходимости присоединялся поливочный шланг, которым, по всей видимости, давно не пользовались. Необходимость была, желания у хозяйки не было.

Чтобы не ляпнуть что-нибудь нелицеприятное, я ретировалась - решила обследовать участок. Однако далеко не ушла, заметив в небольшом промежутке между сараем и забором, отгородившим участок Аллы от соседей, несколько деревянных досок длиной не менее двух метров. Могли бы и корни пустить, - подумала я о досках, лежащих здесь достаточно долгое время.

Хозяйка вернулась с полотенцем, бутылкой минеральной воды и тремя высокими стаканами. Бутылку и стаканы Алла поставила на стол под яблоней. Олег подошел, вытер мокрые руки предложенным полотенцем, откупорил полторалитровую бутылку и наполнил стаканы минеральной водой. Взял один стакан и направился ко мне. Я молча приняла стакан из его рук и начала медленно пить, продолжая сверлить взглядом доски, сваленные за сараем.

Я верила своему сну, поэтому тело Влада надо искать на участке. Как сказал Алле экстрасенс – под деревянным саркофагом. Важное уточнение. Остается понять, что он имел в виду. Первоначально я предполагала, что тело Влада убийца спрятал в сарае... В сарае ли? В моем сне я общалась с Виталием Орловым, который от меня сбежал и укрылся в сарае, совсем не похожем на тот, который мы с Олегом недавно обследовали.

В полной задумчивости я подошла к столу, присела на лавку, сделала пару глотков воды, поставила стакан на стол и вернулась на свой

наблюдательный пункт. Стояла в отдалении и рассматривала деревянные доски как музейную реликвию. Еще пристрастнее, но без воодушевления и душевного трепета. Трепет присутствовал, но другого свойства.

Доски лежали друг на друге в творческом беспорядке. Не похоже, что доски сдвигали с места. Но с другой стороны, с момента исчезновения Влада прошло больше года.

Алла заметила мой пристальный интерес, подошла и пояснила:

- Бывший муж хотел сделать полы в сарае, да руки до дошли. С тех пор доски здесь так и лежат.

- Давно? – уточнила я.

- С тех самых пор, как он делал полки в сарае. Лет пять или шесть.

Не говоря ни слова, сообразительный Олег принялся вытаскивать доски одну за другой из пространства между забором и сараем. Пространство было нешироким, не более полутораметров. Но, как мне казалось, этого пространства вполне достаточно для... захоронения.

Олег разобрался с досками, затем скрылся в сарае и вернулся с лопатой в руках. Мы с Аллой переглянулись. В глазах подруги застыл страх.

- Алла...

- Я никуда не уйду. Лучше я буду с вами, одной в доме мне находится невыносимо, - четко выговорила она, схватила меня за локоть и с силой сжала.

Я не стала с ней спорить, но отвела подальше и усадила на лавку возле стола.

- Попой водички, - ласково предложила я и всучила ей стакан с минералкой. Алла автоматически сделала несколько глотков. Я удовлетворенно кивнула, словно это было чудодейственное средство для излечения всех существующих недугов, в том числе, и снадобье от нервных болезней. После чего вернулась к Олегу, орудовавшему лопатой. Постояла, ушла в сарай, тоже вооружилась лопатой, но только мешала. Развернуться в таком пространстве было проблематично.

- Я сам, - в итоге произнес Олег еле слышно, и я отступила.

Но лопату не оставила, так и стояла вместе с ней, чтобы подключиться к работе в любую минуту. Изображать полную готовность, деловитость и выдержку мне удавалось с большим трудом. В голове давно гудело, шумело и что-то плескалось, можно подумать, к моей голове присоединили тот самый шланг, лежащий змеей на земле, и принялись наполнять голову водой под давлением. Я даже проверила на всякий случай – шланг по-прежнему не выполнял своего прямого предназначения. Мои руки-ноги стали ватными, ноги с трудом держали меня, а руки – лопату. Удивительно, что я смогла изображать копательные действия.

У Олега работа шла скоро, земля под досками была рыхлой.

- Здесь кто-то уже копал? – шепотом поинтересовалась я, подойдя ближе.

- По всей видимости, - так же шепотом ответил Олег и добавил, - но не вчера.

Он снимал пласты земли слой за слоем, проходя по всей длине задней стенки сарая, чтобы не пропустить искомое. Я уже не сомневалась, что тело Влада находится в этом месте. Своеобразным саркофагом стали деревянные доски – чем не прикрытие.

Когда лопата издала странный звук, в корне отличающийся от прежних равномерных шуршащих звуков, Олег замер, присмотрелся, потом пошурудил лопатой – расчистил, охнул, пробубнил что-то себе под нос и вскинул голову. Мы обменялись взглядами.

- Что будем делать? – шепотом спросила я, догадавшись, что он хочет мне сказать.

- Аксинья, мне кажется, нужно позвонить в полицию, до их приезда пусть все остается так, как есть, чтобы не было претензий... Чтобы избежать недоверия с их стороны.

- Ты уверен? - обронила я и невольно попятилась. В чем он должен быть уверен, обоим было ясно без лишних слов. Речь, естественно, шла не о звонке в полицию, с этим все было ясно – надо сообщить кому следует.

Олег утвердительно кивнул, дав понять, что мы нашли Влада... Останки Влада.

Я повернула голову в сторону стола, за которым сидела Алла. Она все поняла. Вскочила с места и быстрым шагом направилась к нам. Она почти бежала, я не успела ее перехватить на подходе, слишком стремительным было ее перемещение, но успела загородить собой проход к месту погребения ее сына. Алла уперлась в меня как в стену, я обхватила ее двумя руками и прижала к себе. Алла билась в моих руках какое-то время, потом силы оставили ее, и она обмякла.

И опять я не могла подобрать слов утешения. Что я могла ей сказать? Наконец, мы его нашли? Тоже мне, утешение, еще скажи ей: сбилось то, чего ты ждала и теперь... Мать ждала другого... Мать надеялась... Мать говорила правильные слова, чтобы со стороны не казаться безумной, но... материнское сердце не обманешь. Однако малюсенькая надежда еще теплилась. Теперь малюсенькая надежда испарилась.

- Надо звонить следователю. Пусть выезжает с оперативной группой, пусть проводят все необходимые действия. Может, мы ошибаемся, может, это совсем не то... может, что-то другое, - бубнила я как заведенная, повторяя и повторяя одно и то же. Так разговаривают люди в стрессовой ситуации. Я повторила последний раз, заткнулась и заплакала вместе с Аллой.

– Я могу позвонить следователю, мне только нужен номер его телефона, - сказал Олег тихим голосом. Он давно стоял рядом с нами, а мы его не замечали.

- Лучше я позвоню, - опомнилась я, размазывая слезы по щекам.

Дрожащей рукой Алла протянула мне свой телефон. Я передала Аллу Олегу, он повел ее в сторону дома, поддерживая под локоть. Я нашла в списке абонентов нужного человека и позвонила.

Говорила я убедительно и доходчиво. Меня поняли и приказали ждать.

Я сразу позвонила в «Скорую», чтобы медики оказали помощь моей бедной подруге...

Когда закончились все необходимые в данных случаях следственные мероприятия и следственная бригада уже собралась уезжать, я обратилась к следователю со словами:

- Вы можете мне не верить, но, кажется, я знаю, где искать тело Виталия Орлова, еще одного бесследно исчезнувшего поклонника Адели Прошкиной.

- Сегодня я уже ничему не удивляюсь и верю каждому вашему слову, - произнес следователь без намека на язвительность. Дядька он был положительный во всех отношениях, не из тех, кто борются «за стопроцентную раскрываемость уголовных дел любыми средствами». Дядьке было слегка за сорок, в любой другой обстановке он привлек к себе внимание завидным ростом и широкими плечищами, но не сейчас.

Я так удивилась его быстрому согласию – идти туда, не знаю куда - что не сразу сообразила, что мои слова услышаны и правильно истолкованы, что от меня не отмахнулись и не дали «ценный» совет – обратиться к специалисту для постановки диагноза. Так и стояла столбом и пялилась на широкоплечего великана во все глаза. То ли великан растерял боевой настрой после неожиданной находки, то ли его впечатлили мои свидетельские показания, где я разложила по полочкам свои умозаключения, но он, как я уже сказала, быстро согласился и поспособствовал моему отмиранию живым предложением пояснить. Терпеливо выслушал очередные пояснения и обратился к своим коллегам, которые без особой радости подчинились приказу. Один из них умчался получать постановление на обыск на участке гражданки Литвиновой Надежды Семеновны. Все честь по чести, без всяких нарушений.

Медики дважды вернули Аллу к жизни: первый раз сразу по приезду, а второй - после проведения процедуры опознания. Мать опознала сына по одежде, в которую он был одет в день исчезновения, и по кроссовкам.

Алла вышла из дома вместе с медиками, направившимися к своему автомобилю. Я подумала, что подругу госпитализируют и поспешила к ней. Оказалось, что от госпитализации она отказалась, как отказалась соблюдать постельный режим. Встала с кровати и «пошла

геройствовать», как констатировал молодой доктор с неотложки, укоризненно поглядывающий на нее.

- Доктор, я в порядке. Спасибо вам.
- Держитесь, - душевно произнес тот, заменив привычное слово «выздоровливайте».
- Уже... всё? – спросила у меня Аллочка, пряча глаза.
- Я сказала следователю о Виталике, - шепотом сообщила я.
- Ксю, ты правильно поступила. Он согласился пойти на участок Литвиновой?
- Странно, но да...

Нам повезло – и хозяйка, и ее родственник Стефан Ремесло, и супруга Стефана Валентина Прошкина находились на участке. Сидели на летней веранде, ели окрошку и вели оживленную беседу.

Литвинова была так сражена появлением представителей следственных органов, что не стала спорить, качать права, требовать постановление на обыск на ее участке, а обещала «оказать всяческое содействие, но ей хотелось бы понять, что они собираются искать». Стефан и Валентина тихо сидели за столом и настороженно переглядывались.

Я согласилась с Аллой: Стефан и правда напоминал Сергея Есенина, только был не такой смазливый, с добавлением капли мужественности, я бы так выразилась, и это обстоятельство играло в его пользу. Валентина показалась мне обычной женщиной, простой и милой, домашней, в общем. Выглядела она старше мужа.

Но сейчас меня больше занимали не люди, а сарай, спрятавшийся в глубине сада и вплотную примыкавший к забору. Это был он, сарай из моего сна, в котором укрылся Виталий Орлов...

Ребята из следственной бригады работали слаженно и быстро. Останки Виталия были обнаружены на небольшой глубине в том самом сарае...

- Будет проведено опознание, - сообщил мне следователь-великан. – Надо убедиться, что тело принадлежит Виталию Орлову.
- Что будет с Прошкиной?
- Прошкина уже задержала по подозрению в убийстве двух человек...

Адель Прошкина призналась в совершенных преступлениях.

Виталик оказался прав, когда давал характеристику Прошкиной в моем сне...

Прошкина не могла допустить, что ею пренебрегают, что ей нашли замену. В порыве она ударила Влада по голове кочергой, угодила в висок. Думала, что просто оглушила. Но нет – убила одним ударом. Она быстро нашла место, где можно спрятать тело. Мечтала об одном - избежать наказания. Спрятала тело Влада и спокойно отправилась домой к Укропчиковым, чтобы изображать беспокойство.

С Орловым Прошкина действовала по прежней схеме. Но на этот раз использовала огромный гаечный ключ, который прихватила из дома. Подготовилась. Она заранее знала, что всё случится в последний день их пребывания на даче Литвиновой. Даже заранее выкопала могилу в сарае. Она не беспокоилась о появлении хозяйки, та заболела гриппом и лежала у себя дома. Ключ от дома хранился в потайном месте, и это место было известно Прошкиной. Еще в декабре, когда они были на даче вместе с Орловым, она заметила забытый телефон хозяйки и прихватила его с собой. Возможно, из лучших побуждений - хотела вернуть через отчима, но потом опомнилась – придется объяснять, что она делала на даче. Что и с кем...

После я долго размышляла, почему всё так произошло? Почему нормальная девушка, с виду психически-уравновешенная, стала убийцей? Сначала винила ее мать, Валентину Прошкину, безумно любившую дочь, боготворившую ее, потом пыталась оправдать несчастную мать, возложить вину на дочь.

В любом случае, убийца понесет заслуженное наказание. Проведена психиатрическая экспертиза, никаких психических отклонений у Прошкиной не выявлено. Хотя, она пыталась выставить себя

сумасшедшей, потом пыталась доказать, что совершила два убийства в состоянии аффекта. Кто ей поверит: после совершения преступления в состоянии аффекта звонят в полицию, звонят друзьям, родственникам, просят совета, каются, бьются в истерике. А не прячут следы и не играют придуманную роль...

Мой знакомец, следователь-великан, сообщил, что за убийство двух и более лиц по статье 105.2 УК РФ предусмотрено наказание от восьми до двадцати лет. Уголовное дело скоро будет передано в суд для принятия окончательного решения.

У меня нет жалости к Прошкиной. Мне безумно жаль Аллочку, безумно жаль родителей Виталика Орлова.

В чем провинились перед Прошкиной два парня? В том, что разлюбили?

Почему-то Прошкина не искала причины в себе. Как можно! Ведь она такая-растакая! Необыкновенная она! Как можно ею пренебречь!..

Садовый участок Алла продала за бесценок, но нисколько об этом не жалела: приезжать туда ей было невыносимо. Ее бывший муж присутствовал на похоронах сына, сказал Алле пару дежурных фраз, которые она не услышала. Больше они не встречались.

Вот в такую печальную историю о любви и нелюбви, честности, приведшей к трагедии, коварстве и болезненном самолюбии, берущем начало в раннем детстве, оказалась замешала и я...

Прошло три месяца. Лето близилось к логическому концу.

Мы с Олегом и Верочкой сидели в гостях у Аллы.

Верочка увлеченно возилась с гитарой Влада и не слушала, о чем говорят взрослые. Двое взрослых, естественно, обсуждали мои сны, называли их настоящим чудом, предлагали «серьезно заняться этим вопросом». Я лишь усмехалась и поглядывала на девочку, брэнчавшую на гитаре.

- Послушайте, может быть, уже довольно говорить о моей, черт возьми, «гениальности», - язвительно высказалась я - осадила обоих говорунов,

когда мне наскучили их восторги вместе с советами. Всякому терпению приходит конец.

- Почему бы тебе снова не убедиться в своих способностях, - с трудом справившись с нахлынувшим волнением, сказал Олег, одарив меня пронизательным взглядом: ясно, проверяет мою реакцию. С чего бы ему так волноваться? Даже испарина на лбу выступила.

- Не пойму, чего ты добиваешься? - процедила я сквозь зубы.

- Человеку нужна твоя помощь, - проникновенно высказалась Аллочка.

- На самом деле? – вскинула я брови.

Олег посмотрел на меня с сомнением - надо ли продолжать, захочу ли я взять за дело? Я подбадривающе ему кивнула – дескать, не робей, - и выразительно вздохнула - обещать ничего не могу.

- Ксю, у меня есть друг. У друга есть проблема. – Прямо, не сказал, а отбил чечетку в несколько основных элементов...

Я мысленно приказала себя ни во что не вмешиваться! Не слушать «про друзей с проблемами»! Бежать куда глаза глядят, закрыться за все замки и сидеть безвылазно.

Но никуда не побежала, не закрылась...

Почему бы мне не выслушать хорошего человека?..

Глава пятая.

Сон как предчувствие

Весь вечер моя голова была свободной от всяких мыслей: ни умных, ни дурных ее не посетили. Можно подумать, вся жизнь была пустой и однообразной. Я могла с этим согласиться, если после разбирательств с трагедиями двух молодых парней, я бы вернулась в свою шкатулку-квартиру, заперлась на все замки и отключила мозги, устав от переживаний недавнего прошлого и возжелав погрузиться в вязкое одиночество, которое, в результате, настолько охватило меня, что совершенно не захотелось что-то менять. Даже ходить за продуктами –

сейчас можно сделать заказ по телефону и тебе всё доставят в лучшем виде. Наверное, так ведут себя люди, охваченные безумным страхом – манией преследования или чем-то там еще. Кроме животного страха у них отсутствуют другие чувства. Ну, еще есть чувство голода – куда без него.

Не знаю, что меня заставило «очистить голову» и отодвинуть на задний план рассказ Олега Ивановича Шелудякова о его младшем друге «с проблемой», но могу предположить – сработала защитная реакция организма. Организм – он не дурак, соображает лучше его обладателя, которого предупреждает о тайм-ауте для собственного же блага.

Чтобы чем-то себя занять, а не пялиться в пустоту или не шататься по квартире с видом медведя после спячки, я включила телевизор и пристроилась на диване с кружкой чая. Испив чайку и внимательно изучив новости в стране и в мире, как говорили в советские времена, я почувствовала недомогание, связанное с сильной духотой. Воздуха мне катастрофически не хватало. Я походила на рыбину, выброшенную на берег. Рыбина была на зависть всем рыбакам – весила много и сдалась «без боя».

Запоздало включив мозги, находящиеся в режиме ожидания, я, наконец-то, нашла простой выход – распахнула настежь балконную дверь, тем самым пригласив в гости необычайный по вкусноте воздух подступившей осени.

Тут же вышла на балкон и глубоко вдохнула. Голова слегка закружилась, а земля, где-то там внизу, слегка качнулась, как при слабом землетрясении. Я быстро привела себя в нормальное состояние и придирчиво изучила двор и прилегающие окрестности, находящиеся в поле моего зрения.

Сумерки давно сменились темнотой, разбавленной уличным освещением. Редкие прохожие перемещались в разным направлениях, кто-то – бойко, кто-то – вальяжно. Скамейки были пусты... Ан, нет – на одной сидела парочка. Парочка на скамейке хорошо освещалась, и я без труда рассмотрела пенсионерку из моего дома – женщину лет семидесяти, рядом с которой восседал бравый мужчина, приблизительно ее одногодок. Могу поспорить, что пенсионерка

отчаянно кокетничала с кавалером, а кавалер что-то ей отвечал и постоянно поправлял пышные усы – показывал свою бравость.

- Ничего себя, - тихо протянула я, - недаром знающие люди утверждают – любви все возрасты покорны.

Естественно, самым знающим я считала Пушкина Александра Сергеевича – наше всё: с него-то и началось «про покорность», с его творения «Евгений Онегин».

Душа затребовала активного исполнения, и я еле слышно затаила:

- Любви все возрасты покорны, но юным действенным сердцам ее порывы благосклонны, как бури вешние полям. В дожде страстей они свежают, и обновляются, и зреют – и жизнь могущая дает и пышный цвет и сладкий плод.

Последнюю фразу я произнесла речитативом, подергивая в такт головой и отбивая руками такт на перилах. Поздно сообразила, что повысила голос и привлекла к себе внимание парочки на скамейке. Пенсионеры дружно задрали головы в поисках помехи их интимной беседы.

Я струхнула, быстро присела и с наслаждением захихикала, вспомнив веселое время - свое безрассудное детство, когда мы бросали в прохожих чем попало и тут же прятались, чтобы нам, в свою очередь, не влетело по пятое число.

Моя тучность, пусть и порядком поубавившаяся, не позволила долго сидеть в неудобном положении, поэтому пришлось выйти из засады. Мне повезло – пара влюбленных потеряла ко мне интерес. Кавалер продолжал что-то вещать, а дама кокетливо поправлять свой кружевной воротник, искусно разложенный на теплой вязаной кофточке. Белый воротник тонкого плетения смотрелся нелепо на кофте-кофтище темного цвета, но чему удивляться: все-таки вечерами стало достаточно прохладно, по этой причине неюной девушке захотелось и тепло одеться, и приукрасить себя, выказав пристрастие к кавалеру.

Я не стала смущать парочку и скрылась в комнате.

Новости давно закончились, началась трансляция комедии Рязанова «Старики-разбойники». Я с удовольствием погрузилась в известный сюжет, наслаждаясь игрой великолепных актеров...

Бессонница все же меня одолела – какими настойками и пилюлями я себя не пичкала, ничего не помогло. Меня совершенно не тянуло в койку. Я снова вышла на балкон. Удостоверилась, что парочка покинула насиженное место, но на всякий случай повертела головой – вдруг они еще не ушли, стоят у подъезда и никак не могут расстаться. Прямо, как мы в молодости. В молодости! Им-то по семьдесят!.. И что?! Прекрасно, когда чувства живы. Значит, жив человек. В таком преклонном возрасте на смену положительным эмоциям приходит негатив – то не так, это не так, все и всё раздражают... А они, гляди, милуются, и всё у них хорошо – позитив у них. И про болячки, небось, забыли. Молодцы!

Я человек независтливый, но им, этим двум людям, которых и стариками назвать нельзя по причине нахлынувших чувств, слегка позавидовала. Эх, мне бы так – сидеть на скамейке рядом с... Шелудяковым, кокетничать, румяниться от каждого его слова, естественно, сказанного о любви, что-то отвечать невпопад. Обязательно невпопад – это говорит о молодости тела и ума, о нахлынувшем волнении. Потому что – чувства! Потому что в жизни один позитив, затмивший проблемы, болезни, дурные мысли.

Шелудяков. Он влюблен. Но вида не подает. В кого влюблен? Ясное дело – в Алку Укропчикову. Я за них рада. Сейчас Алка не может ответить на его чувства, но пройдет время, ее глаза откроются, как и ее сердце, и все у них будет хорошо. Будут вместе воспитывать Верочку.

Когда-нибудь и по моей улице пройдет мужчина... с баяном. Почему с баяном? К слову пришлось. Настроение после просмотра кинокомедии было приподнятым, отсюда и бессонница, отсюда и странные мысли про баян.

А может, пойти проторенным путем – клин клином вышибают. В том смысле, что выпить крепкого кофе.

Что я сидела. И меня сразу потянуло в сон.

По музею бегали двое мужчин в рабочих халатах и с лестницей в руках. Оба озирались по сторонам, словно их преследуют. Но никто их не преследовал. Того больше – на них никто не обращал никакого внимания.

Первый мужчина, очень похожий на артиста Евстигнеева, резко затормозил, а второй, один в один Юрий Никулин, но с пышными усами, не удержал в руках лестницу и на скором шагу врезался в первого, в итоге оба чуть не свалились на паркетный пол. Удержались на ногах благодаря лестнице, которую ловкий и сообразительный Евстигнеев успел выставить впереди себя, как будто сию же минуту собрался совершать по ней восхождение без привычного упора, прежде избавившись от тормозного элемента в виде примкнувшего к нему приятеля.

Первый что-то шепнул второму и указал глазами на картину. Второй утвердительно кивнул – дал согласие. Не сговариваясь они деловито направились к той самой картине, висевшей на стене и не ожидавшей никаких сторонних выпадов. Выпад случился – от двух пожилых дяденек в рабочих халатах. Лестница осталась лежать на паркетном полу, так как в пылу заинтересованности картиной Евстигнеев, он же первый, посчитал ее лишним грузом. Быстро пришел к обратному выводу, когда они замерли перед картиной и заметили отсутствие вспомогательного предмета. Пришлось первому вернуться на середину зала, где возлежала лестница, терпеливо ожидающая решения относительно своего участия в сложном деле. Но дело оказалось пустяшным, старички с завидной скоростью избавили стену от одной картины, причем без участия советов и вопросов извне, беспрепятственно покинули зал и скрылись в туалете, где внимательно осмотрели картину с видами бывалых знатоков-коллекционеров.

- Говорят, это работа кисти Рембранта, - сообщил второй, тот, что с пышными усами.

- Сам ты, Рембрант, - хмыкнул первый. - На сайте Эрмитажа русским языком написано: «Портрет молодого человека с кружевным воротником», автор – неизвестный художник. Понял?

- Сам ты, Рембрант, - обиделся второй, неожиданно выказал полное невежество – посчитал слово ругательством, хотя, сам и высказался «про работу кисти...». Слышал звон, да не знает, где он.

- А ничего так? – дернув головой в сторону картины, аккуратно притуленной к туалетной стене, глубокомысленно изрек первый.

В это время дверь приоткрылась. В щель просунулась мужская голова в очках и спросила:

- Вы скоро?

- Заходи, дядя, - приветливо отозвался усатый и скосил рот – улыбнулся.

- Пошел вон! - прикрикнул первый. Голова в очках исчезла. Тогда он шикнул на приятеля, - мозги включай, хоть иногда.

- А я что, я ничего, может ему сильно надо, - запричитал тот.

- Ну, что? Берем? – хмуро спросил первый у второго, почесывающего гладко выбритый подбородок, при этом дерзко вздернув пышные усы.

- А у нас есть выход? – вопросом на вопрос ответил усатый.

- А как она тебе вообще? - заинтересовался его профессиональным мнением первый.

- Мне? – удивленно вскинул брови приятель, никак не ожидавший ничего подобного – его мнения никто не спрашивал. На этот раз решил рубануть правду-матку – раз спросили. - Вообще-то, мне не очень. Воротник слишком большой, это раз, называется «Портрет молодого человека», а на самом деле – этому, с портрета, лет сорок-сорок пять, не меньше.

- Возможно, творец так видит... видел, - явно пел с чужих слов первый. Но особо спорить не стал. И вкрадчиво поинтересовался, решив, переложить на чужие плечи принятие важного решения, - что будем делать? Возвращать?

- Я бы вернул, - недолго думая, обронил приятель с усами и решил добить приятеля своими рассуждениями, - лицо у него какое-то женоподобное. Будто это вовсе не мужик, а баба. Смотри, какой щекастый. А щеки дряблые, на воротник не эстетично нависают.

- Дааа, со щеками промашка вышла, - протяжно согласился первый, возмущенно покачивая головой. – Ладно, пошли отсюда.

Прихватив непонравившуюся им картину неизвестного автора, они выкатились из туалета и с удивлением заметили длинную очередь. Первым в очереди стоял очкастый. На нем был черный костюм с брюками-дудочками, белая сорочка и узкий галстук, бывший в моде в шестидесятых годах.

- Вот они, смотрите, - провозгласил очкастый, заметив двух выходящих мужчин, и ткнул в их сторону пальцем.

- А вот еще один, - восторженно прошептал странный низкорослый субъект с большими ушами из очереди и указал на картину.

- Вот видишь, все-таки художник нарисовал мужчину, а не женщину, как ты утверждал, - показал свое превосходство первый.

- Но не молодого! Ты со мной согласен?

- Знаешь ли, возраст – понятие относительное, - перехватывая картину, высказался первый. – Всё зависит от состояния души.

- Я тебя умоляю, - начал второй и сразу замолчал. Хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он опустил на паркетный пол свой угол картины, отчего картина оказалась на полу полностью – первый не ожидал такого поведения и тоже ее выронил.

- Ты чего? – прошипел первый. – Ты зачем привлекаешь к себе внимание? – продолжал возмущаться он придуманным шепотом. Можно подумать, до сих пор на их головах находились шапки-невидимки, а сейчас обе шапки слетели по причине несуразного поведения.

- О! – выдал второй, сложив рот овалом, словно собирался затянуть арию из оперы «Заткни уши».

- О, п, р, с, т... - Его подельник не нашел ничего лучше, как «вырвать из контекста», от возмущения, естественно.

- О! - повторил усатый, изобразив заезженную пластинку.

- Достал ты меня, - негромко, но доходчиво возмущился первый.

- О, смотри, - дребезжающим от чрезвычайного волнения голосом проговорил второй и в довершении вытянул руку с выставленным указательным пальцем. Палец указывал куда-то за спину приятеля.

Действуя инстинктивно, приятель обернулся и ошалело уставился на стену. На стене красовался «Портрет молодого человека» в «правильном» виде.

- Ну, дела, - выдохнул он и усердно почесал затылок.

Второй тщательно поправил пышные усы, как будто ничего главнее на данный момент для него не существовало. Подумал и подкрутил концы усов, придав себе залихватский вид.

- Если это, - первый указал на стену с «правильным» портретом, - то, что нам было нужно, тогда что мы взяли? – На этот раз он приложил пятерню к картине, которую они, с его слов, взяли, а вернее выразиться – умыкнули при всем честном народе, а потом передумали по причине «несуразности» и решили вернуть. Сейчас картина мирно прижималась к ноге первого и ждала «вердикта суда».

- Это? Это лажа какая-то, - хмуро изучая поднадоевшее творение, изрек второй.

- И что нам с ней, с лажой, делать? - требовательно и в тоже время с неким опасением спросил у него первый, словно решалась его судьба.

Второй тоже почесал репу, поразмышлял и выдал:

- Слушай, братан, а ведь все складывается в нашу пользу – сейчас мы произведем замену. И у нас будет... этот... как его...

- Подлинник - ты хотел сказать?

- А кто знает, где подлинник, а где подделка, лажа по-нашему, – подумав, рассудил второй и на всякий случай с любовью провел ладонью по богатой раме картины. Картина по-прежнему преданно прижималась к ноге приятеля, как бы находясь под его защитой.

- Любви все возрасты покорны, - с печалью вздохнул первый, совершенно неожиданного. В его глазах блеснуло безумие. Как бы в подтверждение этого, он вытащил из кармана зажигалку, чиркнул

и... поджег картину – лажу или подлинник, кто разберет. Некоторое время держал картину за угол богатой рамки, затем, во избежание ожога, выронил горящий шедевр на паркетный пол, и стал с наслаждением следить за итогами своего инстинктивного действия.

- Ты с ума сошел?! – завопил усатый и схватился за сердце. Сразу обмяк, сдулся и трагическим шепотом сообщил, - мне плохо, я умираю.

И почти сразу раздался сильный взрыв...

Я проснулась от звука, похожего на взрыв. Еще толком не опомнившись, решила – у кого-то в квартире рванул газ и приготовилась прощаться с жизнью. Но вокруг стало тихо-тихо и опасных запахов я не чувствовала, отчего предположила – я уже на небесах. Мне каюк.

Никаких светлых длинных коридоров с выходом в никуда не было, я только собралась насладиться вечным покоем, как тут же снова рванул газ.

Окончательно проснувшись, до меня наконец дошло – по дворе катается мотоциклет без выхлопной трубы.

Сделав успокаивающий вывод, я широко открыла глаза, увидела ясное лазурное небо с обрывками облаков в виде клочков ваты, сладко зевнула и потянулась. Губы расплзлись в самодовольной улыбке, но быстро вывернулись скобкой вниз – я вспомнила свой «потрясающий», во всех пониманиях, сон.

И что бы всё это значило? - мысленно задалась я резонным вопросом. Раз ответ не родился молниеносно, я потянулась в ванную, на ходу взглянув на часы. Однако в тунейдстве есть свои плюсы – можно никуда не торопиться и спать до полудня.

За кофе я восстановила в памяти наш вчерашний разговор, когда мы были в гостях у Аллы, и Олег попросил меня о помощи своему другу «с проблемой»...

- Так в чем же заключается проблема? - спросила я, не дождавшись от Олега продолжения. Он переводил взгляд с меня на Аллу, как будто делал выбор и никак не мог прийти к консенсусу с самими собой.

Судя по его озадаченно-насупленному виду, ни одна из нас ему не подходила. Потом Олег нацепил на себя загадочный образ, можно подумать, мы согласились на какую-то хитроумную игру по угадыванию «образа».

Угадывать мне никак не хотелось, мои мысли были направлены на отношения Аллы и Олега – я их приветствую, и на себя, несчастную и нелюбимую окружающими и собой в том числе: к своей внешности я отношусь критически – самокритичная я, но не стараюсь твердить о своих изъянах постоянно, чтобы не погрязнуть в меланхолии в купе с саможалением и поиском причин, от меня не зависящих. Перекидывать вину на чужие плечи я не люблю, и тащить на себе – ненавижу. Лучше отмахнуться и забыть, хотя бы на время.

Наверное, я сегодня отвратительно выгляжу, хуже, чем всегда, – мысленно предположила я и расстроилась: жаль, не подумала об этом раньше и не преобразила себя доступными способами. А чему удивляться – с истории, связанной с исчезновением двух молодых ребят, прошло недостаточно времени для того, чтобы всё хорошенько переварить и как бы успокоиться. Я постоянно возвращаюсь к участникам трагедии, думаю, как можно было ее избежать. Но трагедия ушла в историю, а историю не перепишешь, поэтому необходимо сильно постараться и перестать «молоть воду в ступе».

И еще один факт меня поразил: после двух женщин разного возраста, откликнувшихся на мое предложение «излить душу», больше мне никто не звонил. Я решила, что выполнила предназначенную мне миссию, как бы высокопарно это не звучало. А что? За год никто не смог распутать запутанный клубок, а я смогла! Без ложной скромности. И кто скажет, что мои сны... не вещие? Кто?

Неужели еще найдутся сомневающиеся? Так я им докажу!

Вот и случай представился: толком не выслушав приятеля, я уже знала, что возьмусь за дело. Слишком быстро я освоилась с ролью женщины-«жилетки», не хотелось потерять квалификацию в период простоя.

Это я так, шутки ради: на троне с короной на голове не сижу и сидеть не собираюсь.

Как пела Пугачева: так же как все, как все, как все, я по земле хожу, хожу, и у судьбы как все, как все счастья себе прошу...

А счастье сидит напротив меня и в ус не дует, в том смысле, что не догадывается, что предназначен мне судьбой.

У каждого Счастья свое Счастье на примете. В данном случае, выбор Шелудякова пал на Аллу Укропчикову.

Видимо, у меня был такой отстраненный вид, что Алка не выдержала и саданула ногой по моей ноге, под столом, естественно, чтобы не заметил Олег, который давно объяснял сложившуюся ситуацию с его другом. С его проблемой. А я-то, ворона, все прозевала. И что делать? Переспрашивать? Неловко.

Помощь пришла от подруги.

- Олег, ты не мог бы начать заново, я прослушала. Опять ушла в себя.

- Конечно, - согласилась Шелудяков без обиды. – Есть у меня приятель, Руслан Аркадьевич Подопригора. Я был дружен еще с его отцом, Аркадием Борисовичем Подопригора, он был заместителем начальника полка, когда я прибыл в летный полк по назначению после летного училища. Он сразу взял надо мной шефство. Я стал вхож в его дом. Руслану на тот момент было всего два года, так что можно сказать, он вырос на моих глазах. Когда ему исполнилось четырнадцать, его отец - мой близкий старший друг - погиб. Вскоре меня перевели в другой военный округ, но связи с семьей Подопригора я не терял. Вдова с сыном перебралась к ее родителям в Краснодарский край. Жили они на тот момент в небольшом населенном пункте. Судьба снова свела нас с Русланом когда я ушел в запас. Мы встретились здесь, в этом городе. Сюда Руслан приехал после окончания школы, поступил в вуз, потом окончил его, часто менял место работы, в итоге затеял собственный бизнес. Женится, родился сын. Семейная жизнь складывалась удачно до тех пор, пока в семье не появились деньги. Руслан загулял. Жена терпела недолго, никакие деньги не могли ее удержать, она взяла их общего сына и перебралась в другой город, здесь, неподалеку. Руслана нисколько не тронул ее уход, за сына он не бился, удачно подвернулась красотка, от которой Руслан потерял голову. Он женился на ней. Я не предполагал, что из этой затеи с новой женьбой выйдет что-то стоящее. Думала, красотка будет тянуть из

него деньги, везти вольготную жизнь, а на мужа ей будет глубоко наплевать. Но я, к счастью, ошибался. Жена Руслану попалась не промах, а ему такая и нужна – чтобы держала его в ежовых рукавицах. Любила она его безмерно, но спуску не давала.

- А он? Он ее любил? – не удержалась я от вопроса.

- У Руслана на первом месте была работа, на втором – семья. Но любил, конечно. Не думаю, что он мог жениться без любви или от обиды на первую жену, из мести. Только сначала любовь была... поверхностной, так бы я выразился, но со временем чувства стали настоящими, с пониманием и уважением.

- А дети во втором браке появились?

- Увы, нет. У супруги случилось два выкидыша на разных сроках беременности, второй – уже на большом сроке. Еле выкарабкалась с того света, врачи поставили неутешительный диагноз - бесплодие.

- Можно взять ребенка из детского дома, - ляпнула Алла, сама побывавшая в детстве в подобном учреждении, пусть и недолго. Но и этого времени ей хватило с лихвой.

Алка на днях поделилась со мной своей мечтой - хочет усыновить мальчика. Не младенца, а лет десяти-двенадцати, чтобы все успеть... Так выразилась она, без продолжения. Я не стала заверять, какие наши годы: после потери, подобной Аллочкиной, столько болезней наползает, только держись. Но появление приемного сына может вдохнуть в нее новую жизнь, вдохнуть желание жить. А желание – это не так уж мало. От желания зависит вся жизнь.

- У Руслана уже подрастал сын от первого брака, а его супруга...

- Имя у нее есть? – вставила я.

- Алена.... Алена хотела только своих детей, чужих не хотела. Чужой может стать своим, я так думаю, но я своего мнения не высказывал. Не мое это дело.

- Они люди не бедные, могли обратиться к суррогатной матери, - невыразительно высказалась Алла, дав понять, что относится к суррогатному материнству негативно, но это ее личное мнение, которое

она другим людям не навязывает. И с этим они с Олегом схожи. Родственные души.

Я снова отстранилась от разговора, переосмысливая уже сказанное. Об отношениях своих друзей я не думала.

Пока проблема Руслана Подопригора мне было не ясна. Я поняла одно - у успешного бизнесмена есть любимая и любящая супруга и нет наследников. Но в этом деле я им не советчик.

Проблема с бизнесом? Но Олег об этом не заикнулся, напротив, бизнес развивается и процветает. Предположим, у Руслана проблема с конкурентом или еще с кем-то, но чем я-то могу ему помочь? Как я могу вычислить того, кто «ему вставляет палки в колеса»? Я в подобных делах ноль без палочки. Даже свои сны в этом случае растолкую неправильно, выверну наизнанку, перепутаю с лицевой стороной, потому что профнепригодна в вопросах экономики или наездов в «свете девяностых».

Олег говорит и говорит и все не по делу. Я готова его слушать и слушать, но... почему-то хочется поскорее завершить наш разговор, уединиться и пожалеть себя нелюбимую всеми, себя, обиженную судьбой. Мама сейчас бы сказала: «Не гневи бога!» И была бы права. Довольствуйся тем, что имеешь. Ноги-руки на месте, страшных неизлечимых болезней нет, радуйся... Но как быть с потерями близких мне людей, родных и горячо любимых? Все мы смертны. Философия, в жизни всё гораздо сложнее... Однако, у меня появился надежный друг Олег Шелудяков, я обожаю его дочку-внучку Верочку, опять же в мою жизнь вернулась Аллочка, которой необходимо мое участие.

Вернемся к теме дня – к «проблемному» Руслану Подопригора.

Внутри меня внезапно поселилось неприятное чувство тревоги. И связано оно не с боязнью - вдруг не помогу, вдруг напутаю, тогда придется отвечать по всей строгости закона, существующего в закрытом обществе крутых бизнесменов, - не этого я боюсь. Меня пугает сама Проблема, толком не озвученная. Даже не толком, вообще не озвученная. Олег начал с длинного вступления, а я уже чего-то боюсь, стараюсь погрузиться в себя. Это что, предчувствие? Не нужно мне вникать в проблемы Руслана? Но как быть с Олегом? Он мне помог, я обязана помочь ему или его другу по его просьбе. Алаверды.

Пораскинув мозгами, я пришла к элементарному выводу, тоже некомфортному для меня, но позволяющему сказать твердое «нет». Допустим, меня хотят использовать в качестве... хм... ясновидящей, в качестве подсказчицы: ко мне всякий раз станет обращаться успешный бизнесмен Подопригора, когда возникнет необходимость, дабы его бизнес по-прежнему процветал. Предположим, он спрашивает у меня: соглашаться или нет на предложение некоего лица, входящего в круг доверенных лиц, но ведущего себя подозрительно – вдруг вошел в сговор с конкурентами и решил подвести под монастырь. Я, в свою очередь, обдумываю поставленную задачу, правильно формулирую вопрос перед сном и... получаю четкий ответ, опять же во сне. Как бы становлюсь практически штатным астрологом «на довольствии».

Вопрос от «штатного астролога»: мне это нужно?! Мне нужны подобные обязательства? Где разговоры по душам, где слезы, советы, сочувствие? Где это все? Допустим, без слез дело не обойдется – с моей стороны, когда я получу по загревку в случае неправильного совета. По загревку – в лучшем случае, а то и в бетон могут закатать, как в девяностые... Сдались мне эти девяностые!

Вспомнился непризнанный зять Олега Шелудякова. Непризнанный в том смысле, что родители Шелудяковы, Олег и его супруга, отказывались принять его в свою семью. Однако он особо и не рвался. Хотя, изображал из себя примерного бизнесмена, на что их дочь Ольга и купилась. Влюбилась в него по уши, к родительскому мнению прислушиваться не пожелала. Сошлась с примерным бизнесменом, родилась Верочка. Только вот такая незадача: Ольга то с гражданским мужем живет и милуется, то к родителям сбегает от такого «счастья», прихватив в охапку Верочку. Слушает их нравоучения, соглашается со всеми доводами, отходит и потом опять бежит к мужу. Разница в возрасте у них была большая – почти двадцать лет. Возможно, «пришелец из девяностых», любил их дочь Ольгу, бесспорно любил, но в какой-то извращенной форме. Благо, встретил другую, бойкую и терпеливую, оставил дочь Шелудяковых в покое. Вскоре Ольга вышла замуж официально за хорошего человека. И вдруг такая трагедия.

Верочка была совсем крохой. В тот день Ольга приболела. Родители поехали к ней, чтобы помочь по хозяйству. Мать Ольги стала хлопотать

по дому, отец отправился с Верочкой на прогулку. Ольга напилась всевозможных лекарств и уснула. Ее муж уехал в командировку.

Не прошло и пятнадцати минут после ухода деда с внучкой на прогулку, как в соседней квартире произошел взрыв газа по причине утечки. Жертвами трагедии оказались мать и дочь Шелудяковы и владелец «нехорошей» квартиры, где произошла утечка газа.

Непризнанный зять хотел судиться за дочь, не пожелал отдавать свою родную дочь родному деду, Олегу Шелудякову, с которым у него, мягко сказать, отношения не сложились. Как бы пытался отомстить ему за презрение. Судебное разбирательство шло долго, суды на разных инстанциях принимали кардинальные решения – то в пользу деда, то в пользу отца. Не известно, чем бы судебная тяжба закончилась, если бы непризнанного зятя не взорвали в собственном автомобиле. Руки криминала, из тех самых девяностых, дотянулись и до него.

Не знаю, что в моих глазах отразилось после доверительного монолога Олега, но он тотчас заверил меня, что к убийству «этого подонка» не имеет никакого отношения. Я ему поверила: не таков он человек, чтобы устранять противника подобными методами даже в борьбе за любимую внучку. Нашел бы другой способ, без всякого криминала...

Алка снова пнула меня ногой под столом, заметив мое зависшее состояние. Что со мной происходит? Наверное, сказывается психологическая усталость. Или предчувствие?

Я вся подобралась. Хотела что-то ляпнуть в духе пространных рассуждений на вольную тему, но Олег не позволил моим мыслям «сплясать гопака».

- У Руслана случилась большая беда - от сердечного приступа умерла жена, - признался он с таким трагическим видом, словно имел на ту самую жену свои виды.

- Алена? – хором спросили мы с Алкой и выразительно переглянулись, словно спрашивали друг у друга совета, как правильно поступить. Моя выразительность понятна - я сомневалась, что речь идет об Алене. За раздумьями пропустила часть монолога о сказочной жизни четы Подопригора или, напротив, об охлаждении в отношениях, причина которой кроется в очередной девице, решившей захомутать

«денежный мешок». Получается, я права и новая пассия пошла на дерзкое устранение препятствия в лице Алены.

Но почему переспросила Алка? Что ее удивило или поразило? Может быть, я пропустила большую часть рассказа, где фигурировала третья по счету супруга Руслана и стоявшая на его пороге четвертая? Впрочем, ничего удивительного – любовь любовью, но наследники нужны. А третья по счету тоже оказалась бесплодной... И тоже Аленой?

Не хочу выглядеть полной идиоткой, но приходится по своей же вине.

Или «ларчик прощел открывался»: это очередная подсказка подруги, чтобы я не выпала из темы. Тогда подруге респект. Она не только подсказала, но и дала понять, что ничего важного я не пропустила, до этого были одни бла-бла, про сказочную любовь четы Подопригора. Не скажу, что мне это не интересно, но не сильно занимает, потому что верится с трудом – горбатого могила исправит. И что, что эта Алена держала Руслана в ежовых рукавицах – горбатые он и есть горбатый. Плюс любвеобильный возраст молодого мужчины: стукнуло бы ему девяносто, я бы согласилась с перевоплощением.

Я одарила подругу едва заметной благодарной улыбкой, которую Олег мог посчитать тихим помешательством, и тоже толкнула ее ногой, дескать, ее ход разгадан. Но пнула мягко, не так дерзко и ощутимо, как меня пнула Алка. Но я ей все равно была благодарна.

- Алена, - подтвердил приунывший Шелудяков, не обратив внимания на мое умеренное удовлетворение.

- Сколько ж ей было? - не удержалась от вопроса подруга.

- Тридцать пять всего-то. Она моложе Руслана почти на четыре года.

- На четыре? – вскинула я брови, запутавшись в мысленном и разговорном.

- Если не ошибаюсь, то так. Это важно? – уточнил Олег, а я задергала головой – не важно.

- И не жаловалась на сердце? Вообще никогда? - хмуро спросила Алла.

- Никогда. Вскрытие показало, что у нее был врожденный порок сердца. По мере взросления проблема будто бы ушла, а потом напомнила о себе, наверное, сказались волнения, связанные с неудавшимся материнством. Как это обычно бывает, Алена не стала обращаться к врачам. Отмахивалась – само пройдет... Не прошло... Руслана она в свои проблемы со здоровьем не посвящала.
- Но чем я могу помочь? – вскинув плечи, удивилась я.
- Перехожу к главному. Но хочу сразу предупредить – Руслан Подопригора человек здравомыслящий, никакими маниями и галлюцинациями не страдает. Да, смерть Алены он пережил тяжело, но работа ему помогла прийти в себя.
- Пугающее начало, - проблеяла я.
- Не интригуй, - осадила Олега Алла.
- Не буду. Подробности расскажет сам Руслан. Я скажу кратко, так сказать, слегка обрисую проблему: Алена начала являть Руслану по ночам. Он просыпается от шороха, открывает глаза, а она... рядом... Сидит и смотрит на него.
- Смотрит и молчит? – уточнила я.
- Кажется, что-то говорит, но что-то сугубо личное, о чем Руслан мне не рассказывал. Но именно по сугубо личному можно сделать вывод – это точно Алена, не кто-то другой принял ее образ, чтобы...
- Чтобы? – подобралась я.
- Это видение, - поставила диагноз Укропчикова, не дав Олегу продолжить.
- Алена разговаривает с Русланом, - четко выговорила я. - Разве видения разговаривают? Они перемещаются в пространстве...
- Или Руслан просто видит сон. Алена говорит с ним во сне, потому и произносит сугубо личные вещи, - со знанием дела заявила Алла, продолжив свою мысль как ни в чем ни бывало.
- Может, кто-то все же наряжается в Алену? – призадумалась я, далекая от сумасшедшей загадочности, - и этот кто-то – ее близкая

подруга, которая была посвящена в личную жизнь семьи, Алена рассказывала ей все без утайки.

- Не думаю, - сказал Олег, выдержав паузу, во время которой мы смотрели на него во все глаза. Но наши предположения его явно озадачили. Он заговорил не слишком уверенно, - Алена говорит о таких вещах, которые известны только ему и ей, мужу и жене. Вряд ли она делилась бы интимными подробностями с подругой, пусть и близкой. Мне больно смотреть на Руслана. Того и гляди, молодой мужик и впрямь умом тронется...

- Я стою на своем - это сон! – воскликнула Алла, как бы пытаюсь успокоить Олега. - Или полубредовое воображение, полусон-полуявь Руслана. Называйте как хотите. Он вкладывает свои слова в уста покойной Алены, которая ему представляется живым человеком.

- Прежде чем делать выводы, лучше поговорить с Русланом. Там не всё так просто, одними откровениями дело не заканчивается.

- Даже так? – вскинула я брови.

- Неужели у них происходит...ээээ... половой... контакт? – еле слышно проговорила Алка и вопросительно взглянула на меня, как будто у меня должны быть ответы на все вопросы. Я только шикнула на нее. Благо, Олег отвлекся на подбежавшую к нему Верочку и не расслышал ни слов Аллы, ни моего шиканья.

Разобравшись с Верочкой, он обратился ко мне со словами:

- Ксю, помоги хорошему человеку. Очень тебя прошу.

- Ксю, помоги человеку, - поддержала Олега серьезная Алла. – Мы в тебя верим.

- Но почему вы решили, что я смогу помочь? Вера, конечно, дело хорошее, но...

- Можешь! – хором заявили друзья, не дослушав.

- Я здесь! – подлетела ко мне девочка, услышав свое имя.

- Милая моя, красавица моя, - с чувством произнесла я и усадила Верочку к себе на колени.

- Ты грустная, - со вздохом заключила она, прижимаясь головой к моей груди. Я погладила ее по голове и поцеловала в макушку.

- Вот к кому надо обращаться за советом, - усмехнувшись, сказала я. – И все-то она видит, все-то она чувствует.

- Если так, то пусть Верочка скажет - сможешь ты помочь Руслану или нет, - влезла со своей инициативой подруга, любовно поглядывая на ребенка.

- Только не надо ее сюда вмешивать, - затянула я, но была прервана девочкой:

- Ксю, ты сможешь! – поддержала предыдущих ораторов Верочка и рассмеялась...

Весь вечер я ни разу не вспоминала о проблемах Руслана Подопригора, наслаждалась пустотой в голове, смотрела старую комедию по телевизору и вот... Получила то, что получила – мне приснился совершенно дурацкий, собравший в себе недавно увиденное и недавно услышанное.

Но свой сон я сочла бы просто сном, вобравшим в себя все эмоции, если бы была нормальным человеком. Раз так, то в этом сне кроется подсказка к делу Руслана, назовем его так.

Однако я не задавалась перед сном никакими вопросами! Получается, можно принять сон за бред. Одна сумятица, отрывки из «разных опер».

На всякий случай, стоит всё хорошенько обмозговать. Да-да, на всякий случай, потому как случаи бывают разные...

Я не знала, чем себя занять и шаталась по квартире с таким видом, словно что-то искала, искала очень нужное, давно утраченное и позабытое. И вдруг вспомнила об этом нужном-утраченном и поставила себе цель – во что бы то ни стало отыскать. Я распахивала створки шкафов и почти сразу закрывала, вытаскивала ящики комода, изучала полки в кухонной мебели. Нашла завалившуюся барбариску, развернула обертку и засунула конфету в рот.

Не знаю, до чего бы я дошла и чего завалющего отыскала, но меня отвлек телефонный звонок.

Олег Иванович Шелудяков сообщил, что его «проблемный» приятель Руслан Подопригора приглашает нас в ресторан «Восход» к девятнадцати ноль-ноль.

Захотелось приложить руку к пустой голове и сказать: «Слушаюсь».

Захотелось и перехотелось. Возникло желание послать всех, включая Шелудякова, подальше. Культурно так послать, но доходчиво.

Что-то я сегодня озверела.

Ссориться с Олегом мне совершенно не хотелось. Тем более, посылать: он этого не заслужил. Олег тотчас откликнулся на мою просьбу, задал всего один уточняющий вопрос и тут же примчался на всех парах. Я должна ответить ему благодарностью. Ала-вер-ды.

Однако, я наотрез отказалась от сегодняшней встречи в ресторане, в девятнадцать ноль-ноль.

- Олег, я хочу побывать у Руслана в гостях, осмотреться. Окунуться в атмосферу дома. – Идея родилась у меня в одно мгновение. То ли чуйка сработала, то ли еще что-то щелкнуло в моем полупустом котелке, а я привыкла доверять своей интуиции и прислушиваться к щелканью. – Руслану не покажется моя просьба бестактной? – спросила я.

- Если он заинтересован во встрече с тобой, нуждается в твоей помощи, но думаю, он согласится на любое твое предложение, хоть, полетать на дельтаплане, если это поможет разрешению загадочных событий. Я с ним свяжусь и перезвоню тебе.

- Буду ждать.

- Ксю, что-то мне не нравится твой голос. Пойми, ты мне ничем не обязана, ты вправе сама решать. Не хочешь разбираться в проблеме Руслана, не нужно, я настаивать не стану. И обиды держать не буду. Я все пойму.

- Олег, не обращай на меня внимание. Обычный пересып. Я еще до конца не проснулась. Полночи маялась от бессонницы, заснула ближе к утру, только недавно пробудилась, - совсем немножко приврала я.

- Ты здорова? - заботливо поинтересовался он.
- Как слон, - ляпнула я и подумала: странное сравнение. Все-таки, до конца не проснулась.
- Может, прогуляемся, погода сегодня божественная! - восхитился приятель.
- Спасибо за приглашение, но не хочется никуда выходить.
- У тебя депрессия после... всего, нельзя ей поддаваться...
- Обычный перепад настроения. Возраст и все такое.

Олег опять начал свои уговоры, но я прервала, вложив в голос каплю резкости, всего лишь каплю, чтобы не обидеть и остановить поток красноречия:

- Нет у меня никакой депрессии, все у меня хорошо, никуда идти я не желаю, у меня дела.

А все почему? Что меня вывело из себя? То, что он начал приводить мне в пример Алку, которая поражает своей выдержкой и... так далее и тому подобное. Во-первых, не выношу, когда мне кого-то ставят в пример – с детства этого не люблю; во-вторых, при всей моей любви к Алке, при всем моем к ней уважении, я чувствую в ней соперницу. Но бороться с ней за внимание Олега никогда не буду. Тем более, Олег сделал свой выбор, причем не в мою пользу. Он выжидает. А подруга пока ничего не замечает. Это и понятно, в ее-то состоянии. Но Алла всеми силами держится, болтает на отвлеченные темы, не закикливается на своем горе, даже смеется. Ее выдают глаза полные боли.

- Прости за навязчивость, - между тем без обиды брякнул Шелудяков. – Еще один вопрос можно?
- Валяй! – с напускным задором согласилась я, мысленно раскаявшись на резкость, пусть и сдержанную.
- Почему тебя называют Ксю? Давно хотел спросить.
- Всё элементарно, Ватсон. Во времена моего сопливого детства на вопрос - «девочка, как тебя зовут?» - я отвечала: «Аксюта». Постепенно Аксютой меня стали называть все родные, потом Аксюта уменьшилось до Ксю. Вот и все объяснение...

После телефонного разговора я почувствовала сильную усталость, хотя, никакого напряжения не ощущала. Я не стала вступать в непримиримый бой со своим вялым организмом и усиленно подбадривать его крепким кофе и шоколадными конфетами, а сдалась без боя – легка и тотчас провалилась в сон...

Я вошла в квартиру старшей тетушки, заранее зная, что ее там не увижу. Сразу у входа на полу возлежал малиновый пиджак. Культурно валялся кучкой, но оба рукава малинового пиджака были разложены специально-указательно. Правый рукав, вытянутый вдоль кучки как бы вдоль тела, указывал на входную дверь, через которую я только что вошла в квартиру, а левый - напоминал протянутую в сторону руку, если бы она находилась в рукаве. Без труда улавливалось направление в сторону кухни. Туда я инстинктивно и проследовала.

Но не успела сделать и пяти шагов в нужно-указанном направлении, как сзади расслышала шорох. Резко обернулась и заметила шустрюю мадам в платье до пят и косынке на голове, завязанной сзади на кокетливый узел. На ногах мадам были туфельки на толстой резиновой подошве. Платье из плотной топорщившейся ткани стояло колом и шелестело при ходьбе. Про таких говорят – баба на чайнике. Если бы не своеобразное платье, я бы не услышала чужого перемещения за моей спиной. В кромешной тьме синтетическая ткань точно бы искрила, и мадам точно меня бы напугала: представьте себе движущийся большой ком с летящими искрами. Пряма, комета, - некстати подумала я, провожая мадам придирчивым взглядом.

На дворе был световой день, в квартире светлым-светло, а испугаться я бы не успела бы при всем желании: мадам вылетела из квартиры пулей, не удосужившись прикрыть за собой дверь. Прежде чем сделать это за нее, я выглянула в подъезд и успела заметить только женскую щиколотку и туфельку на толстой резиновой подошве. Будучи дальноркой, я рассмотрела татуировку на щиколотке чуть выше косточки. Чайка в полете. Помню в детстве я всегда добавляла в свои морские пейзажи облака странной формы и несколько парящих над поверхностью водной глади чаек.

Захлопнув дверь, я со злостью поддела ногой малиновый пиджак, посмевиший мною руководить...

- Что это вы себе позволяете? - рассерженно произнес мужчина, выходя из тетушкиной спальни?

- Я позволяю? – задохнулась я от возмущения. – Это что Вы себе позволяете? Мужчина, вы что, заблудились? Перепутали свою квартиру с чужой и привели сюда бабу? – забросала я его гневными вопросами.

Невысокий subtilный мужчина, приблизительно мой ровесник, не ожидал такого резкого выпада и отпрянул от меня. Присмотрелся и воскликнул:

- Аксинья! Извините, сразу вас не признал! Вы так изменились, похорошели!

- Похудели, - проблеяла я с ехидцей.

- Ни без этого, - усмехнулся незнакомец, признавший меня. Однако, я его не признала, даже пытливо изучив. Или... Кажется, этот человек живет с тетушкой в одной подъезде. Как же его зовут... Или это не он? Да, нет, точно он. Взгляд у него цепкий и пугающий. Он свысока, в переносном смысле, смотрел на всех соседей, исключением была моя тетушка, которая лихо поставила его на место, когда он посмел на своем джипе заехать на ухоженный газон. Соседи побаивались связываться с ним, а тетушка не побоялась. С тех пор он относился к ней подчеркнуто-уважительно.

- Давненько мы с вами не виделись, Игорь Иванович, - сказала я, вспомнив имя и отчество Кардюкевича.

- Так я, знаете ли, отсутствовал. Вернулся ненадолго, чтобы передать вам привет от вашей тетушки.

- От т... тетушки? Так она же...

- Да-да, она скончалась, - печально протянул Игорь Иванович.

- А вы... тоже... того? - сбивчиво проблеяла я.

- И я, - выдохнул Кардюкевич.

- Ой, я не знала, - схватившись за обе щеки, произнесла я трагическим голосом и в довершении покачала головой – выказала глубокое сожаление случившимся.

- Год уж прошел, как я погиб.

Я долго подбирала подходящие случаю слова, так и не подобрала и, кивнув в сторону входной двери, спросила:

- А та женщину, что сейчас отсюда вышла, она тоже... с того света?

- Не думаю, - подумав, ответил мужчина. – По крайней мере я ее там не встречал.

- Игорь Иванович, вы... пришли... за... мной? – делая паузы между словами, решила задать я мучавший меня вопрос.

- Да, боже упаси! – замахал он на меня двумя руками. – Пришел я, Аксинья Даниловна, лишь за тем, чтобы передать вам большой привет, сказать, что у ваших родных всё хорошо, они просили вас не изводить себя, думать о себе, и вообще ни очень не беспокоиться.

- Спасибо вам, Игорь Иванович, для меня очень важны ваши слова. Вы тоже передавайте моим большой привет. Скажите им... скажите, что я скучаю. Мне плохо без них, - слезливо проговорила я.

- Ну, вот! – всплеснул руками мужчина. – Моим словам вы не внимаете, а зря...

Он подобрал с пола свой малиновый пиджак, встряхнул его, перекинул на руку и тут же исчез, как будто пиджак был каким-то условным знаком для перемещения обратно в мир иной. Послышался непонятный звон, похожий на звонок «мобилы» в ее первоизданном виде – слишком габаритный и с торчащей антенной – приложение к малиновому пиджаку. Мне показалось, что невидимый моим глазам Кардюкевич сейчас ответит на звонок... Может быть, ему звонит тетушка, чтобы узнать, как всё прошло, и когда он вернется...

Но почему он не отвечает? Его «мобила» трезвонит и трезвонит...

Оказалось, что кто-то звонит в дверь. Окончательно не проснувшись, я потянулась в прихожую и распахнула дверь. На пороге стоял Олег Шелудяков с пакетом в руках.

- Я так и понял, что тебе нездоровится, - сказал он, переступая порог. – Сейчас буду тебя лечить.

- Я не больна, - хриплым голосом заверила я, откашлялась и возмутилась, - могу я выспаться, в конце-то концов?

- Мне уйти?

- Извини, - покаялась я, - снится всякая ерунда, не могу в себя прийти.

- Что приснилось, если не секрет? – поинтересовался Олег, выкладывая на кухонный стол молоко, мед, банку с малиновым вареньем, фрукты и упаковки таблеток.

Я опустила на стул и обстоятельно пересказала ему недавний сон. Во время моего монолога Шелудяков порывался что-то вставить, но удерживал себя, ожидая окончания.

Когда я выдохлась, налила себе стакан молока и стала медленно тянуть. Олег пристроился напротив и спросил:

- Как фамилия соседа?

- Кардюкевич.

- Мда, мир все-таки тесен.

- Ты с ним знаком?

- Лучше я бы его никогда бы не знал. Это мой непризнанный зять.

- Кардюкевич?

- Да, Кардюкевич Игорь Иванович по кличке Курдюк.

- Опачки, - изумилась я. – Я представляла его бритоголовым качком с золотой цепурой на шее, он весь такой... такой лже-интеллигент со шлейфом «былых заслуг», родом из девяностых... Хм, малиновый пиджак... надо же... И что за мадам сбежала из квартиры? Что она делала вместе с ним в тетушкиной квартире? И почему на мой вопрос - «Эта женщина тоже умерла?», Кардюкевич ответил: «Не думаю, по крайней мере, я ее там не видел». Жаль, я не сообразила

поинтересоваться, кто она и кем ему приходится? Она ушла стремительным шагом, прошмыгнула за моей спиной, как будто не хотела, чтобы я ее увидела.

- Описать ее можешь?

- Очень симпатичная. Молодая. Ей слегка за тридцать. Чуть выше среднего роста. На ней было платье до пят из плотной ткани, косынка на голове, туфельки на толстой резиновой подошве... Ой, знаешь, что я успела заметить, когда она спускалась по лестнице? Татушку на ноге! Вот здесь. – Я вывернула ногу и ткнула пальцем чуть выше щиколотки над косточкой.

- Рассмотрела, что было изображено?

- Чайка. Чайка как бы парит, - мечтательно протянула я, выставив руки в виде крыльев летящей птицы. Вдобавок еще и помахала, при этом подумала «как орлица над орленком» - строка из сказки «О царе Султане»: почему-то мне показалось, что так должна вести себя заботлива мать-орлица.

Олег Иванович смотрел на меня так, как будто я сморозила глупейшую глупость. Или успела превратиться в ту самую орлицу, но без орленка.

- Что? – набычилась я.

- Знаешь, Ксю, с тобой с ума сойдешь, - пробормотал мужчина и сокрушенно покачал головой.

- Можно получить развернутое пояснение, - с ехидцей попросила я, готовясь к лояльной каверзе. На нелояльную Олег был неспособен.

- Знаешь, кого ты видела? – Я испуганно затрясла головой, но не сдержалась от предположения, - это бы твоя дочь? - И затаилась как мышь в норе.

- Это была Алена, супруга Руслана Подопригора.

- Как ты это понял? - не сильно поверила ему я, - описание подойдет практически половине женского населения города.

- По татуировке на ноге! – повысил голос Олег и тоже ткнул пальцем в указанное мною место, но на своей ноге.

- Это была... правая нога, - вспомнила я, зачем-то уточнив.

- Всё верно – Алена сделала себе тату в честь своей покойной матери. Она скончалась от онкологии. Долго боролась со страшной болезнью, но, увы.

- Почему чайка?

- Мать Алены звали Ларисой. Лариса в переводе с греческого - чайка. Алена очень тяжело переживала потерю, не знаю, что бы с нею было, но встретился Руслан, он ей очень помог.

- Кардюкевич сказал, что она жива, правильнее – не думаю. Не твердое заверение, но можно засомневаться. Следовательно, Алена жива?.. Или она умерла позже... Но в любом случае, они бы ТАМ встретились, как Игорь Иванович встретился с тетушкой, - протараторила я, не отдавая отчета своим словам. Опомнилась и прикусила язык. До было уже поздно: Олег одарил меня ошарашенным взглядом.

- Ксю, тебе необходимо выпить теплого молока с медом. У тебя температура.

- Нет у меня никакой температуры, в смысле, нормальная у меня температура, - возмутилась я и решила покапризничать, в кои-то веки, - не хочу молока с медом, хочу кофе с молоком и без сахара. С места не сдвинулась и стала наблюдать, как Олег хлопчет на моей кухне. Я наслаждалась чужой заботой, такой непривычной, что захотелось всплакнуть. Эх, какой мужик уплывает из моих рук, но ради счастья любимой подруги, так много пережившей, я готова принести в жертву свою любовь. Любовь? Это произнесла я?

Опять вспомнилась парочка на скамейке в тиши вечернего двора: она с кружевным воротником (сдался мне этот воротник!) и он весь такой подчеркнуто-молодящийся с ровной спиной.

Раз на ум пришел кружевной воротник, я загорелась желанием поведать Олегу еще об одном сне, с участием стариков-разбойников, картины...хм... неизвестного художника, взамен которой появился подлинник.

- Что ты об этом думаешь? – в заключении своего монолога спросила я.

- Могу сказать одно – просто так тебе ничего не снится. Ты думала о Руслане, о его жене Алене? Ду-ма-ла! Не хотела, а думала. Засыпая, что-то мысленно сказала и тебе приснился сон, - заключил Олег.

Черт бы его побрал, сон этот, - про себя возмутилась я. – Просто так мне ничего не снится... Что мы имеем? Колоритная парочка украла подделку, собиралась вернуть и натолкнулась на подлинник... На какие мысли данный вывод меня наводит?

Мыслей пока не было.

Я вернулась к диалогу с Олегом.

- Странно, что я встречалась с Кардюкевичем, пусть и не так часто, но никогда не видела твою дочь Ольгу. А жаль, очень хотелось бы на нее посмотреть.

- Я покажу тебе ее фотографию, если тебе интересно. А то, что ты Оленьку никогда не видела, так это не удивительно – Кардюкевич перебрался на новую квартиру после расставания с моей дочерью.

- Но тетушка говорила, что Игорь Иванович живет один, а ты утверждал, что он сошелся с другой женщиной.

- У него все было просто – сегодня сошелся, завтра разошелся.

Послезавтра сблизился с чужой женой, - неожиданно подумала я: не зря мне приснилась Алена – в этом Олег уверен – в обществе Кардюкевича, который сомневается, что женщина скончалась...

В загородный дом Руслана Подопригора мы отправились на автомобиле Олега Шелудякова. Не знаю, как Руслан воспринял мой отказ от приглашения в ресторацию – Олег ничего об этом не сказал, а я и не спрашивала – стоит ли забивать голову ненужной информацией. Моя голова и без того забита всякими загадками под завязку. Иногда несу полный бред. И почему меня постоянно куда-то уносит? Что со мной происходит?..

Я рассчитывала увидеть здоровенный домище в современном стиле с выставленным напоказ минимализмом, но к своему удивлению увидела двухэтажный дом с мансардой, выполненный в деревенском

стиле, этакий уютный этностиль. В чем я убедилась, когда переступила порог дома и увидела всё и сразу, потому как первый этаж, включающий просторный холл и кухню-гостиную, не подразумевал наличие каких-либо дверей, что визуально увеличивало пространство. Дверей было всего две – входная и рядышком с ней ведущая в санузел. Дышалось в этом доме легко и свободно, словно находишься на вольном просторе, обдуваемом ветрами.

Здесь же в холле имелась деревянная лестница, которая вела на второй этаж. Как потом сообщил мне хозяин, на втором этаже располагались три спальни, два санузла, из двух спален были выходы на лоджии. Мансарда была приспособлена под бильярдную.

Да, в таком доме можно всласть отдохнуть и получить удовольствие от простых человеческих радостей, как то сидение у камина – камин тоже имелся, как без камина, - любованье звездным небом, сидя на лоджии в удобном плетеном кресле с чашкой горячего чая, или чтение книг на той же лоджии в дневное время или в вечернее, прибегая к мягкому освещению лампы в деревенском стиле.

Недаром Олег назвал загородный дом Руслана дачей – это была именно дача с бабушкиным уютом. Теплая, отделанная внутри деревом, с добротной деревянной мебелью, удобными, пусть и громоздкими, диванами и креслами, на которых разбросались многочисленные декоративные подушки с вышивкой. Стены украшали панно и деревянные полки со всевозможными бутылками различных форм и размеров, книгами, фотографиями, фигурками. И везде стояли вазы со свежесрезанными цветами. Очень мило!

Возле дивана и кресел пристроился низкий стол-крепыш. Стол был накрыт к чаепитию, без всяких изысков – большие кружки, будоражащая аппетит свежая сдоба, сливочное масло большим куском, варенье трех видов в вазочках. Прелесть. Я так засмотрелась, так увлеклась, что совершенно забыла о первоначальной цели визита. Будто бы плотно пообедала перед отъездом, но заметив такое великолепие, истекла слюной.

Чтобы унять голод, я сосредоточилась на хозяине, от оценки которого меня отвлекло изучение дворянского поместья без шика, так очаровавшее с первого взгляда. Я собиралась составить мнение о

Руслане Подопригора с первого взгляда, которого ошибочным не считала.

Я уверена, каждый человек перед первой встречей с кем-либо мысленно рисует себе образ незнакомца. Я – не исключение, вот только незадача: мысленный образ редко совпадает с настоящим. Так вышло и с Русланом Подопригора. Он представлялся мне высоким молодым мужчиной, с хорошей стрижкой – никак не запущенного вида, несмотря на переживания и волнения последнего времени: переживания выдает беспокойный взгляд, который он старательно прячет под дымчатыми очками, и понуро-покатые плечи, причем одежда на мужчине не сказать, чтобы висит, но заметно, что сбросил вес, по этой же причине сильнее обозначились носогубные складки. Мужчина не весел – на то нет причины, но умело прячет страдания. Эдакая дворянская меланхолия и показательная отстраненность. Мысленно я постаралась соединить всё вышесказанное и почему-то представила себе актера Игоря Костолевского в период не ранней молодости, а слегка за тридцать. Не могу вспомнить, в каком фильме он сильно страдал: кроме «Отпуска за свой счет» в голову ничего не приходит. Но в этом фильме он больше раздражался, чем расстраивался. Был обеспокоен и чуть рассержен в самом конце фильма и походил на большого обиженного мальчика-сластену, которого оставили без сладкого. Странные ассоциации, но ничего не попишешь – какие есть.

Каково же было мое разочарование, когда я увидела Руслана воочию. Это был, скажем прямо, неказистый мужичок, среднего росточка, с глубокими залысинами, худощавый, с большим носом, который я тут же окрестила «французским», вспомнив последних президентов Франции. Чем-то Подопригора напомнил мне ныне действующего президента – Эммануэля Макрона. Раз он похож на Макрона, то его покойная супруга должна быть один в один Бриджит Макрон в молодости. Ничего общего между Бриджит и женщиной, которую я увидела во сне, не было. Зачем мне данные сравнения?!

Макрона никак нельзя назвать неказистым, он мужчина с харизмой, хотя, на вкус и цвет... все карандаши разные. Лично меня Макрон оставил безразличной: не понравился тот факт, что он женился на своей бывшей учительнице, годившейся ему в матери. Для меня это

неприемлемо и заставляет задуматься о причинах подобного союза. Любовь я сразу исключаю. Откуда взялась категоричность?!

Оставим в покое президентскую чету и вернемся к хозяину дома с «бабушкиным уютом». С домом я тоже ошиблась, представляя его виллой, отделанной в современном стиле, с неприятным гулом от царящей пустоты и опять же неприятной холодностью, исходящей от стен, выкрашенных в благородный серо-стальной цвет. Как-то так.

Не ошиблась я в одном – возле ворот, на территории загородного владения, присоседилась будка охранника – хотя бы это порадовало. Здоровый бугай впустил нас с Олегом на территорию и вежливо поздоровался. По всей видимости, Олег бывал в гостях у своего младшего приятеля, который «вырос у него на глазах», поэтому уверенно направился к дому. Я оглянулась на охранника. Он провожал нас ничего не выражающим взглядом. Сдался мне этот охранник!

Я перескакиваю с одного на другое, но на то есть причины – не каждый день становлюсь женщиной-«жилеткой» для мужчины, которого посещает призрак покойной супруги. Я пыталась заранее подготовить утешительные слова, однако ничего умного в голову не пришло, кроме - пейте на ночь снотворное. Или – не обращайтесь внимания, пройдет время...

Руслан Подопригора обладал приятным голосом – обволакивающим. Под такой голос хорошо засыпать. Но я пришла сюда не дрыхнуть и не запихиваться сдобой – хоть очень хочется, а выслушать хозяина.

Я настроилась на деловой лад и приготовилась слушать. Далее буду ориентироваться «по ходу пьесы».

Руслан не заставил себя ждать...

До встречи с Русланом Алена была дважды замужем и оба раза ей «сильно повезло»: - первый муж гулял от нее напропалую, второй, как выяснилось позже, любил заложить за воротник. Чем дальше, тем увлечение усиливалось, в итоге – мужик стал профессионалом в известном понимании.

Руслан познакомился в Аленой в ресторане, где Алена и ее подруги отмечали день рождения одной из них. У Подопригора была деловая встреча. Сам от себя не ожидал, что пригласит понравившуюся девушку

на танец. Никаких планов на будущее не строил – не она первая, не она последняя. Но как-то незаметно Алена вошла в его жизнь и задержалась. Не только задержалась, но и обосновалась с комфортом. Быстро ушла с надоевшей работы – она работала секретаршей – и взялась за перевоспитание супруга, привыкшего к вольготной жизни без всяких обязательств. Ломать его через колено Алена не собиралась, но постепенно внушила Руслану, что лучше нее никого нет и быть не может. Она – эталон.

Жили они дружно. Много путешествовали, наслаждались обществом друг друга. Все бы ничего, но в браке не появились дети, чего оба очень хотели.

За несколько дней до трагедии, Алена решила кардинально измениться – сделала короткую стрижку и перекрасилась в рыжий цвет. Что на нее нашло, объяснить Руслан не смог. Он не был предупрежден заранее, поставлен уже перед фактом, причем не у себя дома.

Но обо всем по порядку.

Последствием кардинального преобразования Алены стала сильная аллергическая реакция на краску для волос. У молодой женщины случился анафилактический шок. Алена оказалась на больничной койке. Медицинская помощь была оказана профессионально и своевременно, но лечащий врач сообщил обеспокоенному мужу, что за больной надо понаблюдать, пусть полежит недельку в стационаре. Перепуганный Руслан отложил нравоучения на потом, сейчас Алене необходим покой и постельный режим. Всего недельку полежит в больнице, а потом домой. Все у них пойдет по-прежнему. Об этом твердил взволнованный супруг, не подавая вида. Алена прислушивалась к спокойной речи мужа, вытянувшись на кровати, при этом глаза были закрыты. Она не спала, она боялась посмотреть в глаза мужу – понимала, что сотворила, не посоветовавшись с ним. И вот к каким последствиям привела ее блажь. Так решил Руслан.

Когда лечащий врач Алены сам угодил на операционный стол с острым аппендицитом, то другой доктор, недолго думая, выписал ее, пояснив, что состояние у нее удовлетворительное и нет причин держать ее в больнице. Руслан был только рад, но Алена повела себя странно – она заявила, что боится остаться без постоянно медицинского надзора,

что чувствует она себя отвратительно. Врач твердил о «показателях», Руслан – о родных стенах, которые всегда помогают. В результате Алена сдалась, но с одним условием – она будет соблюдать постельный режим, ее никто не должен беспокоить, в том числе и муж.

Муж дал обещание и... сразу его забрал, едва они переступили порог родного дома с «чудодейственными стенами». Руслан очень соскучился по жене. Не сказать, что набросился на нее, как сексуальный маньяк, но не стал скрывать свой мужской голод. Раньше Алену «его голод» никогда не пугал, напротив, заводил. Но ни в этот раз: она была скованной, а потом и вовсе глубоко вздохнула и отключилась. Так показалось перепуганному Руслану, который отнес потерю сознания к последствиям недавней болезни. И кинулся звонить в неотложку, даже не проверив пульс. Пока ехала «Скорая» Руслан пробовал привести жену в чувство, потом опять куда-то звонил, что-то говорил, кричал, метался, уговаривал Алену...

Уговаривать Алену было бессмысленно – она его не слышала. Алена умерла от сердечного приступа. Как показало вскрытие – у нее был врожденный порок сердца. Прожив с ней пять лет, Руслан об этом не догадывался. Почему Алена ему не рассказала? Почему не обеспокоилась во время беременности – мало ли что могло произойти с ней и с малышом при родах. И самое основное – почему врачи-гинекологи не предупредили о возможных последствиях?

Собственное расследование Руслан не стал проводить – слишком тяжела была утрата. Чтобы прийти в себя, он поехал к сыну. Они часто общались по скайпу, Андрей рос умным и воспитанным, прилежно учился в школе. Раз в году отец встречался с сыном, они ехали в какую-нибудь глушь, удили рыбу, много общались, обсуждали проблемы друг друга. Проводили неделю в любви и понимании. Алена тоже с пониманием относилась к «родительской» неделе, не возражала.

Бывшая супруга Руслана незадолго до трагедии с Аленой вышла замуж, отношения между Андреем с отчимом сразу не сложились, Андрей принял отчима в штыки. Вовремя появился Руслан и увез сына в их любимую глушь.

На этот раз они уединились на две недели – больше обычного. Потом Руслан отвез сына к себе в городскую квартиру. Ехать на дачу Руслан не

решился – слишком болезненными и свежими были воспоминания. Андрей заскучал, и отец отправил его к своей матери на Черноморское побережье, с согласия бывшей супруги, естественно. Не страшно, что скоро в школу, потом нагонит, он мальчик сообразительный. Руслан собрался с духом и поехал на дачу.

- На даче всё случилось в первый раз, - сообщил Подопригора отстраненным тоном, словно речь шла о ком-то другом.

- Мне нужны подробности. Если можно, - попросила я извинительно.

- Странно, но Алена появляется только в загородном доме, на даче, как я люблю называть этот дом, - широко развел руками хозяин. – Я очень люблю этот дом, и Алена его очень любила. Я начал его строить еще в предыдущем браке, стройка затянулась, я не торопил бригаду строителей, потому как по натуре урбанист, предпочитаю городскую жизнь деревенской. Только перебравшись за город, я вкусил все прелести... Да, прелести, - без радости повторил Руслан, как будто что-то вспомнил. – Конечно, раз... всё происходит только здесь, то я мог бы без труда решить проблему – продать дом, засесть в городской квартире или приобрести другой дом, подальше отсюда. Но я понимаю – это не решение. И не подумайте, что все проблемы сидят в моей голове, с головой у меня полный порядок.

- Думаете, кто-то намеренно сводит вас с ума? - ляпнула я, не подумав.

- Конечно, как у всякого бизнесмена у меня есть конкуренты, но не враги. Я стараюсь вести свой бизнес, соблюдая законы и правила приличия, по головам не иду, конкурентов не устранию, я умею договариваться. И умею сказать себе «стоп!»

Не знаю, что на самом деле происходит с головой Руслана, а у меня из головы не выходил загадочный сон. Поэтому я не удержалась от вопроса, но пошла издалека.

- Руслан Аркадьевич, вам не показалось что-то подозрительным в поведении Алены до того, как она оказалась в больнице с анафилактическим шоком?

- Если вы о депрессии, вызванной очередной неудачной попыткой стать матерью, выходом из которой она посчитала внешнее преображение, то скажу так – не было у нее никакой депрессии. Я бы заметил. И у

Алены от меня не было секретов... Не считая проблем с сердцем, - добавил он упавшим голосом.

- Но что-то ее подтолкнуло к смене имиджа?

- Не знаю, почему она так поступила, но могу предположить – в один миг решила и пошла в салон красоты – с бухты-барахты. Она не любила семь раз отмерять, а потом резать, чикала сразу. И меня не поставила в известность, чтобы я не стал ее отговаривать – у Алены были длинные волосы пепельно-русого цвета, ее родной цвет, меня всё устраивало. Когда я увидел ее в больнице с короткой стрижкой и рыжим цветом волос, я обалдел, скажу честно. Даже не сразу ее узнал.

- И она никак не объяснила свой порыв?

- Алена была вялой и почти не разговаривала. Даже не смотрела на меня, как будто стыдилась своей выходки. В тот пресловутый день я должен был уехать в краткосрочную командировку, Алена рассчитывала сделать мне сюрприз по возвращению, за это время успела сама бы привыкнуть к новому имиджу. Я завозился с неотложными делами, отложил командировку на следующий день, позвонил Алене, хотел предупредить, еще пошутил – выгоняй любовника, я сегодня ночью дома, а она мне говорит: Руслан, не волнуйся, я в больнице. Ничего себе – не волнуйся! Я рванул в больницу... Хотел вообще отменить поездку, но Алена знала, как мне важна эта командировка, и настояла, чтобы я не менял свои планы. Я уложился в три дня и сразу поехал в больницу, как раз успел к выписке.

- Алену выписали через несколько дней, хотя, прежний лечащий врач говорил о неделе госпитализации, - пробормотала я.

- Ничего удивительного – сколько врачей, столько и мнений, всё зависит от компетенции и от желания довести начатое дело до конца, - глубокомысленно изрек доселе помалкивающий Олег Шелудяков. – А то ты знаешь как бывает - провел хирургическую операцию и забыл о пациенте.

- Как это - забыл? – не поверила я.

- А вот так, если операцию проводило светило медицины, приглашенное в данное медицинское учреждение. Прооперировал,

отбыл и забыл. Мне известны подобные случаи. Судьба пациента его так же занимает, как меня эфиопы.

- Давайте вернемся в нашей проблеме, - предложила я, заполучив от Руслана благодарную улыбку – его проблема стала нашей общей проблемой. Сейчас он показался мне вполне себе ничего, с харизмой. Ну, точно, Макрон, пусть и не в моем вкусе. Думаю, сей факт не заставит Руслана биться в истерике. – Значит, Алена появляется только в загородном доме...

- Я не сошел с ума, меня не мучают видения только на даче. Я не могу объяснить, почему ВСЁ так происходит. Я вижу Алену не четко, как в тумане. Она приходит, садится на краешек кровати и начинает со мной разговаривать.

- Она вас корит за что-то?

- Д...да, - заикнувшись, ответил Руслан. - Она говорит, если бы не... моя настойчивость в тот день, ничего бы не случилось. Но почему она не сказала мне о недомогании? Я бы понял... Может быть, я сам корю себя за смерть Алены, а она приходит мне во сне? В принципе, я бы с этим согласился, если бы... не кое-что еще.

Мы с Олегом переглянулись, потом дружно уставились на хозяина дома, ожидая дальнейших откровений.

- В ванной комнате на полке появляется ее щетка-расческа с волосами. С пепельно-русыми волосами, а не с рыжими. И открытый тюбик помады. Как будто она красила губы и ее что-то отвлекло. Сейчас вернется, закончит начатое дело и закроет тюбик. Я чувствую запах ее любимых духов, хотя, духов, помады, расчески, косметики – всего этого в доме нет. Я избавился от ее вещей, чтобы... Вы меня понимаете. Мне трудно принять ее смерть. Я не могу ее принять... - Руслан взял себя в руки и продолжил. – Недавно я нашел утром ее пеньюар. Он лежал на ее стороне кровати. На пеньюаре было пятно от кофе. Свежее пятнышко... На полу разбросаны домашние тапки. Как будто Алена их только что сбросила, скинула пеньюар, оделась и ушла.

- Сколько времени прошло после ее смерти?

- Чуть больше года.

- Вы вернулись с Андреем с отдыха в городскую квартиру, потом Андрей уехал к бабушке, а вы собрались с силами и поехали на дачу. И сразу вам стал являться призрак покойной жены?

- Так все и было. В этом году мы с Андреем никуда не поехали, хотя, сын очень просил. Я не могу покинуть этот дом, мне кажется, если я уеду, то пропущу что-то важное. Я привязан к дому, как преданный пес к своему хозяину. Андрея тоже не могу пригласить к себе.

- Давайте разберемся с числами. Когда Алена угодила в больницу?

- Это случилось пятого августа прошлого года. Я хорошо запомнил этот день не только потому, что Алена оказалась в больнице - в этот день погиб Кардюкевич. Олег, ты рассказывал Аксинье Даниловне о Кардюкевиче? - обратился он к приятелю. Тот кивнул и настороженно покосился на меня. Затем удивленно вскинул брови, уловив загадочную связь между гибелью непризнанного зятя и преобразованием Алены с последовавшим за этим преобразованием анафилактическим шоком.

Я спросила о татуировках на теле супруги. Руслана не удивил мой вопрос, видимо, он перестал чему-либо удивляться. Он подтвердил слова Олега. Но не мог ничего сказать о наличии татуировки на ноге покойницы – тату занимала его в последнюю очередь. Но, наверное, тату была. Куда бы ей деться.

И все-таки следующий мой вопрос заставил Руслана измениться в лице.

- У Алены была сестра-близнец?

Выдержав многозначительную паузу, Руслан сказал:

- Никакого индийского кино: мать родила одну девочку, вторую никто не похищал. Что касается матери Алены, то я ее никогда не видел, она скончалась еще до нашего знакомства.

- А отец? Он жив?

- Об отце могу сказать только то, что он оказался двоеженцем. Он был водителем-дальнобойщиком, поэтому ни одна из двух его жен не знала о существовании другой. Мне неизвестно, каким образом мать Алены узнала шокирующую новость, но она тут же выставила мужа из дома, несмотря на все его заверения в вечной любви и обещании разобраться с личной жизнью. Его выбор пал на мать Алены, однако

женщину такой расклад не устроил – обманул один раз, обманет и другой. Он побрыкался, побрыкался и отбыл в неизвестном направлении. О другой его семье, ни бывшая супруга, ни дочь ничего не знали и знать не хотели. Они вычеркнули из своей жизни этого человека. Алена никогда не интересовалась, жив ли ее биологический отец. А он больше не появлялся.

- Я могу взглянуть на фотографию вашей супруги, - попросила я.

Хозяин вышел из комнаты и вскоре вернулся с большим портретом без всякой траурной ленты или рамки. Может быть, лента когда-то была, но прошел год после смерти Алены... Или Руслан считает свою жену живой, раз она напоминает о себе... разными выходками.

Я изучала портрет миловидной молодой женщины и едва сдерживала рвущийся наружу крик. Не крик отчаяния, а крик возмущения – почему?! Почему со мной происходит то, что происходит?! Почему мне приснилась Алена, которую я никогда в глаза не видела. Да-да, это была она, женщина из моего сна. Я видела ее мимолетом, но успела рассмотреть. Таких интересных женщин трудно забыть.

Олег пылливо смотрел на меня, а Руслан пожирал глазами фотографический портрет. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять – он ее по-прежнему любит. Раз любит, то сильно страдает. Раз страдает, то мог... тронуться рассудком. Не сильно – крыша едет не спеша, но уверенно.

В принципе, чему удивляться: Руслан постоянно думает о своей покойной супруге, постоянно предается воспоминаниям, представляет, как бы жизнь сложилась дальше. Чтобы окончательно не пасть духом, восстанавливает в памяти счастливые моменты, цепляется за них, и на этой почве, на почве воспоминаний-переживаний, появляются призраки. Один призрак - любимой женушки.

А может быть, он... что-то принимает? Наркотические средства, чтобы уйти от грустного настоящего?

Устав от пылливого взгляда моего приятеля, я незаметно ему кивнула – подтвердила, что это та самая особа из моего сна. Приятель тут же расслабленно откинулся на спинку кресла. И что он себе вообразил? Лед тронулся, господа присяжные заседатели, как говаривал

незабвенный герой Юрского, он же сын лейтенанта Шмидта, он же Остап Бендер из гениального творения Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

Так вот я вам скажу, господа Шелудяков и Подопригора, - мысленно обратилась я к обоим, - лед сковал реку, а до весны еще далеко. Как-то так.

Зачем я здесь нахожусь, если все для себя решила? Зачем вообще сюда притащилась? Дала обещание Олегу. Так сказать, алаверды – долго платежом красен.

Посчитав нетактичным «рвать когти» в середине беседы, я не нашла ничего лучше, как вкрадчиво поинтересоваться:

- Руслан, а вы в полицию обращались?

- Зачем? – вырвалось у него. Руслан отстранился от разговора, вновь улетев в счастливое прошлое и позабыв о печальном настоящем.

А я что говорила! – возликовала я про себя и обратила победный взор на Шелудякова. Будучи человеком зрячим и догадливым, он понял, о чем я подумала, и выразительно хмыкнул, поджав губы.

Хмыканье произвело на хозяина нужное действие – отрезвляющее.

- В полицию я не обращался, - четко выговорил он. – Что я им скажу? Что ко мне приходит призрак жены? - повторил Руслан мои слова. – Они отправят меня к психиатру. На их месте я бы так и поступил. Сейчас вы скажите, что ни один сумасшедший таковым себя не считает, противится любому вмешательству в свой организм, отказывается от профессиональной помощи... Я нормальнее любого нормального.

- Я ни о чем таком... - забормотала я.

Руслан не дал мне договорить.

- Если вы сомневаетесь в моем рассказе, то можете спросить у моей домработницы, у Елизаветы Карловны, она все подтвердит. О появляющихся время от времени вещах Алены, вот о чем, о призраке она ничего не знает. Елизавета Карловна живет в соседнем поселке, приходит три раза в неделю. Готовит еду, убирает в доме. Мы знакомы много лет. Обо всех привычках Алены Елизавета Карловна знает как

никто другой. Именно домработница обратила внимание, что любимое полотенце Алены влажное и валяется на полу в ванной. Так Алена всегда поступала, я за это ее ругал – неужели сложно бросить полотенце в корзину с грязным бельем?! Так нет же, ей надо выказать свое барство.

Фу ты ну ты ножки гнуты, - мысленно поерничала я в адрес барыни Алены.

- Вы не думайте, что все это я сам организовал – мне незачем, - спокойным голосом сказал Подопривога.

Я решилась спросить о том, что меня беспокоило. И пусть хозяин обижается, возмущается, выставляет меня из дома, мне это только на руку – освобожусь от обязательств перед Олегом.

- Руслан, заранее прошу прощения на свой некорректный вопрос, - на всякий случай расшаркалась я, - но вы поймите меня правильно... Мне необходимо это знать, и я надеюсь на вашу честность: вы принимаете какие-то лекарственные препараты, способные вызвать у вас галлюцинации? - выпалила я, чтобы не передумать.

- Ни-ког-да, - твердо ответил Руслан без паузы.

- Тогда задам вопрос иначе – кто-нибудь из людей, входящих в ваш дом, способен добавить в вашу пищу или в ваш любимый напиток наркотическое вещество, чтобы вам досадить, отомстить за что-то, вывести вас из равновесия?

На этот раз Руслан не спешил отвечать. Я предположила – он раздумывает, кому успел перейти дорогу, причем прошествовал туда-сюда - обидел ни единожды, коварно и болезненно, раз его «дружок» пошел на такие меры, не менее коварные и продуманные. Еще неизвестно, была ли смерть Алены естественной... Если она, действительно, скончалась.

И у кого из нас далеко уехала крыша?!

Пока Руслан держал паузу, я влезла с очередным предложением:

- Может быть, вам все же обратиться в полицию с просьбой провести эксгумацию... Я догадываюсь, о чем вы сейчас подумали, - испуганно пролепетала я, сообразив о своей оплошности и еще глубже закопала

себя, - я не имею ввиду, что... она... Алена... была похоронена заживо, в том смысле, что у нее был летаргический сон. Она очнулась и... умерла бы от удушения, умерла бы по-настоящему, но ее спасла...эээ... спас некий человек, решивший пожить каким-то богатством. Вандал или черный копатель, не знаю, как называют таких людей. Он стал свидетелем пышной похоронной процессии, план быстро созрел в его голове, - с каждым новым словом, родившимся в нездоровой голове, я все более утверждалась в своей правоте, в верности выбранного курса. – Руслан, вы положили в гроб что-то ценное? - требовательно спросила я у него, когда увидела на лицах обоих мужчин почтительную внимательность, никак не удивление – и как их угораздило связаться с такой, и что с ней теперь делать, как от нее избавиться?! Ничего подобного в мужских взглядах не было. Но я могу и ошибаться, потому как таким почтительно-внимательным взглядом обычно смотрят на не вполне адекватных людей, несущих «пургу», только бы не вызвать у них агрессию, способную снести всех и вся на своем пути. Но обратного пути не было: слово – не воробей, вылетит, не поймаешь.

- У Алены на шее остался крестик на цепочке. Я не стал его снимать, она никогда с ним не расставалась.

- Крестик, значит, - прищурившись, протянула я. – В фильме «Петербургские тайны» один злоумышленник решил пожить и вскрыл могилу. Попытался снять с покойницы украшение - точно не помню, какое, давно фильм не пересматривала. Украшение никак не снималось, тогда он ударил покойницу в грудь, в она возьми и... оживи. Дело было в далеком прошлом, доктора не разобрались, что женщина жива, что у нее летаргический сон, и женщину похоронили заживо. Благодаря злоумышленнику ей удалось выжить.

- Что ты хочешь этим сказать? – выразительно глядя на меня, вкрадчиво поинтересовался Олег, ранее не сомневающийся в моих умственных способностях. Но когда-то надо начинать – сомневаться, тем более, после такого бреда уже и сомнения исчезают.

- Я... ничего не хочу сказать, - покачала я головой, - просто старый фильм вспомнила. Действие фильма происходит в позапрошлом веке, сейчас-то медики уж точно разобрались.

Руслан сидел с отрешенным лицом – видимо, привычное для него состояние, а Олег попыталась сгладить ситуацию.

- Наши медики впадают из крайности в крайность, - высказался он, - то совершают чудеса исцеления, но делают грубейшие ошибки. Вот недавно в новостях рассказали, как одному парню после удаления аппендицита поставили диагноз - рак прямой кишки. Сделали срочную операцию, вырезали тридцать сантиметров кишки, а потом оказалось, что они перепутали анализы, что онкология у совершенно другого человека.

- И что парень? – без интереса спросил Руслан, чтобы как-то поддержать разговор и не выдать свои эмоции, в основном касающиеся меня и моего бреда.

- А парень теперь оформляет инвалидность и пишет заявление в полицию, чтобы разобрались с докторами, совершившими непоправимую врачебную ошибку.

Я давно пожалела, что принялась нести околесицу про летаргический сон и оживших трупов, но, как говорится, после драки ничем не машут, я имею в виду кулаки.

- Так что там с наркотическими веществами и скрытыми недругами? – вернулась я на наезженную колею, надеясь, что Руслан резко не бросит: а ничего! Шла бы ты, тетя, подальше... И будет прав.

Но будучи человеком воспитанным и уважительно относящимся к старому другу, он терпеливо поведал:

- На ночь я привык выпивать сто граммов любимого коньяка, чтобы забыть о проблемах и хорошо выспаться. Кроме моей бывшей жены и Алены об этом никто не знал. Не то, чтобы я скрывал сей факт, просто не считал нужным об этом трубить. Дозу никогда не увеличивал – сто граммов и не более того. И вот когда ко мне стал являться призрак моей любимой супруги, я, будучи человеком здравого рассудка, обмозговал все происходящее и пришел к выводу, что с коньяком не все чисто. Есть у меня один приятель, кандидат химических наук, я обратился к нему за помощью – принес на анализ початую бутылку. Раньше надо было, но я чего-то ждал, на что-то надеялся.

- И? – поторопила я Руслана, сгорая от любопытства.

- В общем, отнес я свой коньячок и спустя короткое время получил результаты...

- Только не говорите мне, что в коньяке обнаружили галлюциногенные грибы, - брякнула я, чтобы показать свою осведомленность. В тайне надеялась, что именно их и нашли в коньяке.

Видимо, Олег был далек от народной... хм... медицины, поэтому переспросил:

- Галлюциногенные грибы? Но как можно растворить такие грибы без осадка в коньяке. Руслан ведь не слепой, сразу заметил бы непорядок.

- Всё гораздо проще, чем бы думаешь: мухоморы сначала высушивают, потом измельчают, потом заваривают как чай, - сообщила я с победным видом.

- Можно пить как чай, можно добавить в другой напиток, предположим, в коньяк. А тот, что пьет коньяк, как конь, тот наслаждается галлюцинациями, - договорил за мной догадливый Шелудяков.

- Но после таких чаепитий с коньячком у человека разрушается мозг и снижаются интеллектуальные способности, - со знанием дела произнесла я. – Так что, развлечение, скажу тебе, так себе.

- Кто бы спорил.

- О чем-то подобном – с грибами галлюциногенами я и подумал, несмотря на то, что знаю суровый мир бизнеса изнутри. И в этом миру забавляться галлюциногенными грибочками никто не станет, там все проще, так сказать, без доморощенным изысков, - вмешался в нашу поучительную беседу Руслан.

- Но почему подумал о грибах? – спросил Олег.

- Алена мечтала о материнстве, медицина оказалась бессильной, тогда она обратилась к бабке-знахарке – подруга насоветовала. Приносила от нее разные снадобья, пила по расписанию.

- Причем здесь мухоморы? Причем здесь знахарка, к которой обращалась Алена при жизни? – с ударением на последнем сочетании заинтересовалась я и не позволила Руслану озвучить свою версию, влезла с собственными предположением, - все-таки, вы не оставили в

покое мысль о том, что Алена жива, что она что-то добавляет вам в коньяк – какую-то дурман-траву, затеяв с вами непонятную игру. Но почему она была уверена в вашей бездеятельности? Почему не подумала об ответных действиях с вашей стороны? Можно было всего лишь протянуть руку и схватить ее в тот момент, когда она в очередной раз придет к вам ночью и сядет на край кровати! Но вы остались сторонним наблюдателем... Или... или пытались схватит свою жену, но... поймали пустоту? Как было на самом деле? Признайтесь.

- Да, признайся, Русик, здесь все свои.

- Честно? Я не пытался ничего предпринять. Я был всего лишь зрителем. И видел Алену как в тумане.

- Почему? Почему не пытался что-то предпринять, Русик?!

- Потому что не мог пошевелиться, мои конечности, мое тело одеревенели, словно меня вдруг парализовало. Но наутро я был совершенно здоров, не считая будоражащих мыслей и легкой головной боли, как после недосыпа... Мой друг химик быстро нашел ответ на мучавший меня вопрос.

- Не грибы? – напряглась я.

- А что? Что было подмешано в коньяке? – подобрался Олег.

- Полынь. Та самая полынь, которая входит в состав абсента, только у меня доза была гораздо выше. Я вовремя обратился за профессиональной помощью. На мое здоровье отравы никак не повлияла. Не успела оказать ожидаемого эффекта, вплоть до летального исхода. Я только впадал в ступор, не мог пошевелиться, меня посещали галлюцинации. Когда с чужой помощью разобрался в причинах, как будто успокоился. Отказался от коньяка.

- И видения исчезли?

- Сам не пойму, - обреченно ответил Руслан. – Я уверяю себя, что Алена мне снится. Но что делать с ее вещами, которые то появляются, то исчезают. Елизавета Карловна не имеет к этому никакого отношения. Получается, кто-то, хорошо осведомленный в ее привычках, приходит в мой дом ночью, раскладывает вещи Алены. Наутро я их нахожу и начинаю теряться в сомнениях.

- Если кто-то добавил в напиток полынь, то без участия все той же знахарки дело не обошлось, - предположила я.
- Естественно, я о ней сразу подумал. Выяснил, где мне ее найти, поехал и поговорил.
- Судя по твоему лицу, бабка тебе не призналась в преступном сговоре и не назвала имя человека, который обратился к ней с необычной просьбой.
- Не знаю, на самом деле она почти ослепла или сочинила на ходу, чтобы я от нее отстал. Но сообщила, что больше знахарством не занимается по причине «сильно плохого зрения», и память у нее уже не та, что раньше, да и ни к чему ей запоминать чьи-то имена.
- Темнит старушка, - выдохнул Олег.
- Ясное дело, - подержала его я. - Может быть, у нее есть проблема со зрением, но от доходов, связанных с лечением травами, она никогда не откажется. За хорошие деньги научит, как с помощью галлюциногенных грибков-мухоморов или той же полыни с ярко выраженными аллергическими и другими сопутствующими свойствами сопроводить человека до гробовой доски. Я вас, Руслан, не пугаю, - высказалась я, заметив изумление на его лице, - я вас хочу предупредить, чтобы вы были осторожны.
- Круг замкнулся, - вздохнул Олег. – Одно успокаивает - с головой у тебя, Русик, полный порядок, причина твоих галлюцинация ясна.
- Пока полный кавардак, - пробормотал Русик, но с благодарностью взглянул на приятеля.
- Кроме того, что у Алены есть сводная сестра по отцу, мне в голову ничего не приходит, - задумчиво протянула я.
- Допустим, я соглашусь – сводная сестра Алены где-то живет и здоровствует, допустим, девочки очень похожи, тем более, что Алена пошла в отцовскую породу, так она сама говорила. Зачем сводной сестре устраивать весь этот цирк? Я ее знать не знаю.
- Она унаследует ваше движимое и недвижимое имущество.
- Вы не забыли, что у меня есть прямой наследник, это мой сын Андрей?

- И завещание в его пользу написано?
- А как же!
- Это хорошо, это замечательно, что написано, - пробубнила я себе под нос. - Будем надеяться, что с вами ничего не случится.
- Когда ты предупрежден, ты вооружен. Но Андрея лучше оградить от грозящей опасности, - констатировал Руслан.
- Надо спрятать его в безопасном месте, - сказал Олег.
- Может быть, мы всё усложняем? – опомнился Подопригора. - С чего бы вдруг из ниоткуда появиться этой сестрице? Алена никогда с ней не общалась, следовательно, та не могла ничего знать о ее привычках.
- Если Алена не упоминала сестру в разговоре с тобой, это еще не значит, что ее не существует и что сестры не общались, - резонно заметил Шелудяков.
- Мужья много чего не знают о своих женах, - невзначай обронила я, предоставив дополнительную пищу для размышлений. – Давайте исходить из того, что Алена поддерживала связь со своей родственницей по отцу, делилась с ней новостями, рассказывала о вас и о ваших взаимоотношениях. В этом случае, сестра была в курсе дел вашей семьи. Опять же редкая женщина не захочет пустить пыль в глаза своим бедным родственникам, значительно преувеличив доходы мужа, а если эти доходы и впрямь не малые, но сам бог велел поделиться радостным событием – не каждой девушке выпадает удача выйти замуж за олигарха. В их глазах вы, Руслан Аркадьевич, были не хуже Абрамовича. А зависть, как известно, не только плохое чувство, и заставляет людей совершать ужасные вещи... Я не привыкла плохо говорить о незнакомых людях, но ничего путного мне в голову больше не приходит.
- Я не стану оспаривать ваши слова, потому что ни опровергнуть, ни подтвердить их я не могу.
- Учтите, с моей стороны это тоже лишь предположение, - вставила я.
- Теперь Андрей. В этом доме сыну будет небезопасно, несмотря на охрану. Раз кто-то сюда наведывается, спокойно шастает по дому, раскладывает вещи моей покойной жены, добавляет мне настойку

полыни в коньяк и способен на более дерзкие выходки, то я не имею права рисковать своим сыном. Как мне поступить? Я хочу, чтобы мой сын был рядом и боюсь, что не смогу его защитить.

- Ваш сын может временно пожить у меня, - предложила я. – Пока всё не разрешится.

- Нет, пусть Андрюшка поживет у меня, - сказал Шелудяков. – Уж я сумею его защитить при необходимости, да и с Верочкой им будет вдвоем веселее. Мы откажемся от посещения детского сада и посидим дома.

- Я завтра же привезу к тебе Андрея.

- Ксю, мы на тебя рассчитываем, - обратился ко мне Олег.

- Ребята, я ничего не обещаю, но постараюсь...

До сей поры мне никогда не снились мультипликационные персонажи. Но когда-то надо начинать...

Я попала в страну невыученных уроков, где до меня побывал Федор Перестукин, лодырь и неуч, из-за которого пострадала корова, переставшая быть травоядной, три землекопа превратились в два и две трети, а на деревьях этой сказочной страны росли знакомые с детства нарезные хлебные батоны. Только в этой стране дают газировку за правильные ответ по таблице умножения. Я прошла «все круги ада» вместо Перестукина и оказалась перед дворцом царя Глагола. Чтобы попасть во дворец и умолить Глагола вернуть меня домой, я обязана похвастаться правильным правописанием. На привычной школьной доске были выведены два слова – ничего нового, те же слова, что и в знакомом мне мультфильме: ключ...к, замоч...к. Надо выбрать правильную гласную – «И» или «Е». Я без труда просклоняла слова: Именительный падеж – ключ...к, родительный падеж – ключика: гласная не выпадает, значит, ставим букву «И» и получаем «КлючИк». Следующее слово. Именительный падеж – замоч...к. Родительный падеж – замочка. Гласная выпадает, значит, ставим букву «Е» и получаем «ЗамочЕк».

Я резко проснулась, не дождавшись вердикта царя Глагола.

На улице был темно, утро еще не наступило. Сна не было ни в одном глазу, но была масса вопросов, главным из которых был следующий – какая связь между старым поучительным во всех смыслах мультфильмом и событиями, происходящими вокруг Руслана Подопригора.

Я не нашла ничего лучше, как отправиться на кухню, чтобы подкрепиться, позабыв про борьбу за тонкую талию, которой у меня отродясь не бывало. Если не было, так и ни к чему такая борьба.

Я медленно жевала бутерброд с колбасой, запивала чаем и размышляла. За третьим бутербродом и второй чашкой чая я пришла к выводу, что дело в гласных буквах «Е» и «И» - тоже мне «гениальное» умозаключение. Но другого-то нет, а сон есть сон, с бухты-баракты он был не приснился, тем более, после долгих разговоров и обсуждений. Следовательно, существует некая связь. Где эти гласная должны быть? Как должны меняться в зависимости от... склонения... или... от... человека.

От имени человека! – озарило меня, причем озарение так захватило и взбудоражило, что я поперхнулась чаем и долго надрывно кашляла. Сделала несколько глотков воды и опять закатилась кашлем, ожидая стука по батарее от «терпеливых» соседей со «странной» привычкой спать по ночам, чего не делают некоторые смертные, предпочитающие запихиваться чаем с бутербродами.

После озарения последовал очередной вопрос: от какого имени?

У меня есть имя Руслан. Но оно не подходит. Еще у меня есть имя «Алена» и оно подходит, так как в нем есть гласная «Е». Меняем «Е» на «И» и получаем имя «Алина».

Часы показывали пять утра. Я решила, что дело не требует отлагательства и написала Олегу смс-ку, чтобы узнать девичью фамилию Алены. Звонить все-таки постеснялась. Но Олег, как нормальный человек, спал-почивал и на смс-сообщение отвечать не собирался.

Я устала от ожиданий, побродила по комнатам, выпила стакан холодного томатного сока и пристроилась с ногами на диване, подбив

под руку подушку. Незаметно сползла на подушку головой и вздремнула, не выпуская из руки смартфон.

Я стояла у зеркала в прихожей и поправляла странный головной убор. То ли шляпу монахини, как в фильме «Небесные ласточки», то ли что-то наподобие поварского колпака, вычурного. Опустив глаза, я увидела нелепый наряд: простое платье до пят и белый фартук.

Наверное, я повар, - мелькнула мысль и сразу родилось очередное предположение, - или прислуга в благородном доме.

Я принялась осматриваться. Только что я стояла в собственной прихожей и вдруг незаметно перенеслась в незнакомое затрапезное помещение с плитой, отапливаемой дровами. В настоящий момент дрова приятно потрескивали. В воздухе витал аромат сдобы. В углу стояла перевернутая плетеная корзина. Корзина шевелилась. Не будучи трусихой, я подошла ближе, ухватилась двумя руками за большую корзину и резко оторвала ее от пола. Оказалось, что под перевернутой корзиной пряталась девочка с косичками и алым галстуком на груди – пионерка. Девочка приложила указательный палец к губам и выразительно посмотрела на меня огромными испуганными глазами.

Я присела рядом с ней на корточки и шепотом спросила:

- Ты кто и что здесь делаешь?

- Тетя Аксал, я Оля, вы Яло не видели? Она куда-то запропастилась.

- Аксал? – удивленно вздернула я брови.

- Ну, да, вы тетя Аксал – Ласка наоборот, - с недовольством от моего непонимания ответила она еле слышно и повертела головой в поисках грозящей опасности. – Ты вы Яло не видели?

- Ты должна ее видеть, она – твое отражение в зеркале. Видишь зеркало, - указала я на то место, где только что стояла, - подойти и увидишь свою Яло.

Озираясь, Оля приблизилась к зеркалу, увидела свое отражение улыбнулась и приветливо помахала рукой.

Я подошла ближе и сказала:

- Такие маленькие девочки не могут жить одни без взрослых. Где твоя мама, Оля? У тебя есть мама?

- Мама умерла, а папу я помню смутно. Видела его в последний раз, когда была маленькой. Где он, что с ним, я не знаю.

- В каком городе ты живешь?

- Я живу в Сочи. Это самый лучший город на земле.

Я хотела еще что-то спросить у Оли, но моя рука поймала какого-то жука, ладонь сжалась, а жук взялся трепыхаться...

Оказалось, что все гораздо прозаичнее - в ладони завибрировал смартфон, который я не выпустила во время короткого сна. Пришло смс-сообщение от Олега.

Девичья фамилия Алены – Ялович, - написал Олег.

- Вот, значит, как, - вслух протянула я. – И что у нас выходит? Надо искать Алину Ялович, жительницу города Сочи, сводную сестру по отцу нашей Алены Подопригора. Надеюсь, она не сменила фамилию.

Честно говоря, легкость решения меня сильно покорила. Сложно – плохо, легко – снова плохо. Золотая середина есть?!

Если легко, то что-то здесь не так, есть какая-то заковырка...

- Спать не хочу, есть тоже не хочу, - потягиваясь, сообщила я окружающему пространству. – А не отправится ли мне на прогулку в парк?..

Глава шестая. Черный квадрат или хаос мыслей

Ближайший к моему дому парк прошедшей весной этого года преобразился до неузнаваемости силами городской администрации. Появились многочисленные скамейки, весьма удобные для посиделок, детские игровые площадки с шершаво-резиновым покрытием,

имеющим весьма неприятный запах, который до сих пор так и не выветрился, но детишки с удовольствием резвятся на площадках.

На широких тротуарах выделены полосы для велосипедистов и самокатчиков. А прежнее болото, иначе не назовешь, которое в давние-предавние времена считалось глубоководной рекой, пусть и не вернула себе прежнее величие, включая глубину-ширину и бороздящие по реке парусники, но превратилась в водоем – приятный глазу. По водоему курсируют весельные лодки с любителями отдыха на воде. Берега водоема засижены рыбаками, ответственно подходящими к своему хобби: приходят на берег с большими рюкзаками, удочками и раскладными стульчиками. Во времена «болота» здесь водились только лягушки, черепахи и редкие водоплавающие. Черепахи устраивались с удобствами на старых автомобильных камерах и мирно почивали, заодно позировали фотографам – любителям природы в любом ее виде. Лягушки громко пели свои песни, при любом приближении тут же плюхались в воду. После реконструкции парка я не видела ни черепах, ни лягушек. Но количество водоплавающих увеличилось.

Еще в начале лета, сидя на скамейке, я умилялась утиному потомству, строго следующему за матерью-уткой. Каждый раз, появляясь у водоема, я удивлялась быстрому росту малышей. Сейчас малыши давно выросли и ловко ныряют на глубину в поисках корма. К рыбакам стараются не приближаться. У рыбаков нрав суровый, мешать им никак нельзя. Хотя, мешай – не мешай, но улова я никогда не видела. Возможно, просто не обращала внимания. Но раз сидят день-деньской, то не зря.

По неизвестной причине я нечасто посещаю парковую зону, несмотря на то, что мне до нее рукой подать. Наверное, в парке слишком многолюдно, а я люблю уединение. Сегодня все мои желания исполнились – и прогуливающего люда было мало, по большей части бегуны-спортсмены, и «профессионалы-любители» пока не облюбовали скамейки со своими горячительными напитками – отсыпались после вчерашнего или похмелялись в другом месте. Шумная детвора находилась в школе или в детском саду – сезон отпусков их родителей подошел к логическому завершению.

Я сидела на скамейке, с удовольствием вдыхала неповторимый запах ранней осени, тупо пялилась на водную гладь водоема и непроизвольно улыбалась – тихо радовалась спокойному течению жизни. Водную гладь рассекала парочка уток, деловито ныряя время от времени. Я принималась засекаать время погружения, примитивно отчитывая секунды в уме, но каждый раз сбивалась, когда мое внимание привлекал велосипедист в яркой экипировке, больше подходящей выпендренной молодежи, чем мужчине за сорок, коим он и являлся. Мужик наворачивал круги по парку, лихо прибавляя скорость возле меня. Я давилась смехом, вспоминала свое подростковое детство, когда пацаны мотались на своих великах мимо стайки девчонок, выделявая феруля, как то – езда без рук или скоростная езда с упором на педали. Мы, девчонки, хихикали и перешептывались. Каждая из нас считала, что выпендренж адресован именно ей.

Эх, перенестись бы на много лет назад. До чего же славной была та жизнь! Беспроблемной и счастливой из-за безответственности – мы ни за что и ни за кого не отвечали, так нам казалось, из-за умения не концентрироваться на неудачах – мы просто от них отмахивались и шли по жизни дальше вприпрыжку.

Легкая грусть охватила меня, но я постаралась от нее избавиться, тем более, мимо меня опять промчался тот самый велосипедист-выпендренжник. На этот раз он удостоил меня взглядом – повернул голову в мою сторону. Жаль я не увидела его глаз: глаза прятались под специальными очками. На голове модника находился велосипедный шлем вытянутой формы черного цвета с ядовито-зелеными полосками. Под стать шлему была и одежда.

У меня начала кружиться голова. Чтобы избавиться от велосипедных круговращений, я сменила место отдыха и наслаждений – пересела на другую скамейку. Теперь мой взор был направлен на аллеи парка, вытопанные ногами людей. Почему-то народу больше нравилось ходить по таким аллеям, а не по облагороженным, плиточным дорожкам. Лично я тоже предпочла бы «дикие» прогулки из-за многочисленными самокатчиков, особо не придерживающихся своих полос. Они гоняли на самокатах как сумасшедшие и норовили сбить прохожих.

По вытоптаным аллеям прогуливались праздные пенсионеры, в одиночку или по парам. Мне тоже захотелось подвигаться, но я быстро передумала. Продолжала сидеть на скамейке, дышать, наслаждаться, любоваться, благо из зоны видимости исчез надоевший велосипедист. Тишина, разбавленная пением птиц, благотворно действовала на нервную систему – наконец, я по-настоящему расслабилась, без уговоров и обманов со своей стороны.

Неожиданно рядом раздался знакомый голос:

- Аксинья Даниловна, здравствуйте, рад вас видеть!

Я повернула голову и увидела сына моей бывшей коллеги по работе Лилии Михайловны Полежаевой.

- Доброе утро, Денис! – поприветствовала я молодого человека, которого знала еще с тех пор, когда он «ходил под стол пешком». – Какой ты молодец - занимаешься спортом.

- Прибавил в весе от сидячей работы, поэтому пришлось взять себя за шкуру и вытащить на утреннюю пробежку, - пожаловался с легкой грустью Денис и постучал по плоскому животу. Я лишь усмехнулась.

Не будучи фанатичным спортсменом, Денис искал причину для передышки и нашел ее в моем лице. Сын моей коллеги всегда был мне симпатичен, я не отказала себе в удовольствии немного с ним поболтать.

- Как у тебя дела? Как поживает Лилия Михайловна? Чем она занимается? – спросила я, потеряв с бывшей коллегой связь после ее ухода на пенсию. Последний раз мы с ней виделись прошлым летом, когда праздновали ее юбилей.

- Моя мама – это что-то с чем-то, - дал пространственный ответ Денис и покачал головой без намека на осуждение.

- Кто бы сомневался, - хмыкнула я, - Лилия Михайловна всегда найдет дело по душе, мне это известно. Что на этот раз? Если учитывать ее патриотический настрой, всегдашнюю борьбу за правду и желание помочь ближнему, и не только ближнему, а любому, обиженному судьбой, то дело не обошлось без создания серьезной общественной организации с нею во главе.

- Вы попали в точку, Аксинья Даниловна. Маман зарегистрировала общественное движение «Суть жизни», с головой погрузилась в дела своего движения, спуску никому не дает, в том числе и руководству города и всей области.

- До президента еще не дошла?

- Пока орудует на местном уровне.

- Молодец, кто-то должен бороться за справедливость, главное, не во вред своему здоровью. Как ты поживаешь, Денис? Женился?

- Не-а, - беспечно ответил он. – Маман уверяет, что сразу покончит с политической карьерой, «передает флаг» в надежные руки, как только на свет появится внук или внучка. А я ей – не надо меня шантажировать.

- Всему свое время, - пробормотала я.

- Как у вас дела, Аксинья Даниловна?

- У меня... Тружусь над решением одной заковыристой задачки... И думаю, ты можешь мне ее решить. Если, конечно, не откажешь, - вкрадчиво произнесла я.

- Что от меня требуется? - подобрался Денис.

- Не пугайся, ничего выходящего из круга твоей компетенции, я не потребую. И законы нарушать не заставлю... Хотя... Как знать, как знать...

- Для вас, что угодно! – закатив глаза и прижал ладонь к груди, заверил молодой человек, приятный во всех отношениях. Да, Лилия воспитала прекрасного сына.

- Ты ж у нас известный хакер. А мне... позарез нужна информация об одном человеке.

Денис понял, что дело долгое, и устроился на скамейке с удобствами – откинулся на спинку, перебрал ногу на ногу.

- Я знаю имя и фамилию, могу узнать отчество, если понадобится... Алина Ялович, жительница... ммм... Сочи. Возраст – немного за тридцать. Могу предположить, что она недурна собой. – Хотела добавить про рыжие волосы, но удержалась – точных сведений о внешности Алины

у меня нет. Вместо описания пробормотала, - что еще, что еще... Она могла выйти замуж и сменить фамилию, тогда...

- Это не проблема, - успокоил меня Полежаев, глядя на меня во все глаза: вероятно, «мои предположения» его впечатлили. Не знаю, о чем он подумал, ломать над этим голову я не имею никакого желания. Но все же...

Могу предположить, какой вопрос вертелся на языке у Дениса – не ваша ли это дочь? Дочь, от которой вы отказались после ее рождения? Почему нет – я могла родить ее в несознательном-сопливом возрасте, в моей молодости подобные случаи встречались, но редко.

Чтобы сразу развеять не озвученные Денисом сомнения, с жаром заверила:

- Ко мне этот человек не имеет никакого отношения! – При этом сделала ударение на слове «никакого».

В другие подробности вдаваться не стала. Мы еще немного поболтали на отвлеченные темы, я передала Лилии Михайловне большой привет, Денис пообещал позвонить и поделиться итогами своих поисков, на этом мы расстались.

Денис исчез из вида. Я еще немного посидела, потом легко поднялась и резво припустила по дорожке, ускоряя шаг. Сама себе я очень нравилась...

Поистине, сегодня день встреч.

После умеренно-скоростной ходьбы, я направилась к родному дому, но по пути решила зайти в магазин и закупиться продуктами – мой холодильник давно озверел от пустоты, гоня ненужный холод. Хотелось приобрести что-то вкусное и вредное. Так я и поступила, причем себя ни в чем не ограничивала, как будто мне предстояло закатить пир на весь мир. Выкатилась из магазина с двумя большими пакетами, оттягивающими мне руки, при этом костыляла себя на все лады: половину купленного точно выброшу в мусор.

Пройдя короткое расстояние, я остановилась возле скамейки и взгромоздила на нее свои неподъемные пакеты. До дома было рукой

подать, но я вознамерилась передохнуть перед последним марш-броском. Недолго думая, села на скамейку и принялась вертеть головой, от нечего делать. И не зря – в поле зрения попала Лилия Михайловна Полежаева, моя бывшая коллега и по совместительству мать недавно встреченного мною в парке Дениса Полежаева. Лилия пикнула брелочком и хотела забраться на водительское сиденье припаркованного на обочине автомобиля, но я ее громко окликнула, перекрыв шум снующих по проезжей части автомобилей.

С недовольным лицом Лилия Михайловна осмотрелась в поисках орущего, заметила меня, машущую двумя руками, дабы привлечь к себе внимание, и сразу расплылась в приветливой улыбке, вмиг пришедшей на смену недовольству.

Я хотела схватить свои пакеты и поспешить ей навстречу, но шустря Лилия, совсем непохожая на пенсионерку не только внешним видом – всем на зависть, но и удалой подвижностью, уже оказалась рядом и заключила меня в объятия.

- Аксинья, как же я рада тебя видеть! Сколько лет, сколько зим! Ну-ка, дай я тебя хорошенько рассмотрю. – Лилия отодвинулась от меня и принялась придирчиво изучать, почти как пристрастный художник свой неоконченный шедевр. – Хороша! Ну, правда, хороша! Выглядишь потрясающе! Помолодела, похудела. Неужели влюбилась?

- Ни без этого, - неожиданно вырвалось у меня.

- Как же я за тебя рада! Ты потрясающий человек, ты достойна счастья, как никто другой.

Я не стала уточнять, что и как, взаимна ли моя любовь...хм... на старости лет, сразу перевела разговор на ее сына, чтобы избежать расспросов на щекотливую тему.

- Сегодня встретила в парке твоего Дениса, мы с ним немного поболтали, он рассказал о тебе. И вот, пожалуйста, такая неожиданная и в то же время долгожданная встреча! Как же я рада с тобой встретиться и поболтать, зарядиться твоей неумемной энергией и желанием улучшить мир. Живем в одном городе, а будто на разных планетах, не имеющих между собой сообщения.

- И не говори, - поддержала мою мысль Лилия Михайловна и выразительно вздохнула, качнув своей величественной грудью: к изящному телу прилагался бюст четвертого размера, без участия скальпеля и имплантов. Бюст приковывал к себе мужские взгляды, что сильно раздражало его обладательницу, потому как некоторые особи не отказывали себе в удовольствии выразить словесами свое восхищение, не предполагая при этом, что могут получить жесткий отпор, в том числе и отпор физического плана – элементарно получить по морде за пошлое высказывание, считающееся у некоторых комплиментом.

- Ты не очень торопишься? – спросила подруга-коллега, кося глазом на мои сумки с продуктами и предполагая, что я бегу домой, чтобы приготовить обед, накрыть на стол и встретить во всеоружии любимого мужчину. Я отрицательно покачала головой, силясь избавиться от нахлынувшей печали. Лилька была теткой умной, догадливой и тактичной, если речь шла о строго-личном, в других, глобально-мировых вопросах, она не церемонилась. Как всё это уживалось в ней, для меня оставалось загадкой.

Я вернулась на скамейку, а подруга устроилась рядом.

– Дениска тебе рассказал, чем я занимаюсь? - спросила она с долей легко читаемого самодовольства.

- Рассказал, и я почему-то не удивлена, зная твою нетерпимость к несправедливости и вспоминая твою любимую фразу – «мне за державу обидно!»

- Так и есть. Но как не возмущаться, если законы принимают, но они не «работают»! Возьми закон о курении на балконах – закон приняли, а всем по фиг, как курили на своих балконах, так и курят, как травили некурящих людей табачным дымом, так и травят. Выпивохы совсем обнаглели - распивают спиртные напитки в общественных местах и ничего не боятся. А все почему? Наказание им не грозит, полицейских на улице не увидишь! Я уже не говорю о нецензурной брани – они на ней разговаривают в присутствии малолетних детей. Идет такая мамаша, в руках сигарета, рядом мальчуган, она его кроет нецензурной бранью и не стесняется. Чему он научиться у такой, с позволения сказать, мамы?! Я уже не говорю о том, что у курящих матерей

рождаются дети с отставанием в развитии по причине плохого снабжения мозга кислородом... Ладно, оставим болезненную тему, - поостыла Лилия Михайловна. Я несколько не сомневалась, что мимо вопиющих случаев нарушения общественного порядка она никогда не пройдет, при этом может нарваться на неприятность, но данное обстоятельство ее несколько не беспокоит, она вообще не думает о последствиях.

- Поэтому ты образовала общественное движение «Суть жизни», - утвердительно произнесла я.

- Сподвигло меня на это одно... безобразие. Может быть, выбрала неправильное определение, но не это главное. Вот послушай, что я тебе расскажу... - Лилия выдержала интригующую паузу, заметила живой интерес в купе с нетерпением в моих глазах, удовлетворенно кивнула и начала. - Дело было в прошлом году. Я возвращалась на своем автомобиле с юга. Выехала в ночь, чтобы добраться до дома по холодку и без «пробок». Уже на подъезде к городу заметила, что в бензобаке горючее почти на нуле. Как не хотелось терять время и заезжать на заправку, но пришлось... Как чувствовала, что задержусь надолго...

Я подобралась как пантера перед прыжком – догадалась, что сейчас услышу важную для меня информацию.

-... Когда машину заправили, я отъехала в сторонку, чтобы спокойно выпить кофе. Сажу себе, смотрю по сторонам и вижу такую картину - от заправочной станции отъезжает внедорожник, выворачивает на трассу, набирает скорость и тут же ее сбрасывает, словно случилась поломка. Именно об этом я сразу и подумала. Но водитель не включил аварийные огни, лихо свернул на обочину и остановился. Тогда я подумала – кто-то принудил его остановить автомобиль. Или ему позвонили и он, как законопослушный гражданин, решил пообщаться с абонентом в припаркованном на обочине автомобиле. Не знаю, почему, но мне захотелось взглянуть на водителя. Показалось, что он сейчас покинет салон с прижатым к уху телефоном, начнет бродить по обочине туда-сюда и вести беседу. К моему разочарованию из салона выпрыгнула женщина, сильно хлопнув дверцей внедорожника. Она забрала из багажника чемодан и выдернула ручку, при этом продолжала громко возмущаться – что она говорила, я не слышала. Ну,

думаю, сейчас будет действие номер два – те же и водитель: он обязан выйти и пуститься вслед за своей дамой, покурлесить с чемоданом, выйти из схватки победителем, потом обнять дамочку, прижать к своей груди, обласкать правильными словами. Дамочка обмякнет, похнычет на мужской груди, затем они вернутся в машину и покатают дальше. А я не устану теряться догадках – что вызвало у дамочки бурю протеста? Впрочем, все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему, как говорится в самом начале известного произведения Толстого, от себя осмелюсь добавить - и причины несчастий нам известны, их можно перечислить без особого труда. Одной из причин является ревность одного из супругов. О ней, о ревности, я в тот момент и подумала, с трепетом ожидая появления водителя. Сдался бы он мне! Но хотелось досмотреть трагикомедию до конца и убедиться в хеппи-энде. Не тут-то было – мужик не торопился с уговорами, а его дамочка и не ждала от него ответных действий, иначе бы копалась со своим чемоданом на обочине. А она нагло поперла на другую сторону, наплевав на возмущенно сигнализирующих ей водителей.

- А джип? Джип уехал?

- Водительская дверца открылась, мужик ей что-то прокричал во след – мне показалось, что уговаривал вернуться, но женщина махнула рукой, не поворачивая головы в его сторону. Она «проголосовала», очень быстро нашелся желающий довезти ее до города, она села в чужую машину и уехала... А водителя я так и не рассмотрела, с моего места его было не видно, только приоткрытая дверца автомобиля и мужская макушка, - сокрушенно добавила Лилия.

- Получается, водитель что-то прокричал вслед женщине, она лишь отмахнулась и скрылась на чужом автомобиле, - отчетливо выговаривая слова, сказала я, как будто моя визави была глухонемой и понимала чужую речь по губам.

Видимо, «глухонемая» сделала собственные выводы касательно меня - отвратительное усвоение информации, требуется многократное повторение. Но повторять не спешила, ждала продолжение от меня, чтобы понять, чем меня так увлекла чужая история, досказать которую

она не успела, так мне показалось, раз некое «безобразие» сподвигло на создание чуть ли не партии. Семейная склока тому не причина.

- Джип тоже быстро уехал? – заинтересовалась я.

- В том-то все и дело, что... не уехал, - ответила Пожидаева с глубоким вздохом и добавило свое коронное «фу-фу-фу-фуууух».

Мне показалось, что она хотела сказать о другом действии – водителя, его автомобиля или кого-то еще, но заменила его на «не уехал», со скрытым значением. Хотя, чего уж проще - не уехал. Так и стоял на месте до тех пор, пока... его дама не вернулась на том же частнике. Выволокла чемодан и, скрывая торжествующую улыбку, замерла на обочине. Чтобы водитель увидел, выскочил, добежал до нее, а далее по тексту Лилии.

В чем интрига? Именно об этом я и спросила у Полежаевой, смиренно сидящей рядом с видом монахини, которая преобразается в противоположный «экземпляр» под покровом ночи.

- А интрига кроется в дальнейших событиях, - светским голосом заявила Лилия Михайловна. - Представь себе, Ксю. Заправочная станция. Снующие автомобили. Солнце светит. Птички поют. Я клюю носом от усталости, тяну дрянной кофе, чтобы без аварий добраться до дома, но не выпускаю из вида внедорожник, который не спешит продолжить путь.

- Ты пьешь кофе, а он стоит и «ждет с моря погоды». С чего бы вдруг? Неужели исстрадался?

- Фиг его знает, исстрадался он или нет. Времени прошло совсем немного, минуты две всего. Наверное, водитель пытался успокоиться, взять себя в руки, потом все же тронул машину с места и... сразу каааак бабахнет. – Лилия воздела глаза к небу и развела руки в виде огромной чаши.

- Это был взрыв? Взорвался тот самый автомобиль? Внедорожник?

- Ну, да, - кивнула Лилия. - Машину охватило пламя. Водители из проезжающих машин бросились на помощь, пытались тушить с помощью автомобильных огнетушителей. Тут и с заправки ребята подоспели, потом несколько пожарных машин прибыло, но было уже

поздно... Думаю, водитель погиб сразу... Не мог он выжить ни при каких обстоятельствах... Вскоре прибыла следственная группа. Начался опрос свидетелей. Я обстоятельно поведала о молодой женщине, которая покинула машину со скандалом незадолго до взрыва. Но к моим словам никто не прислушался! Представляешь, никто и не собирался ее искать! А вдруг это она организовала этот взрыв? Или ее кто-то подослал с определенной целью?

- Потому она специально устроила скандал и смылась.

- Вот! И ты так думаешь! Не одна я!

- Лиль, ты ее запомнила? Женщину хорошо запомнила?

- Если честно, то не очень. Если еще честнее, то вообще не разглядела. Могу описать только ее одежду – какой-то балахон, на голове косынка, повязанная по-крестьянски.

Умереть – не встать, - ошалела я от сказанного Лилей.

- Личность погибшего удалось установить? – вслух поинтересовалась я, заранее зная, чье имя услышу.

- Естественно – по номеру авто: Кардюкевич Игорь Иванович. Поначалу предполагали, что за рулем мог сидеть кто-то еще – мало ли, вдруг ездил по доверенности, но после убедились, что погиб владелец внедорожника.

- Ты не запомнила дату, когда произошла трагедия?

- Помню, конечно, как тут забудешь – пятого августа прошлого года...

Моя голова лежала на рельсах. Я отчетливо слышала звук приближающегося поезда, но не находила в себе сил отползти, спасти свою жизнь. Перестук колес меня убаюкивал, а не пугал. Я пыталась призвать себя к действию – на кону моя жизнь, тем более никаких особых усилий не требуется. Необходимо всего лишь чуть сместить голову с рельсов, и опасность минует. Самую малость! Однако я выказывала непонятную настойчивость, как будто кому-то пыталась доказать - моя голова при наезде не пострадает.

Может быть, всё совсем иначе – я хочу, чтобы голова пострадала? Это называется самоубийством, причем жестоким способом.

Но я не Анна Каренина! И у меня нет причин для самоубийства! У меня жизнь только начинается!

Я покопалась в себе и поняла – правильно, жизнь мне дорога. Как там у одного поэта: я жизнь люблю, я жить хочу...

Раз так, то действуй, не лежи мертвым грузом на рельсах, иначе «груз» на самом деле станет мертвым, голова отделится от тела методом бокового наезда гильотины...

Что за изворотливая дурость лезет в голову!

Надо действовать, надо спастись, а не предаваться заумным размышлениям...

Меня словно приковали к месту пыток с последующим умертвлением. Приковала сила извне, расплзшаяся по моей спине тяжелым грузом. Грузом! Он давит мне на спину, не позволяет что-то предпринять для собственного спасения. Тяжесть расплющила меня и приклеила к опасному месту, как бы специально.

В минуту чрезвычайной опасности люди творят чудеса, чтобы этой опасности избежать. Я ничего не предпринимала, только слушала перестук колес, звук которого почему-то не приближался. Можно подумать, поезд замер где-то неподалеку и ждет, когда нечто, кучей лежащее на рельсах, исчезнет. Но в этом случае, никакого перестука колес я бы не слышала, только паровозный гудок или возмущенное пофыркивание.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук... - размерно-успокаивающе твердил мне поездной состав с локомотивом во главе. Но я его не видела. Я сильно зажмурилась. Я слушала и трепетала в предчувствии страшного.

Тук-тук, тук-тук.

К привычно-пугающим звукам неожиданно добавился еще один. Звериное рычание, отдаленно похожее на богатырский храп. Я прислушалась, стараясь абстрагироваться от опасности, словно найденная подсказка - что это? - сохранит мне жизнь. Я склонялась к богатырскому храпу – спасительный вариант.

Я наострила слух.

Сначала не поверила, но перестала дрожать, как заяц под кустом, рядом с которым вертится серый волк-зубами щелк, и до меня дошло – это храп. Обычный человеческий. Мужской.

Неожиданно к перестуку колес и к богатырскому храпу примешался еще один звук. На что-то похожий, но пока не поддающийся объяснению.

Если бы плоские льдинки нанизали на нитки, подвесили на небольшом расстоянии друг от друга, а потом направили на них поток воздуха, то льдинки соприкасались бы и избавили звенящий звук.

Я попыталась представить нанизанные на нитке плоские льдинки неправильной формы, но получались ватные шарики из далекого новогоднего детства. Ватные шарики никаких звуков не издают.

Подозрительная глупость лезет мне в голову.

Стук. Храп. Звон-перезвон. Страх. Нарастающая тревога. Бездействие...

Самая малость – открыть глаза и встретиться с опасной действительностью.

Как бы мне этого ни хотелось, но раз жизнь одна, то придется.

И сразу всё стало ясно и понятно.

Я нахожусь в поезде. До этого крепко спала на нижней полке купе под монотонный перестук колес. Свалившаяся с полки сумка давит мне на спину – вот тебе и груз.

Куда меня несет? – спросила я у самой себя - пока не вырвалась из крепких лап пугающего сна, потому и потерялась в этой жизни.

Для порядка убрала чайную ложку из стакана в подстаканнике – фирменный знак любого пассажирского поезда: именно ложка позвякивала. Затем хмуро взглянула на дядьку, издающего во сне громкие свистящие звуки с подхрюкиванием. Странно, что его супруга, крохотная особа, которая в данный момент спала на верхней полке, никак не реагировала на песенные рулады мужа. Видимо, успела привыкнуть за долгие годы супружеской жизни.

Поезд въехал в череду огней, нагло заглядывающих в купе и бегающих по чему попало. Лицо дядьки-храпуна то попадало в пятно света, то исчезало в темноте. Но я успела рассмотреть его приоткрытый рот и безмятежное выражение лица. Видимо, мужчине снилось что-то приятное, не то что мне. Вдруг он всхрапнул громче обычного и тут же начал причмокивать губами, потом из его груди вырвался жалобный стон, как бы сожалеющий.

О чем, интересно, он сожалеет? – подумала я и обратила невольный взор на его супругу. Та заворочалась и перевернулась на бок, лицом к стенке.

Поезд промчался мимо фонарей и погрузился во тьму. Дядька захрапел с новой силой, словно только и ждал, чтобы сторонний раздражитель исчез.

Мне очень захотелось ущипнуть храпящего мужика за бочок, выглядывающий из-под простыни, которой прикрыто его упитанное тельце, облаченное в майку, названную в народе алкоголичкой. Ущипнуть и прикинуться спящей, еще и храпануть на высокой ноте – дескать, я не я и хата не моя, сплю я! Мужик проснется – как не проснуться от неожиданного и чувствительного нападения извне, а я, продолжая будто бы спать-почивать, примусь за бессвязное бормотание. Естественно, чтобы его напугать, чтобы он не заснул до утра. Но я быстро передумала – и щипать за упитанный бочок и бормотать несурезицу. Тому причиной была его тихая и интеллигентная жена – она уж точно ни в чем не виновата. Ладно, что уж теперь – придется терпеть этот невыносимый храп. Проведу время с пользой – пораскину мозгами, разложу имеющуюся информацию по полкам.

Итак, я еду в Сочи. Еду, чтобы встретиться с родственницей Алины Никитовны Ялович по материнской линии.

Благодаря сведениям, полученным от надежного источника – от Дениса Полежаева, мне стало известно следующее: Алина Ялович, тридцати трех лет от роду, уроженка курортного города, в первых числах августа прошлого года отбыла в неизвестном направлении. Обещала вернуться через две недели, максимум – через три, но не вернулась ни

через две, ни через три, ни через месяц. Прошло больше года, но от Алины ни слуху, ни духу. Уехал человек и пропал. Сгинул.

Кроме родственницы, к которой я отправилась, другой родни у Алены нет: бабушки-дедушки дано приказали долго жить, мать скончалась несколько лет назад от болезни сердца, своего отца Алина не видела давным-давно и никаких сведений о нем у нее нет. Подруги Алины, не слишком близкие – приятельницы, коллеги по работе, не приняли близко к сердцу ее исчезновение, по инстанциям не бегали, во все двери не стучали.

Без всяких сомнений, и у Алены Подопригора и Алины Ялович общий отец. Ничего удивительно в том, что «абонент не доступен», я не вижу: как был перекасти-поле, там им и остался, продолжает куролесить по стране в поисках приключений – горбатого могила исправит. Или уже исправила, иначе стареющий ловелас подготовил бы почву – приехал бы к дочери и покаялся во всех грехах, чтобы было кому подать стакан воды в немощной старости.

Родственница по материнской линии, первой забила тревогу и обратилась в полицию. Полиция объявила Алину Никитовну Ялович в розыск, завела уголовное дело по факту ее исчезновения. Для начала проследила ее путь от города Сочи до моего родного города, куда Алина Никитовна прибыла в первых числах августа и устроилась в отеле. В один прекрасный день отправилась на прогулку и больше ее никто не видел. Номер в отеле был оплачен за три недели. Ну, оплачен и оплачен, администрация отеля выждала положенные три недели, а потом вынесла вещи исчезнувшей постоялицы на склад и забыла о ее существовании. Подозрительная безответственность со стороны администрации отеля – пропал человек, а они не удосужились поставить в известность правоохранительные органы. Мы с Олегом наведались туда и пообщались с администраторшей. Ничего интересного она нам не сообщила, постоялицу описать не смогла - год прошел. Я спросила о дорожной сумке с вещами, глупо надеясь найти в вещах подсказку для дальнейших поисков Алины. Администраторша вскинула свои нарисованные бровки, передернула щуплыми плечиками и доложила следующее: дорожную сумку изъяли полицейские после того, как получили скудную информацию о пропавшей постоялице. Они сделали опись вещей, все честь по чести, в присутствии понятых,

убедились, что речь идет именно об Алине Никитовне Ялович – получили на руки ксерокопию ее паспорта, который хранился в базе данных. Подлинный документ исчез вместе с Алиной.

Огромное спасибо Денису Полежаеву. Благодаря его таланту «находить иголку в стоге сена» я узнала имя родственницы Алины, которая обратилась в полицию. Марина Людвиговна Ефимбахер. Причем не только имя, но и место жительства.

Денис так хохотал над фио родственницы Алины, что я начала беспокоиться за его здоровье. Со здоровьем ничего не случилось, к счастью, но от смеха Денис начал икать, икал так долго и что самое ужасное – заразительно, что я неожиданно стала его поддерживать. Затем мы дружно пили воду, на время затихали, после начинали заново... Признаюсь, неприятное ощущение. Но хохотуна я не ругала, напротив, похвалила от всей своей широкой души. И, подумав и всё взвесив, решила отправиться в славный город Сочи, где темные ночи, не поставив в известность ни подругу Алку Укропчикову, которая с головой ушла в работу, ни друга Олега Шелудякова, возложившего на себя защиту Андрея Подопригора. Андрей нисколько не расстроился тем обстоятельством, что его вырвали из привычной среды: нашлась уважительная причины для пропуска начала учебного года.

Денис снабдил меня не только адресом родни Алины, но и номером мобильного телефона. Честно говоря, я собиралась позвонить, но не нашла нужных слов, чтобы назвать вескую причину своего любопытства. Раскрывать карты до того, как получу сведения об Алине от ее родни, я не хотела, чтобы заранее не напугать... своими необоснованными сновидениями?..

Курортный город Сочи встретил меня перронной суматохой, нагрудными табличками о сдаче квартир «возле моря» и предложениями «ехать недорого». Я миновала суматоху, преодолела старинное здание железнодорожного вокзала и очутилась на привокзальной площади. Небольшой участок асфальта плавился под жарким утренним солнцем, поражая новизной, остальное пространство занимала тротуарная плитка, кое-где пришедшая в негодность. Странное сочетание асфальта и тротуарной плитки меня поразило, но людям, ответственным за дорожное покрытие, виднее.

Воздух впитывал выхлопные газы автомобилей и общественного транспорта. На остановке толпился народ. Я представила себе духоту внутри автобуса, и мне стало не по себе, хотя, была наслышана о том, что все автобусы, еще со времен проведения олимпиады, пусть и зимней, а также чемпионата мира по футболу, были оснащены кондиционерами. Однако сегодня я была Фомой-неверующей. Один подвиг я уже совершила - проехала в одном купе с храпящим мужиком, еще одна проблемная поездка, пусть и менее длительная, меня не впечатляла. Ко всему у меня есть только адрес, поисками местонахождения нужной улицы по карте я не озаботилась. У меня топографический кретинизм. Чего проще – нанять такси, назвать таксисту адрес. Он в два счета доставит меня до места.

Преодолев остановку общественного транспорта, миновав большую клумбу с многочисленными кустами благоухающих роз невероятной высоты, я добралась до сиротливо стоящего такси, отметая всякие сомнения насчет чужого заказа. Вежливо поздоровалась и сказала:

- Мне нужна улица Павлика Морозова. Довезете?

Водитель, средних лет мужичок с пузцом, вскинул на меня усталый взгляд и призадумался. Потом ответил вопросом на вопрос:

- Вам точно надо в Сочи?

На этот вопрос у меня не было ответа. Я точно знала, что Алина жила в Сочи, и сразу решила, что ее родственница...хм... Мартина Людвиговна Ефимбахер, прости Господи, проживает с ней в одном городе. А вдруг не в Сочи? Но Денис сказал бы мне, что надо ехать... в Новосибирск, к примеру, или к черту на рога. Я не уточнила, потому что была уверена в сообразительности Дениса и потому как мне доподлинно известно, что в городах черноморского побережья обожают называть улицы именем вождей, пламенных борцов за все угодно, пролетарских поэтов и писателей. (Можно подумать, в других городах иначе!) Причем, здесь имеются улицы и переулки с одноименными названиями, поди-разберись, куда тебе нужно. Я затаилась в поисках ответа на каверзный вопрос и вопрошающе взирала на терпеливого водителя, мысленно приговаривая: только бы неподалеку, только бы не за тридевять земель. Водитель тоже взирал на меня, терпеливо и по-прежнему устало.

- Мне надо на улицу Павлика Морозова, дом... - промямлила я и, недолго думая, открыла дверцу и плюхнулась на сиденье, уложив на колени негабаритную дорожную сумку – приехала я на пару дней, мне некогда засиживаться в городе, который распахивает объятия любому курортнику. Я прибыла по делу, не для праздного времяпровождения. В салоне такси я сразу почувствовала себя уверенней, перейдя из ранга просителя у автомобильной дверцы в ранг законного пассажира, позабыв про Новосибирск и про черта на рогах, куда усталый водитель меня точно не домчит.

- Так это вам в Адлер надо, - наконец, смилостивился меня просветить водитель, нисколько не опешивший от моего маневра. Напротив, тотчас повеселел и избавился от усталости, будто сбросил с плеч куртку, запоздало сообразив, что нещадно палит солнце.

- В Адлер, так в Адлер, - беспечно вымолвила я, презрев денежную массу как таковую. Нет так часто я, не бедная особа, выбираюсь из родного города. Но поинтересовалась, сведя брови на переносице, - долго ехать?

- Домчу с ветерком, не беспокойся, - панибратски заявил мужик. А я вдруг осознала, что он очень похож на Олега Шелудякова. Не сказать, что точь-в-точь, но за родственника сойдет. Как-то подозрительно – стоит в сторонке такси, на него никто не претендует, тут подхожу я...

Нашла чем забывать голову!..

На маньяка таксист точно не похож, - подумала я, мимолетно его оценив. Успокоилась и стала смотреть по сторонам, наслаждаясь видом пальм.

Незаметно мы добрались до места. Улица Павлика Мороза тянулась параллельно морской набережной с отдалением на один квартал. Водитель переспросил у меня номер нужного мне дома. Автомобиль медленно крался по улице, мы высматривали номера на воротах. Часто встречались вывески «Сдаются номера». Я успокоилась – на пляже ночевать не придется.

Хозяйка – та самая женщина, после услышанного фио которой хочется хохотать и икать, оказалась особой неопределенных лет – от тридцати пяти до сорока пяти, средней комплекции, с румяными щечками, в

свободном сарафане, украшенном большими фиолетовыми цветами. Возможно, комплектация была и менее средней, но сарафан создавал впечатление бабы на чайнике, искусно пряча имеющуюся в наличии талию. Когда я вошла во двор, прикрытый прозрачной пластиковой крышей сферической формы, Мартина Людвиговна занималась поливом бурно цветущих гераней.

Женщина ответила на мое приветствие и спросила:

- Вам нужна комната?

- И комната тоже, - обронила я и продолжила после короткой паузы, - я приехала поговорить об Алине Ялович, вашей родственнице.

Хозяйка выронила из рук пластиковый кувшин, вода плюхнула из него и разлилась по плиточному полу неказистой лужицей.

- Вы что-то знаете об Алине? – еле шевеля губами, прошептала Мартина.
– Алина жива?

- Я... не знаю, - ответила я правдиво. Пока нет уверенности ни в том, что Алина жива, ни в том, что скончалась год назад, поэтому буду помалкивать. Зачем сеять надежду или убивать ее?

Кто какую роль играет в замысловатом действе вокруг Руслана Подопригора, выяснить не удалось. После двух сновидений - с правильным правописанием заковыристых слов ключик-замочек и участием девочки Оли, которая ищет Яло – мне вообще ничего не снилось. Чистый лист. Сны без сновидений. Или черный квадрат Малевича – раз дело происходит под покровом ночи. Как я ни пыталась по-всякому формулировать вопросы, как ни уговаривала себя, как ни пичкала себя снотворным, все зря – Малевич и точка. Разве я прикатила бы в Сочи к родне пропавшей Алины, если бы могла получить ответы на все свои вопросы, не вставая с кровати. Но пришлось менять обстановку, пришлось выносить все тяготы купейной жизни, вступить в сложный разговор, слушать и избегать встречных вопросов.

Я должна узнать правду – что подвигло Алину на отъезд, какова причина. Чтобы впоследствии напитаться новыми идеями и с удвоенной силой взяться за решение вопроса Руслана Подопригора, перед которым у меня есть обязательства.

Но для начала я должна расположить к себе Мартину и как-то объяснить свой интерес к Алине Ялович, иначе меня возьмут за белые ручки и выведут вон, еще и пинка дадут под зад, чтобы не лезла к людям в душу. В принципе, правильно сделают.

- Я частный детектив, - неожиданно для самой себя ляпнула я. Еще минуту назад не могла ничего подобного придумать.

- Кто вас нанял? – без особого интереса спросила хозяйка.

- Я... не имею права называть имя заказчика.

- В принципе, мне без разницы, - хмуро заметила женщина и еле слышно добавила, - только бы Алина нашлась.

Прежде хозяйка выделила мне уютный номер со всеми удобствами, потом пригласила на завтрак. Несмотря на охватившее «сыщика» - это я о себе - волнение, есть хотелось ужасно – в поезде я ограничилась стаканом чая.

Я была благодарна хозяйке и за предложенную паузу, позволившую мне собраться с мыслями, освоиться с новой «профессией», а также за простой и сытный завтрак, состоящий из яичницы-глазуньи, хлеба с маслом, сыра и крепчайшего кофе в маленькой чашечке. За кофе – отдельное гранд мерси, потому как после еды меня потянуло в сон: сказывался поездной недосып. Черт бы побрал этого храпуна!

За второй чашкой кофе Мартина завела разговор о своей троюродной сестре по материнской линии – мать Мартины и мать Алины приходились друг другу двоюродными сестрами.

Алинка росла тихим и нездоровым ребенком. Никогда не бегала, не прыгала – у нее был врожденный порок сердца. Мартина всегда ее опекала. Они жили в одном доме, в старой пятиэтажке, в соседних подъездах. После замужества Мартина переехала в Адлер, где супруг владел участком земли с заваляшкой, громко названной домом. Дом косился на бок и обещал в скором времени сложиться как карточный. Бойкая супруга взялась за дело – стала локомотивом, руководителем, муж – вагончиком, терпеливым исполнителем. Со временем прикупили соседний участок – расширились.

Алина с матерью перебрались на новую квартиру в хорошем доме. Откуда взялись деньги, Мартина не спрашивала, но мать Мартины как-то обмолвилась, что отец Алины расщедрился, помог с деньгами. Так ли это на самом деле, никто не знал.

Когда мать скончалась, Алина только-только окончила педагогический институт и пошла работать в школу. Все лето она проводила у сестры, в ее большом доме. Занималась с племянниками, по хозяйству не помогала.

Мартина усмехнулась:

- У Алинки руки не из того места растут.
- Какой предмет она преподавала в школе? - без интереса спросила я.
- Биологию. Но ясное дело – во всех науках была докой, все ж таки учитель, умела правильно донести до моих детей любую науку. Чтобы ребята были под присмотром, мы устроили их в школу, где Алина преподавала. Муж каждый день возил мальчишек в Сочи на занятия. Алинка спуску им не давала, спрашивала похлеще, чем с других учеников.
- Вы за нее на это обижались? – спросила я, уловив горечь в голосе Мартины.
- Она всегда была принципиальной, - сказала она, уйдя от прямого ответа на мой вопрос.
- Сколько вашим детям?
- В этом году школу закончили. У меня двойняшки – Арсений и Артемий, Сеня и Тема. Оба поступили в Новороссийский институт водного транспорта. Они у меня молодцы.
- Похожи друг на друга?
- Совсем разные. И внешне, и по характеру. Арсений, он старше брата на десять минут, выше его на голову и шире в плечах, он тяготеет к точным наукам. Темка у нас тонкий-звонкий, лирик. Однако оба решили поступать в один вуз.
- Жаль, Алина не знает об успехах племянников, - с сожалением заметила я.

- Скажу честно – она была бы сильно удивлена: всегда принижала их способности, не верила, что они успешно сдадут ЕГЭ и поступят в институт.
- У меня нет детей, поэтому мне сложно судить, но кажется, если детям постоянно говорить, что они бездари, они такими и останутся, если их хвалить, в меру, у них появится желание достичь успеха, перепрыгнуть через голову.
- Вот видите, вам это понятно, а Алине... Впрочем, не стоит обсуждать эту тему.
- Но почему вы не перевели детей в другую школу?
- В той школе ребята учились с первого класса, там хорошие учителя, профессионалы своего дела, они дают развернутые знания. Ведь мальчишки поступили в вуз без всяких репетиторов. Да, ребята всегда были очень подвижными, всегда были заводилами, в основном, конечно, Сенька, но Тема от него не отставал. Однако не отличались грубостью, не подличали, не подбивали одноклассников на «подвиги», напротив, стояли за справедливость. Алина Никитовна утверждала, что они ее позорят, что ей надоело выслушивать жалобы в их адрес. Какие жалобы? Не было ничего подобного!
- Тогда зачем она на них наговаривала?
- Сама не пойму. Может быть, из зависти. Что у меня есть муж, есть дети, пусть и немного шалопутные, но они ж дети. А у нее никого нет, кроме меня и моей семьи. Я ее жалела и не обижалась. К тому же она была не здорова, я старалась лишней раз ее не волновать. Сидит себе с книжечкой на веранде и пусть сидит. Не любила она шумных компаний, мужских ухаживаний тоже не любила?
- В смысле?
- В том смысле, что все мужики одинаковы – так она считала, похожи на ее безответственного папочку-предателя.
- Но подруги у нее были? – прикинулась я несведущей.
- Общалась она с двумя коллегами по работе, такими же старыми девами, как и сама. Те тоже ничего, кроме своей работы, не видели. Одна преподавала русский язык, другая - немецкий. Как

преподаватели они очень хорошие. Та, что русский преподавала, у моих мальчишек была классным руководителем. Она и как человек потрясающий. Понимающий.

- Не то, что ваша сестра, - вырвалось у меня.

- В тихом болоте черти водятся, - странным образом отреагировала Марина, заставив меня задать встречный вопрос. Но Марина вопрос проигнорировала, будто не услышала, а повторять мне расхотелось – результат будет прежним.

- Марина, скажите, Алина как-то объяснила, почему засобиралась в другой город?

- Никак не объяснила, поставила перед фактом, мол, уеду недели на две-три, как получится. Естественно, я спросила – куда и зачем? Алина отмолчалась, потом повторила – надо. Я высказала обиду – что ж я ей чужой человек, ведь не чужой, нельзя держать меня в неведении, я беспокоюсь и все такое... Тогда она выдавила из себя: надо помочь одному человеку. Я спросила, что за человек? Что за скрытность такая?!

- Как я поняла, ответа вы не услышали.

- Не услышала, - кивнула хозяйка. – Я задаю вопросы, а она сидит, смотрит на меня и как будто не видит и не слышит. Пустое место я. В тот же день Алинка купила билеты на самолет - туда и обратно, по интернету покупала. Билеты дорогие, потому и купила без проблем. Я еще спросила, откуда у нее такие деньжищи? Она усмехнулась и ответила: на командировочные гуляю. Ясное дело - ее поезду кто-то спонсировал. Тот, кому потребовалась ее помощь. Конечно, я высказала свое мнение – мне ВСЕ ЭТО не нравится! Пыталась ее отговорить, да где там, твердит, что надо помочь одному человеку. Надо и точка. Я вцепилась в нее клещами – что за человек, что у него случилось, почему она должна ему помогать, кто он ей, человек этот? Вдруг у него черная душа и мысли черные? Алинка только прикидывалась строгой и проницательной, на самом деле, дурочка доверчивая. Настоящей жизни не видела. Ее вокруг пальца обвести ничего не стоит.

- И что она ответила? Опять предпочла отмолчаться?

- Сказала, это хороший человек, ничего плохого не задумал, потому как мне не чужой. Ей – заметьте! Из чего я заключила, что она собирается замуж. С нее станется – тихоня. Я и так к ней подбиралась, и этак, а она – ни словечка. Тогда я ей – это мужчина? А она: почему мужчина, женщина. Проболталась, значит. И тогда все у меня сложилось!

- Что – всё?

- Как думаете, о ком я тогда подумала?

- О ком? – подобралась я, догадываясь, чье имя сейчас услышу.

- Есть у нее еще одна... родственница. Будто ближе меня, но на самом деле дальше не бывает – они никогда не виделись: это ее родная сестра по отцу. Говорю ж, папашка у них был еще тот фрукт – ходок, одним словом. Тут семья, там семья. Так и прижил дочек в разных городах. С матерью Алины он был не расписан, а с матерью ее сводной сестры состоял в браке. Но та женщина его тут же выперла, как только поняла, что за человек живет рядом с ней.

- Алина подтвердила вашу догадку насчет сестры?

- И не подтвердила, и не опровергла, из чего я заключила – я права. Алинка не нашла в себе силы нагло меня обманывать, решила, лучше промолчать. Я вцепилась в нее клещами: что ей от тебя понадобилось? Раньше знать тебя не знала, и вдруг... Алина отвечает: не имею права ничего рассказывать, потому как не моя это тайна. Вот вернусь, тогда все как на духу... - Мартина договорила фразу со слезой в голосе. – Как уехала она, так я ее больше не видела. И телефон молчит. Ждала неделю, ждала две, ждала три – как условились. Когда максимальный срок вышел, обратилась в полицию. Следователь попался такой... задиристый, но дотошный. Выяснил, что Алина, действительно, приехала в тот самый город, где жила ее сестра. Как оказалось, ее сестра скончалась. А Алинка пропала... Не хочу думать об Алинке плохое...

- В каком смысле?

- Вдруг она сестру... того, и теперь скрывается? – пролепетала Мартина без уверенности.

- Зачем Алине убивать свою сестру?

Ефимбахер помолчала, а потом скороговоркой проговорила:

- Я вам ничего не говорила, вы ничего не слышали.
- Проехали, - кивнула я. И уточнила, - значит, у вашей сестры Алины был врожденный порог сердца?
- Ну, да. Не сказать, что Алинка сильно жаловалась, но быстро уставала, и волноваться ей было совсем нельзя. Но последние лет пять она перестала ходить в больницу на профилактический осмотр, уверяла, что со здоровьем у нее все в порядке, а на людей в белых халатах у нее идиосинкразия: так они ей надоели на все годы. Я еще ругалась: эти люди в белых халатах тебя спасли!.. Я вот о чем тревожусь: вдруг она скоропостижно скончалась прямо на улице, тело поместили в морг, документов не было, родственники ее не искали, так и похоронили... горемыку в безымянной могиле... Как бомжа какого-то, - всхлипнула Мартина.

Я подождала, когда хозяйка успокоится.

- Последние лет пять Алина чувствовала себя вполне здоровым человеком, но до этого с ее здоровьем не все было в порядке. Она наблюдалась у кардиолога. Неужели доктор не настоял на смене профессиональной деятельности? Работа учителя – не сахар, постоянная психологическая нагрузка, волнения, переживания.
- Алина очень любила свою работу. Она умела абстрагироваться от проблем и переживаний. Я даже ей завидовала иной раз. Что-то случилось в школе, она поговорила и забыла. С учениками и коллегами отношения были ровными, не считая двух подруг, о которых я говорила. Но и с теми она особо не откровенничала. Среди учеников любимчиков не было, к озорникам и забиякам находила подход. Никого поедом не ела...
- Кроме ваших детей, - ляпнула я.
- Нормальные у меня дети, не пойму, чего она на них взъелась, - пробормотала Мартина без всяких эмоций.
- Может быть, хотела, чтобы ее племянники было лучше всех по всем показателям? Чтобы могла ими гордиться? – снова затянула я.

- Для гордости много не нужно, было бы желание. А если такого желания нет, а есть одно желание - мокнуть головой в унитаз... Ой, не хочу об этом говорить, - отмахнулась мать двух мальчишек.

Да, без зависти дело не обошлось. Или одинокая Алина Никитовна положила глаз на мужа своей троюродной сестры? Тот не обращал на нее никакого внимания, вот она и мстила ему через детей. Через супругу не сильно-то помстишь...

- Мартина, у вас есть фото вашей сестры?

- Конечно! Сейчас покажу. – С этими словами хозяйка исчезла в доме.

Открылась калитка, во дворе появился мужчина средних лет. Этаким крепыш-красавец. Он поздоровался и улыбнулся. Его глаза заискрились, как два бриллианта в ушах единственной наследницы богатого дядюшки, для которого она единственный свет в окне. Однако улыбка быстро погасла. А мужчина напряженно осмотрелся.

Почему-то я сразу решила, что передо мной хозяин дома. И не потому он вел себя... по-хозяйски... Сама не знаю, почему. Наверное, именно таким должен быть муж властной жены: крупный самец и подкаблучник в одном лице. Только сейчас я заметила за его плечами рюкзак, в руках он держал футляр, напоминающий тот, в котором киллер носит свое снайперское оружие. И чего только не придет в голову женщине с буйной фантазией?!

Из дома выскочила Мартина.

- О! Марик! Вернулся, наконец! Как рыбалка?

- Одна мелюзга. Отдал Витьке для кота.

- Мог бы своему коту принести, - с укоризной заметила Мартина.

- Наш кот привык к сухому корму, - с досадой заметил хозяин.

- Аксиныя Даниловна, познакомьтесь, это мой муж Марк, - опомнилась Ефимбахер. - Марик, а это Аксиныя Даниловна, частный детектив, она занимается поисками нашей Алины. – С этими словами она выставила на стол ноутбук. Марк сдержанно кивнул и сухо улыбнулся. Подкаблучник.

Только сейчас я подумала: почему Денис Полежаев не показал мне фотографию Алины Ялович. Наверняка, она размещала свои фотки в соцсети. Я была так уверена, что место Алены на время заняла ее сестра Алина, и для достоверности Алена изменила внешность (под Алину), что не додумалась задать Денису вопрос о фотографии. Самоуверенность – помеха в расследовании.

- Никак не соберусь пойти в фотоателье и напечатать фотографии. Всё храню здесь,- сказала Мартина, положив ладонь на ноутбук.

Как я уже заметила, у меня не было сомнений, что на фотографиях я увижу копию Алены, супруги Руслана Подопригора, только рыжеволосую и с короткой стрижкой. Поэтому принялась рассматривать фотографии без особого интереса. Так, для проформы.

И каково было мое удивление, если ни сказать полное разочарование, когда я увидела молодую женщину, некрасивую и неухоженную. Неухоженную, потому и некрасивую. Видимо, Алине было глубоко фиолетово, как она выглядит. Тусклые волосы до плеч непонятного цвета, скорее всего, невзрачно-русого, мешковая одежда, лицо без намека на косметику. Рядом с ней рядовая женщина без особых изъяснов выглядит красавицей – выигрышно!

Как оказалось, они с Мартиной похожи, недаром что родня, пусть и дальняя: и комплекцией, и формой лица, и ростом. Вот только у Мартины глаза озорные и бойкие, а у Алины взгляд тусклый и на всех фото недовольный. У Алены волосы русые до плеч, у Мартины – каштановые, во времена моей молодости ее стрижка называлась эссун. Очень подходит для круглолицых.

И где выдуманная мною Алина Никитовна Ялович, рыжеволосая красавица, похожая на свою сводную сестру Алену Подопригора? Где она? Я-то думала – лежит в земле сырой почти год, а выходит, что в земле сырой лежит кто-то другой... Хорошо, что не ляпнула Мартине с порога – не вывалила свои головоломки-догадки. С меня бы случилось – хотела показать свое всезнайство с гениальной проницательностью, но, благо, сама себя осадила.

Осадила и правильно сделала, не все мозги растеряла. Сработало предчувствие: грядут нестыковки, не всё так гладко, как кажется на первый взгляд. Дело гораздо сложнее.

Я смотрела на фотографию Алины Ялович строгим учительским взглядом, а Алина на меня - с ярко выраженным недовольством. Вероятно, фотограф-любитель, под которым я подразумевала хозяина дома Марка Ефимбахера, долго ее уговаривал, с трудом уболтал, но «делать глазки» и выставлять позы «модель» не пожелала. Кажется, она любила себя такую как есть – естественную. И еще в ее глазах читалось – ну, почему вы мне мешаете, почему не даете предаться одиночеству. Мартина, напротив, и глазки строила и кокетливо улыбалась в объектив.

Я взялась изучать фотографию Алины, где она была снята крупным планом, почти фотографический портрет, но без ретуши. С подобным бесцветным лицом выбирают моделей – на их лице можно нарисовать всё, что угодно. И получить другого человека. Я попыталась «дорисовать», наложить на образ Алины внешность Алены Подопригора, даже зажмурилась от усердия, в итоге пришла к выводу, что в этой жизни нет ничего невозможного: лишь бы за дело взялся гениальный гример... Или все гораздо проще - я не хочу уходить со своих позиций?

Мартина догадалась, что Алина отправилась к своей сводной сестре, чтобы оказать ей помощь. Ялович пренебрегла своей любовью к одиночеству во время летнего отдыха, продолжительностью почти в три месяца, которых ей, по-видимому, было недостаточно, чтобы насладиться тем самым одиночеством в обнимку с книжкой. Выходит, она была отзывчивой... или корыстной – сестра обещала ей хорошо заплатить за услугу.

И тут вмешивается маленькое, но весьма существенное «но»: Руслан Подопригора никогда бы не перепутал свою супругу с Алиной, даже если бы над ней поработал гениальный гример. Пластическую операцию Алина точно не делала: после всего должна была вернуться домой, приступить к работе, привлекая к себе ошарашенные взгляды учеников и коллег. Одними взглядами дело не ограничилось – за ними последовали прилипчивые вопросы – что, да как, да почему: от людского любопытства никуда не уйдешь, народ разный, в том числе и без комплексов, в том числе и в учительской среде. Допустим, Алине было глубоко плевать на пересуды, допустим, ей понадобилась пластическая операция на физиономии, в угоду сестре, выступившей спонсором, в этом случае, Алина отправилась бы в другой город в

начале лета, чтобы в нужное время предстать перед «супругом» в нормально-привычном виде.

Кажется, меня заносит.

- Мартина, скажите, Алина была отзывчивым человеком? - заинтересовалась я.

Хозяйка не удивилась моему вопросу, но ответила не сразу, отвлеклась на мужа Марка, который появился из дома свеженький, чистенький, выбритый, и подошел к нам. Видимо, супруга не хотела вести разговор при нем, поэтому быстро поставила перед ним хозяйственную задачу, и ему пришлось идти выполнять. Когда Марк скрылся за домом, Мартина сказала:

- Странно, но я никогда не задумывалась – отзывчивая она или нет. Наверное, потому что ни о чем ее не просила. Или было – один раз, когда надо было устроить детей в школу, где она преподавала. Я хотела, чтобы Алинка замолвила словечко, иначе их бы не приняли в первый класс – другой район. Да, что там район, считай, другой город. Алина исполнила мою просьбу, но с таким видом, что у меня отпало всякое желание просить о чем-то еще. Ее недовольный взгляд, ее перекошенные губы, я запомнила на всю жизнь.

- И все-таки приглашали ее в гости на все лето, создавали ей все условия...

- Перед смертью ее мать просила позаботиться о своей непригодной к жизни дочери. Как я могла ей отказать. Последняя просьба умирающего человека. Но мне было не в тягость. Даже спокойнее, если она здесь, рядом... Зря, я ее отпустила...

- Чем Алина занималась летом, кроме того, что читала книги? – спросила я, чтобы отвлечь Мартину от горьких мыслей.

- Когда Алинка приезжала к нам, то селилась в мансарде, на самом верху. Рано утром бегала на пляж, возвращалась, завтракала и... читала. Или с детьми занималась, если удавалось их уговорить. Но Алинка знала, как к ним подобраться... Об этом я уже говорила... Я вам помогла в расследовании?

- Честно? Я еще больше запуталась.

Мне показалось, что Мартина облегченно выдохнула: вероятно, она что-то увидела в моих глазах при первой встрече, решила, что я пришла с плохой вестью.

Выходит, что Руслан Подопригора похоронил... свою жену? Но что делать с моими снами? В одном Игорь Кардюкевич заявил, что женщина скорее жива, чем мертва, в другом сне началась игра гласными – выпадает, не выпадает, в третьем – девочка Оля искала свое второе «Я» - девочку Яло, из чего я заключила, что у Алены была девушка-двойник, которая скончалась от сердечного приступа в объятиях Руслана.

Я не уставала анализировать свои сны, постоянно выискивая подсказки.

Предположим, Алена на самом деле жива – все же я прислушалась к словам покойного Кардюевича, при этом пришла догадка, ни без помощи Лилии Михайловны Полежаевой, кто покинул автомобиль Кардюевича перед самым взрывом. Получается, в объятиях Руслана скончалась... еще одна сестра Алены, коих на необъятных просторах нашей Родины предостаточно благодаря любвеобильности папаши Ялович. Четко следуя снам, покойная носила имя, созвучное с именем Алена.

Я попыталась менять гласную «е» на другие. Выходила полная ерунда. Тогда я решила заменить заглавную букву «А». Получилось множество имен, не шибко распространенных. Я выделила одно имя – Элина.

Элина Ялович.

Придется снова прибегнуть к помощи Дениса Полежаева.

Мне не ясно вот что: куда подевалась Алина Ялович? Она прибыла в наш город, вероятно, по договоренности с сестрой Аленой, и бесследно пропала. Зачем понадобилась Алина, если роль была приготовлена для... Элины, к примеру? Что стало с Алиной? Устранили за ненужностью? Бред бредовый.

Алина исчезла. Элина умерла от сердечного приступа – а была ли она сердечницей? Вообще-то я бегу впереди паровоза: эта женщина пока существует в моем воображении, чересчур развитом. А что Алена Подопригора? Алена шатается по дому привидением, пугает мужа и

кормит его... галлюциногенами – назовем так. Полынью она его кормит, чтобы он лежал бревном недвижимым и никак не посягал на нее.

Без сомнения, привидением ходит Алена, супруга Руслана, которая хорошо знает дом, привычки мужа, владеет всеми семейными тайнами.

Моя голова пошла кругом: от идей, от молодых женщин с созвучными именами, похожих друг на друга, от Мартины, которая говорит и говорит и все о своей сестре, причем высказывает разнополярные мнения – то, какой она была замечательной, то перечисляет отрицательные черты характера...

Опять я вернулась к обманам-изменам: Алина была влюблена в Марка Ефимбахера, тот не стал себе ни в чем отказывать. Мартина узнала и устроила скандал. Выгнала сестру из дома, та в отчаянии уехала... куда глаза глядят. Глаза глядели в тот самый город, где проживает ее сестра. Зная отходчивость Мартины и ее беспокойный характер, Алина позвонила сестре перед отъездом и сообщила, что уезжает недели на две-три – как получится, чтобы помочь... Кому и в чем причина – утаила. Зачем? Чтобы показать, что есть люди, которые в ней нуждаются – не одна Мартина! Сочинила для повышения своей значимости. Уехала. Устроилась в отеле. Может быть, собиралась встретиться с сестрой Аленой – просто так, из любопытства. Но попала в историю, результат которой оказался для Алины трагическим.

Эх, сейчас бы завалиться спать, прежде четко сформулировав вопрос, и получить во сне ответы... Но в этом-то и проблема – сны сбоят, не отвечают ни на один вопрос, мне снится полная чепуха, бессвязная и не по теме.

- Как думаете, Алина жива? – вырвала меня из сумбурных размышлений Мартина Ефимбахер.

- У меня нет ответа на ваш вопрос, - после короткой паузы сказала я так тихо, что хозяйка меня не услышала. Но по моему лицу догадалась и завершила:

- Я очень надеюсь, что вы во всем разберетесь. - И похлопала по моей руке, лежащей на столе.

Я не сразу заметила, что по двору давно снуют отдыхающие, которые вернулись с пляжа и озаботились своим пропитанием. Я сослалась на усталость и скрылась в своем номере.

Сна не было ни в одном глазу. Видимо, сказывалось злоупотребление крепким кофе.

Я задумалась об Алене Подопригора, в девичестве Ялович. После неудачных браков она встретила надежного человека, полюбила его и вышла за него замуж, отбив у законной супруги – существенное замечание. При этом отбила – простите за тавтологию – у новоиспеченного супруга всякое желание ходить налево. Руслан человек деловой, бизнес занимал большую часть его жизни. В итоге Алене наскучило однообразие вместе с одиночеством – внимания мужа ей катастрофически не хватало. В результате нашелся мужчина – Игорь Кардюкевич, умевший приворожить любую женщину неумным вниманием и щедрыми подарками. Пускать пыль в глаза – это про него. Надолго ли хватало желаний пускать пыль в глаза – это другой вопрос. Судя по отношениям с дочерью Олега Шелудякова, Кардюкевич быстро загорался и быстро остывал. Отношения с Аленой, чужой женой, были на подъеме. Возможно, то обстоятельство, что она чужая жена, что не будет докучать круглосуточными приставаниями и требованиями, его подкупали. Но захотелось поиграть с огнем – он предложил Алене уехать на недельку. Алена согласилась, но призадумалась: что она скажет мужу? Вполне возможно, что предложение от Игоря поступило не за неделю до назначенной даты, или он вообще не указывал точный день – по усмотрению Алены. Та была осведомлена о грядущей командировке мужа, но рисковать не стала – призвала на помощь еще одну сестру, Элину (пока не уйду от новой идеи). Вот кто был рыжеволосой красавицей! Красавица прикинулась больной – с анафилактическим шоком якобы от краски для волос, оказалась на больничной койке. А потом ее неожиданно выпихнули домой, где случилось то, что случилось. В результате, Элина в земле сырой, Алина – неизвестно где, Алена мается и... тоже неизвестно где. Скрывается. Почему? Почему ей не вернуться и не открыться мужу? Рассказать обо всем откровенно, без грамма лжи. Руслан любит жену, он бы понял и простил, тем более, от великой радости, что супруга жива.

Однако, Алена Подопригора не спешит появляться пред светлые очи Руслана, она затевает непонятную игру, в центре которой находится ее супруг. С какой целью она затеяла эти чудные игрища? И что важнее - почему она затеяла? Для этого должна быть веская причина.

Скажу одно – только коварные женщины способны на терпеливую и долгоиграющую месть, с явно летальным исходом.

Получается, Алена сильно обижена. Чего ей такого страшного сделал Руслан? Кроме измены мне на ум ничего не приходит. Причем изменяет Руслан давно, на стороне прижил ребенка, что особенно ранит бездетную супругу Алену. Она боится, что муж ее бросит и уйдет к другой, с ребенком.

В этом случае, Алене было бы не до любовников, тут бы мужа удержать. Получается, мое предположение не верно.

Возвращаемся, к невниманию Руслана и одиночеству Алены, от которых Алене хочется выть. Нашелся спаситель - Игорь Кардюкевич, коварный соблазнитель.

Я Алену не оправдываю, но знаю одно - от хорошей жизни любовников не заводят.

Невнимание супруга – это дело десятое. На первом месте его постоянные измены, измены-однодневки, которые он даже не пытается скрыть.

Допустим, все так – Руслан гулял от жены направо, а она согласилась на ухаживания Кардюкевича, так сказать, алаверды из мести, повышение самооценки. Вполне разумная версия. Тем более, в прошлом браке Руслан так и поступал, потому первый брак и распался.

Теперь вернемся к Элине. Если на больничной койке лежала рыжеволосая красавица Элина, то, скажите на милость, в каком виде Алена собиралась возвращаться к мужу спустя неделю? Да-да, в каком виде она собиралась предстать перед супругом Русланом? Тоже собиралась изменить внешность под Элину?

Мужчины, по большей части, в тонкостях внешнего вида женщин полные профаны. Особенно, бизнесмены, с головой барахтающиеся в

своих сложных бизнесменских делах. Им до фонаря, по какой причине женщина решила сменить имидж. Им все ясно – от ничегонеделанья.

Я, конечно, тоже не спец, но мне известно, что нарастить волосы и вернуться к прежнему цвету сейчас не проблема.

Как выглядела Алена Подопригора, когда покидала автомобиль Кардюкевича? Ответа нет – на ее голове была косынка, со слов свидетельницы Лилии Полежаевой. И в моем сне тоже была косынка. И тату на щиколотке – важная деталь, позволившая мне понять, кто выскочил из квартиры тетушки.

Вернемся к взрыву автомобиля и гибели Кардюкевича. Почему Алена вылетела из внедорожника и вернулась в город? Разругалась с любовником и ничего не знала о готовящемся на него покушении? Или не ругалась с ним, была осведомлена о взрыве, потому и сбежала?

С того времени прошел год...

И что такое год? Кардюкевич «перешел дорогу» конкуренту много лет назад, конкурент, благодаря усилиям Кардюкевича, оказался на нарах – я так предполагаю, и затаил сердечную обиду, которую не вырубишь топором. Вынес все невзгоды тюремной жизни благодаря желанию отомстить, вышел на свободу и сразу приступил к выполнению плана.

Без сомнения, он наслаждался картиной гибели своего злейшего врага в «зрительном зале», поэтому не мог не заметить женщину в косынке, которой удалось избежать гибели. Женщина его сильно заинтересовала... Или Алена была знакома с мстителем, это он подослал ее к Кардюкевичу? Тогда все складывается – она специально затеяла ссору и сбежала. В противном случае ей дико повезло. О взрыве она все равно узнала и теперь боится мести человека, который убил Кардюкевича.

Глупая версия, скажем честно. То ли дело версия с пособничеством.

Бывший бандюган, он же бизнесмен, он же непризнанный зять Олега Шелудякова, он же сосед моей тетушки стал жертвой мести бывшего конкурента, о котором он и думать забыл, но тот не забыл ничего. Для начала собрал сведения о Кардюкевиче и вышел на женщину, его любовницу.

Почему Алена согласилась помогать врагу Кардюкевича? Потому что обходительный Кардюкевич устал носить маску обаятельного джентльмена и вернулся в свой привычный образ негодяя? Но не проще ли сделать ему ручкой и вернуться под крыло мужа, рядом с которым Алене гораздо спокойнее?

Эх, Кардюкевич, Кардюкевич, жил ты нехорошо и умер ужасно. Мораль – не подкладывай свинью конкурентам, не обращай с дамами, как с просроченным продуктом – месть тебя настигнет.

А если гибель Кардюкевича как-то связана с Олегом Шелудяковым? Олег утверждает, что никогда бы не стал марать руки о Кардюкевича. Но на кону будущее его горячо любимой внучки Верочки. За это можно сломать хребет кому угодно, тем более, человеку, испортившему жизнь дочери. Олег человек военный, пусть бывший, пусть летчик, но он обладает нужными знаниями о взрывных устройствах.

Опять меня заносит. Ну, всех, всех я подозреваю! Так нельзя! Людям надо верить.

Олег говорил, что у Кардюкевича появилась очередная гражданская жена. Получается, она получила отставку, когда на горизонте замаячила очередная жертва – Алена Подопригора.

Кажется, я сама себя закапываю в предположениях. На кой черт мне сдался Кардюкевич? Мне бы с Аленой разобраться, чтобы Руслан не дошел до ручки и с ее помощью не открыл дверь в мир иной.

Кардюкевич меня беспокоит по одной причине – боюсь связать его гибель с Олегом. Не хочу разочароваться в любимом мужчине. В кои-то веки полюбила и... получи фашист гранату. Это первое. Второе – Кардюкевич связан с Аленой Подопригора. Это именно она находилась в его машине.

На ум пришли слова Мартины. Я не прислушивалась к ее монологу, но старалась изобразить пристрастного слушателя, поэтому обрывки фраз достигали моего расплущенного ума:

- Иной раз думаю – нет ее в живых, - с печалью в голосе рассуждала Мартина, - а иной раз – жива, вышла замуж и не хочет со мной знаться. Специально все так провернула, чтобы я не нашла концов. Ладно я, но полиция... Год прошел. Пора бы поостыть, дать о себе знать. Душа моя

не на месте. Почему с работы не уволилась? Должна бы объявиться перед первым сентября. Не объявилась. Все ж таки работа у нее всегда была на первом месте... Раз не объявилась, но нет ее... Бедненькая, жалко ее-то как. Молодая совсем, ни замуж не успела выйти, ни детей родить... Мать ее, моя тетка, всегда говорила моей маме, что Алина ходит по лезвию бритвы. Так и говорила, подразумевая, что ее дочь может в любой момент умереть. Алинка не любила жаловаться, вообще, не любила говорить о своих сердечных проблемах, будто их и нет вовсе. Но я замечала и синеву под глазами и затрудненное дыхание от быстрой ходьбы. Предлагала ей поехать в столицу, в известный кардиологический центр, чтобы ее хорошенько обследовали, по необходимости провели бы операцию... Но последние пять лет Алина выглядела хорошо, не скажу, что вид был цветущий, но в этом она сама виновата... Вы ж видели ее фотографию – не красавица... Я успокоилась. Оказывается, болезнь не ушла. Всего лишь затаилась, чтобы напомнить о себе в самый неподходящий момент... Зря я не настояла на обследовании в столице... И еще ругаю себя за то, что не вытянула у нее правду – зачем она поехала к сестре? Что у них там произошло? Надо было лечь на пороге и не пускать ее...

- Алена надавила на родственные чувства - родные люди должны помогать друг другу, у Алены, кроме Алины, никого нет, вот Алина и согласилась, - ляпнула я тогда и подумала: почему Мартина уцепилась за сердечную болезнь, от которой могла скончаться ее сестра Алина? Или других причин не нашла? Убийство? Кому понадобилось убивать Алину Ялович, обычную учительницу биологии из Сочи? Женщину непривлекательную, зацикленную на книжках, небогатую.

- Вот и Алены теперь нет, - вздохнула Мартина. – Была бы она жива, может быть, что-то и рассказала о сестре, об Алинке моей...

Алена Подопригора. Кажется, рано ее хоронить. Она сама кого-то угодно закопает, проводит по известному адресу.

Что-то слишком много сердечниц, вам не кажется? Алена, Алина и, возможно, Элина.

Допустим, Алена винит себя в смерти сестры – одной или обеих. Или...

Если у Алены есть привычка «перекладывать с больной головы на здоровую», то она быстро нашла крайнего - супруга Руслана, из-за

которой она связалась с Кардюкевичем, из-за которого подставила сестру (?).

И этот человек говорил ей, что любит! А сам?! Сам принял чужую женщину за жену! Любящий мужчина узнает свою женщину с закрытыми глазами - по запаху, или на ощупь. А Руслану, как оказалось, все равно, кто с ним рядом! Он легко принял чужую женщину за свою жену. И это любовь?! Изменщик и косвенный убийца. Сексуальный извращенец!

Как-то так накручивала себя Алена. Потому и превратилась в привидение. Женская обида – страшная сила!

Разложенные по полочкам соображения мне понравились и немного успокоили.

О Кардюкевиче можно забыть. Алена выбрала его из множества других, чтобы отомстить мужу-предателю, но быстро опомнилась и передумала уезжать, чем спасла себе жизнь...

В тот же день я отправилась в обратный путь. Ночью опять не сомкнула глаз. Под ставшим привычным перестук колес опять размышляла над историями трех (?) сестер...

По приезду домой я сразу связалась с Денисом Полежаевым и поставила перед ним очередную задачу. Без всяких проблем нашла в Денисе абсолютное понимание.

Потом решила разработать план слежки за Русланом Подопригора. Но меня неотвратимо потянуло в сон. Противостоять жгучему желанию я не стала.

В большом зале ресторана проходила свадебная церемония. За выставленными буквой «П» столами сидели притихшие гости, из чего можно заключить – празднество еще только началось, народ еще не раздухорился. Во главе стола восседали молодые и пожилой мужчина, плечистый и бровастый. Мужчина с торжественным видом наблюдал за присутствующими, желая разобраться, какое впечатление он на всех производит. Народ относился к бровастому с

почтением и уважением. Наверное, важный гость был «посаженым генералом». Первое слово предоставили ему. Когда он заговорил, присутствующие перестали сомневаться кто перед ними: Генеральный Секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Он говорил, не прибегая к подготовленным текстам, как привыкли наблюдать народы всего Советского Союза. Однако все его фразы были казенными – без всяких чувств. Для начала Леонид Ильич вкратце описал международное положение: у капиталистов все очень плохо, у нас все очень хорошо, потом принялся доносить до сведения молодоженов значимую роль молодой семьи – ячейки общества - в построении развитого социализма. Гости внимали и изредка перешептывались, не забывая истекать слюной от многочисленных салатов и закусок, заполнивших праздничный стол. Наконец, пламенная речь борца за мир подошла к логическому завершению. Генсекретарь осторожно взялся двумя пальцами за ножку рюмки, наполненной прозрачной жидкостью, пригубил и воскликнул: «А ведь горько! Горько, товарищи?»

В восклицании затаился вопрос, сообразительные гости ответили дружным «Горько», некоторое время наблюдали за целующимися молодоженами, затем выпили и застучали столовыми приборами.

На сцену вышел Муслин Магомаев и запел песню, подходящую моменту: «Ах, эта свадьба-свадьба-свадьба пела и плясала, и крылья эту свадьбу в даль несли...»

Свадьба гуляла. Звучали тосты, слышался звон бокалов, молодые сидели с таким видом, будто проглотили аршин. На друг друга почти не смотрели, только целовались, когда их об этом просили. Жениху надоело сидеть без дела, он налил в рюмку водки и одним махом опрокинул в себя. Выражения лица невесты никто не увидел бы при всем желании – лицо закрывала вуаль или двухсторонняя фата, называй как хочешь. Только во время поцелуя, длившегося неподобающе коротко, жених слегка приподнимал вуаль и втискивался под нее. Потом опрокидывал в себя очередную рюмку крепкого напитка, как бы принимал лекарство для успокоения нервной системы. После очередного опрокидывания – без закуски – невеста положила свою ладонь на его локтевой сгиб. Он кивнул – все понял – и откинулся на спинку стула.

Вдруг свет в зале погас. Стало темно, как в норе мыши. Открылась дверь кухни, из дверного проема фонтаном прыснул свет, но дверь тут же закрылась, выпустив в торжественный зал женщину. В руках женщина держала блюдо среднего размера, на блюде высокой стопкой громоздились блины. Центр блинной стопки пронизывала одинокая горящая свеча. Пламя колыхалось при ходьбе, отражение огня бегало по настороженному лицу женщины. Ее взгляд впился в блюдо с блинами, как будто она боялась, что содержимое исчезнет. Женщина семеня ножками, подражая танцорам ансамбля «Березка». Семеня, она достигла места, которое заранее выбрала для себя - в «ногах буквы «П, после чего громко объявила:

- Сегодня проводы масленицы...

Ей не дал продолжить захмелевший жених:

- Мам, ты что, сейчас же лето, какая масленица. - Он приподнялся на стуле, но невеста схватила его за полу пиджака, и он рухнул на место.

- А я говорю – проводы масленицы! – твердо заявила женщина со стопкой блинов. И тебе, Арсений, лучше сидеть молча и не забывать – мать всегда права.

Гости не собирались оспаривать всегдашнюю правоту матери, но провожать масленицу в летнюю пору им было не комильфо: пусть все идет своим чередом, свадьба свадьбой, масленица в привычное время – в феврале. Нельзя соединять два повода в один. Народ загомонил, но всех быстро успокоил Генеральный Секретарь, со всей силы бухнувший кулаком по столу, отчего на столе звякнула посуда.

- Как мать жениха говорит, так и будет! – Он лихо поставил точку в едва разгоревшемся споре, - провожаем зиму, встречаем лето! Продолжайте, пожалуйста, товарищ Ефимбахер.

- Спасибо, Леонид Ильич! – с чувством отреагировала женщина-товарищ. – Спасибо вам за все, за наше счастливое детство, за то, что мы живем в такой прекрасной стране. Живет много лет без войны, хотя, империалисты... - Она осеклась, собралась с мыслями и продолжила, - так вот – мы провожаем зиму и встречаем лето,

поэтому угощайтесь блинами, дорогие гости. – С этими словами она поставила блюдо на край стола.

Народ не внял предложению, догадавшись, что зреет продолжение.

Товарищ Ефимбахер не заставила себя ждать.

- По обычаю мы должны сжечь чучело, чтобы...

- Мам, прекрати, - слабо возмутился сын, он же жених.

- Сеня! – цыкнула на него мать. В темноте она его не видела, помещение по-прежнему освещалось одинокой свечой с колыхающимся пламенем.

В руке женщины оказалась зажигалка, она чиркнула и появился дополнительный источник освещения. С поднятой над головой рукой с живым пламенем она обогнула стол и приблизилась к молодым. Цепко схватила свободной рукой запястье невесты, проговорила «не бойся, Алина» и двинулась в обратном направлении. Невеста по имени Алина безропотно потянулась за ней.

Вдвоем они встали в центре зала, мать жениха оставила в покое запястье новоиспеченной невестки, поправила на ней фату, придирчиво осмотрела белое платье. Что-то ей не понравилось в самом низу, пришлось присесть на корточки. Недолго думая, женщина поднесла пламя к низу платья, и платье тотчас охватило огнем. Огонь пожирал ткань, норовил добраться до фаты... И добрался. Невеста не двигалась и не издавала крика боли и отчаяния. Гости и жених завороченно смотрели на полыхающую женщину, не шелохнувшись. Только Леонид Ильич тихо посапывал, подперев щеку кулаком.

Неожиданно вспыхнул свет над головами гостей. Когда глаза привыкли к свету, гости поняли, что от невесты осталась лишь горстка пепла, да и тут товарищ Ефимбахер тщательно замечает в большой металлический совок с длинной ручкой из металлического прута с загнутым концом.

Леонид Ильич проснулся, поднялся и твердо заявил:

- Ее прах будет похоронен в Кремлевской Стене.

- Еще чего! – неожиданно для всех заспорила товарищ Ефимбахер. – Ее прах будет развеян над морем, чтобы от нее не осталось и следа.

Вытянув вперед руку наподобие шпаги, она прошествовала с совком к выходу. На ее лице повисло удовлетворение вместе с презрением.

- За что она ее так? – спросил Леонид Ильич тихим голосом, на который только был способен, обращаясь к жениху, успевшему опрокинуть в себя очередную рюмку водки, после чего ослабил узел галстука и вальяжно развалился на стуле.

- На то есть веская причина, - заплетаящимся голосом пространно ответил Арсений.

- Ну, тогда ладно, - кивнул Генеральный Секретарь, решил, что его миссия выполнена и тоже направился к выходу...

Я проснулась от запаха гари. Еще толком не вырвавшись из сонного бреда, я отчаянно принялась. Причем, не открывая глаз, как будто боялась увидеть обугленный труп на полу своей квартиры.

Запах походил на запах подгоревшего лука. Я слегка успокоилась и распахнула свои заспанные очи. Через распахнутое окно втискивался поток солнечного света, прихватив на всякий случай запах гари, желая произвести впечатление.

Я опустила глаза на свою голую ногу, на которой с комфортом расположился солнечный луч, собираясь выжечь на ноге клеймо.

Мне захотелось с кем-то поговорить. Лучше – с хорошим человеком. И я позвонила Олегу Шелудякова. Спросила, как дела. С беспокойством выслушала, чтобы втиснуться в паузу и поведать о своем сне. Когда образовалась пауза, я уже открыла рот и... сразу его захлопнула.

Но все-таки выдавила из себя дежурную фразу:

- Я рада, что у вас все хорошо.

- Что у тебя? – спросил Олег.

- У меня жизнь течет мирно и тихо. Что нового у Руслана?

- Мы с ним виделись накануне, при детях он не стал делиться новостями. Но судя по его виду, можно сказать, что...- Олег продолжил говорить шепотом, - что его никто не посещал. Он выглядит спокойным и уверенным.

- Вот и ладненько.

- Ксю, тебе удалось что-то выяснить?

- Я работаю над решением проблемы, но пока без особого результата. – Холодный тон показался мне неподходящим для общения с верным другом, поэтому я пожаловалась, - нет вдохновения.

- Я тоже по тебе скучаю. - Олег принял мой намек на свой счет и пригласил меня в гости.

- Ничего обещать не могу... По обстоятельствам... сориентируемся, - добавила я, перескочив мыслями на другое. Быстро попрощалась и забегала по квартире, размышляя над возникшей идеей.

Идея была проста: надо созвониться с моим знакомым следователем и обо всем ему рассказать. Ну, не совсем обо всем, а о бесследно пропавшей Алине Ялович. И о моем сне, естественно. Только он один, мой любимый следователь, как я его мысленно называла, игнорируя совершенно приземленные имя, отчество и фамилию, способен принять мои слова на веру. Потому как успел убедиться в моих вещих снах, в которых всего-то и нужно, как найти одну крохотную изюминку в большом пироге – убрать ненужное, наносное, найти подсказку и сделать правильный вывод...

Глава седьмая.

Медиум на доверии

Ранним вечером мы встретились с моим любимым следователем в кофейне, неподалеку от дома.

Сорокалетний мужчина, обладатель высокого роста и завидной внешности, никак несоответствующей – по моему разумению -

следователю следственного комитета, приковал к себе женские взгляды, переступив порог заведения.

Я пришла раньше назначенного часа и, завидев его в дверях, помахала рукой, чем вызвала пристальный интерес у присутствующих дам. Одни дамы быстро составили собственное мнение обо мне и отвернулись, а другие продолжали изучать, после чего их губы презрительно вывернулись коромыслом. Я догадалась, о чем они подумали: как такой классный мужик докатился до такой... старухи. Да, разница в возрасте десять лет – это отчаянно много.

Разница в возрасте...

Едва об этом вспомнив, я перескочила на тему, волновавшую меня: неужели у Алины Ялович была связь с Арсением Ефимбахером? Он школьник, она учительница, и не просто учительница, а троюродная сестра его матери, седьмая вода на киселе, но сути дела это не меняет...

Между тем мой любимый следователь преодолел расстояние от входа до столика и пристроился на стуле напротив меня. Я заметила его усталое лицо, обозначившиеся носогубные складки и напряженный рот.

- Я хочу заранее извиниться, что оторвала вас от важных дел. Но мне больше не к кому обратиться, - расшаркалась я, изобразив подобие глубокого покаяния: губки уточкой, бровки домиком, глазки с неземной поволокой.

- Я вас внимательно слушаю, Аксиныя Даниловна, - дал он мне понять, что времени у него в обрез.

- Закажите что-нибудь? Здесь варят отличный кофе, а к кофе подают свежайшую выпечку.

Мужчина сглотнул: явно, голоден, как тысяча волков в зимнюю пору. Сейчас бы навернуть тарелку борщеца с пампушками, да пару котлет с горкой пюре, а потом можно и выпечку с кофе, да побольше – того и другого. Одной выпечкой такой красивый-здоровенный сыт не будет. Но раз борщец с котлетами в данном заведении не подают, то приходится довольствоваться булками-пирожками.

Сделав заказ, мужчина в бодрым ожиданием уставился на меня, сцепив пальцы в замок.

Я не стала испытывать его терпение и начинать с предисловия, сразу поведала об Алине Ялович, уроженке Сочи, которая пропала в нашем городе год назад. Рассказала о своей поездке, о разговоре с троюродной сестрой Алины, с Мариной Ефимбахер, не затрагивая тему Руслана Подопригора – пусть думает, что ко мне обратился кто-то из родных или знакомых Алины.

Протараторила, выдохнула, собралась с духом и пересказала недавний сон без всяких творческих отступлений, только факты. Можно подумать, странные события мне привиделись не во сне, а я присутствовала на торжественном мероприятии, закончившемся так трагично... Трагично, смотря для кого...

- Из этого я могу заключить следующее, - без паузы начала подводить я итоги, - Алина совратила своего племянника Арсения. Тот решил вкусить прелести секса со взрослой женщиной, потом дал ей отставку. Алина уговаривала, грозила, рыдала, но парень был непреклонен. Тогда она начала ему, а заодно его брату Артемию, мстить доступным ей способом – оговаривала, убеждала коллег занижать оценки, обещала устроить мальчишкам сладкую жизнь в выпускном классе. Мать мальчишек не могла понять, что происходит. Я пока не знаю, кто открыл ей правду, но думаю, что Артемий, он менее стойкий, властная мать имеет влияние на детей и мужа, а на младшего сына – особенно. Женщина была убита новостью, не откладывая на потом, призвала к ответу сестру. Между ними произошла ссора. Сердечница Алина переволновалась и внезапно скончалась... Или сестра в порыве гнева ее пришибла, опомнилась и... кремировала труп. А прах развеяла над морем.

- Но вы сами сказали, что Алина Ялович прибыла в наш город, заселилась в гостиницу, ушла на прогулку и пропала.

- Я вот что думаю: никакая Алина сюда не приезжала. Марина знала, что она собирается в поездку, когда произошло выяснение отношений с фатальным исходом, Марина, как чрезвычайно сообразительная особа, нашла собственную выгоду в данном обстоятельстве. Она поехала вместо сестры, прихватив с собой ее документы, тем самым

запутала следы. Стараниями Алины вышло, что якобы Алина прибыла в чужой город и бесследно исчезла. Была гражданка Ялович и сплыла. Могу предположить, что следствие по делу исчезновения зашло в тупик. Что хочешь, то и думай – то ли Ялович жива и где-то скрывается, мотивы ее поведения никому не ясны, то ли ее убили, а тело до сих пор не обнаружено. Кого угодно можно обвинить в потенциальном преступлении, только не троюродную сестру Мартину Ефимбахер, которая единственная стала бить во все колокола.

- Сестры очень похожи? – спросил мой визави, расправившись с двумя пирожками с повидлом и двумя булочками. На опустевшую тарелку он поглядывал с неприкрытой ненавистью.

- Сестры? Не одно лицо, но внешнее сходство имеет место быть, - выпалила я без долгих раздумий, тоже косясь на пустую тарелку. - А если спрятать глаза под дымчатыми очками, нанести умелый макияж, нацепить парик и одежду свободного кроя, спрятав под ней фигуру, - рассудила я, вспомнив бесформенный сарафан Мартины, в котором она была в день моего приезда на улицу Павлика Морозова, - то фиг поймешь, кто есть кто. Любой женщине известны подобные уловки, а при необходимости, когда «пламя лижет пятки», еще и не то сподобишься... Чтобы спасти собственную шкуру, - уверенно добавила я, растеряв последние сомнения.

- Ну, в принципе, это возможно, - изучая кофейную гущу на дне чашки, промолвил мужчина. Вскинул на меня хитрый взгляд, и сказал, - улики против гражданки Ефимбахер нет? Нет. Чистосердечных признаний ждать от нее стоит? Не стоит, потому как улики против нее нет. Что делать?

- Надо добиться от нее признательных показаний, - проблеяла я.

- Не подскажите, каким образом? – вкрадчиво спросил следователь. Ни издевки, ни подвоха в его вопросе я не услышала. Ответить мне было нечего. Он вздохнул и устало произнес, - нечем нам прижать ее к стенке. Не-чем. Кому ж захочется на нары по собственному желанию.

- Но вы можете проверить, покидала ли Мартина наш город поездом или самолетом. Если сюда она приехала по документам сестры, то возвращалась уж точно по своему паспорту.

- Знаете, Аксинья Даниловна, если бы на вашем месте сидел кто-то другой, я бы покрутил пальцем у виска и ушел, не дослушав.
- А если бы на вашем месте сидел кто-то другой, я бы не решилась пересказывать свои сны и высказывать догадки. Только вы способны принять моим слова на веру...
- Потому что я убедился на прошлом примере – от ваших слов нельзя отмахиваться...

Три дня я не могла ни о ком думать, как только о Мартине Ефимбахер. Время шло, моя уверенность таяла, как мороженое в креманке под жаркими лучами июльского солнца. В итоге меня накрыла волна отчаяния, прихватив запоздалый стыд. Да, мне было стыдно перед занятым человеком, которого я вовлекла в свои сети, используя в качестве приманки собственную уверенность, что уголовное дело - висяк - может быть раскрыто и отправлено в архив.

Чтобы окончательно не свихнуться и не натворить еще каких-нибудь дел, я почти не спала, так, урывками и без сновидений. То я сомневалась в причастности Мартини к убийству сестры – все-таки сестра, родная кровь, то опять возвращалась к уверенности - ради собственного сына мать готова на любые жертвы-поступки.

Наконец, на четвертый день позвонил мой любимый следователь и назначил встречу в той же кофейне, не дав никаких объяснений. Но объяснения мне были не нужны: раз хочет встретиться, то есть тема для обсуждения, мои умозаключения он бредом не считает. В противном случае, «раздал всем сестрам по серьгам» и невежливо попросил больше его не беспокоить.

Однако мое волнение никуда не ушло. Я пришла в назначенное место на сорок минут раньше, выпила две чашки кофе и зачем-то осушила стакан гранатового сока, от которого в животе кто-то ожил и заурчал. Чтобы задобрить этого, сидящего в животе, я бросила ему пирожок с яблочным повидлом, и он затих. После чего начала таращиться в окно, чтобы не пропустить того, кого так сильно ждала и, если честно, побаивалась, несмотря на мысленные уговоры и вялую уверенность.

На улице накрапывал дождь. Потом дождь усилился. Я испугалась, что мужчина не придет...

Не тот он человек, чтобы не сдержать слово.

Дождь взялся за тщательную помывку большого окна кофейни, заслонив от меня водяным потоком редких прохожих и вереницу тянувшихся по магистрали автомобилей. Я различала только силуэты, расплывчатые и в то же время жалкие.

Жалкой была я: глупая тетка, дергающая за нитки занятых людей, вкладывающая в их головы свои безумные мысли.

Если бы не проливной дождь, я бы точно сбежала. Ноу меня не было зонта, а промокнуть насквозь и заболеть совсем не хотелось.

Или лучше вымокнуть до нитки, заболеть, чем выслушивать резкие слова от человека, которого я боготворю, которого, пусть ошибочно, считаю своим другом.

Неизвестно, до каких «задушевных» мыслей я бы дошла, но тут в помещение проник ОН. Тотчас заметил меня, готовую провалиться сквозь землю, и резвой походкой двинулся в нужном направлении, имея непроницаемое лицо, практически броню, разрушить которую я была не в силах. Впрочем, чего уж теперь играть в разгадки.

Из посетителей в кафе находились всего две пожилые женщины, но и те проводили заинтересованными взглядами завидного кавалера. Их реакция на мою скромную персону меня не волновала, я впилась взглядом в лицо-броню, силясь понять: опростоволосилась я, и это мягко сказано, или попала в «яблочко».

Успела оценить редкие капли на мужском пиджаке и заключить - следовательно прибыл на машине и припарковался совсем близко от входа.

Первое же произнесенное слово позволило мне выдохнуть.

- Спасибо вам, Аксинья Даниловна, без вас это дело так и осталось бы висяком. Мои коллеги выражают вам благодарность.

- Мартина созналась? Неужели? - не поверила я.

- Сначала делала круглые глаза, грозилась написать жалобу вышестоящему начальству, прокурору, дойти до президента. Но быстро сникла, когда ей предъявили билет на поезд, следовавший из нашего города в славный город Сочи. Даты тоже совпадают.

- И написала чистосердечное?

- Не сразу. Попыталась спихнуть на проделки недругов-завистников, которые решили ее оклеветать, однако ей не повезло со следователем, очень опытным человеком, докой в своем деле, психологом. Он долго слушал ее пламенную речь, когда она притомилась и взяла паузу, он так тихо, даже миролюбиво, но вкрадчиво и вдохновенно, спросил у нее: «И как вы собираетесь СО ВСЕМ ЭТИМ жить? Разве вы не знаете, что жизнь – это бумеранг, что рано или поздно горе, которое вы принесли другим людям, вернется к вам. И ладно бы к вам, вы это заслужили, но к вашим родным. К вашим детям. Им то за что? Облегчите душу и вам это зачтется». Мартина тотчас сдулась и во всем призналась.

Алина Ялович совратила Арсения, когда тому исполнилось шестнадцать. Любовная связь продолжалась почти год, потом Арсений полюбил девушку, свою ровесницу. Молодые люди начали встречаться. Ялович не хотела отдавать молодого любовника. Когда он четко дал понять, что возвращения к прошлым отношениям не будет, Алина решила отомстить. Далее, как вы и говорили. Несовпадение в одном - Мартина узнала о связи сына Арсения с ее троюродной сестрой не от другого сына Артемия, а от мужа Марка. Однажды Марк увидел Сеню вместе с Алиной. Они страстно целовались. Сын скрылся с «места преступления», а его возрастная возлюбленная заявила, что Сеня набросился на нее, а она только собралась... хм... противостоять, как появился Марк. Марк, естественно, не поверил ни одному ее слову. Тогда Алина «созналась», что их отношения далеко не зашли, что дело ограничилось одними поцелуями, и, на всякий случай, клятвенно пообещала, что впредь ничего подобного больше не повторится. Марк обозвал ее грубым словом, и отправился к сыну, желая выяснить, что на самом деле происходит между ним и его теткой. Вероятно, Арсений подслушивал под дверью или тетка успела его предупредить по телефону – чтобы версии совпали, поэтому Арсений подтвердил ее слова. Марк, зная крутой нрав своей супруги, побоялся открыть ей правду, случайно открывшуюся его глазам: как бы самому не попасть

под раздачу, еще заподозрит и его в связи с озабоченной одинокой женщиной. Однако с сыном поговорил жестко. Тот обещал не приближаться к Алине на пушечный выстрел.

- Идиотизм какой-то.

- Согласен, - кивнул мужчина. - Другой бы на его месте выгнал бы лихую родственницу из дома, оградил от нее своих детей, да и супруге рассказал все как на духу, глядишь, на этом всё бы и закончилось. Разрыв отношений лучше, чем смерть одной и тюрьма для другой.

- Мог бы пойти в школу и поговорить с директором о поведении учительницы Ялович. За связь с учеником она бы вылетела с работы пулей.

- Тоже верно. Но Марк рохля. В этой семье настоящий мужик – Мартина.

- Мартина решила выяснить, что происходит, когда тетка начала гнобить племянников? – уточнила я. - А до этого она ни о чем не догадывалась?

- Мартина заверила, что она не могла и мысли допустить, что ее сестра способна совратить мальчика. Мальчик Арсений влюбился в свою ровесницу, как я уже говорил, дал возрастной возлюбленной отворот-поворот, та взялась за угрозы, но парень не сдался, напротив, стал открыто показывать свои чувства к другой. Алина Никитовна Ялович съехала с катушек, разработав коварный план мести. В коллективе она пользовалась заслуженным уважением. Благодаря усилиям Алины Никитовны, ее каждодневной клевете, на мальчишек Ефимбахер ополчился весь педагогический состав. Целеустремленная мать, никогда не пасующая перед трудностями, решила докопаться до истины и понять, откуда «ноги растут». С какой-то стати ее сыновья вдруг попали в немилость. На мать вылили ушат помоев, она вернулась домой и разрыдалась от обиды, возмущения, несправедливости, от жалости к детям. Муж никогда не видел свою супругу в таком состоянии, совершенно отчаявшуюся. Она жалела детей и ругала себя последними словами: не так воспитала, что-то упустила... Марк не вынес ее слез и обо всем рассказал. Мартина сначала не поверила, потом сопоставила факты и кое-какие собственные наблюдения, оставшиеся в тени, и

пришла к выводу: она была слепа! Не откладывая дела в долгий ящик, пригласила в гости сестру Алину, говорила с ней бархатным голосом, чтобы та ничего не заподозрила. Алина приехала без всякой опаски, напротив, собиралась обрушиться на обоих племянников с удвоенной силой, поведать об отвратительном поведении и неприлежном отношении к урокам, об употреблении наркотических средств и распитии спиртных напитков в подворотнях. Рассказ об употреблении наркотиков подтвердил огульность обвинений, терпение Мартины лопнуло. Она заявила: «Это все клевета!» Алине бы удержаться от споров и поскорее унести ноги, но она вошла в раж, после чего взбешенная Мартина перешла к рукоприкладству. Мартина женщина крепкая, и рука у нее тяжелая. От удара Алина отлетела в другой конец комнаты, ударилась головой и затихла. Затихла навсегда.

- А где был Марк?

- Мартина сказала, что Марк на несколько дней уехал на рыбалку. То ли на самом деле был на рыбалке, то ли хочет отмазать.

- И что было дальше? – спросила я.

- Когда Мартина поняла, что ее сестра мертва, она несколько не раскаялась в содеянном, а сразу подумала о своем давнем ухажере, который работает в крематории. Позвонила ему и попросила о помощи.

- То, что она обратилась за помощью к своему бывшему воздыхателю, говорит о том, что Марк, действительно, был не в курсе трагедии.

- Возможно. Под покровом ночи бывший воздыхатель приехал к Мартине на раздолбленной «Буханке». Вместе они загрузили тело Алины Ялович в автомобиль. На следующий день Мартина получила урну с прахом своей сестры. Следователю Мартина рассказала, что поступила «гуманно» - не выбросила прах в канализацию, а развеяла прах над морем. После чего отправилась в наш город по документам сестры, преобразив собственную внешность... Зачем Алина Ялович собиралась приехать в наш город – на этот вопрос у Мартины Ефимбахер нет ответа.

- Неужели?! - вскинула я брови.

- А у вас, Аксинья Даниловна, готов ответ? - спросил следователь, игнорируя мое восклицание. - Ну-ну, не надо от меня ничего скрывать. Неужели я не заслужил вашего доверия?

- Заслужили, - согласилась я, ерзая на стуле.

- И?

- Но это... ммм... не моя тайна... Но вы заслуживаете моего доверия... Вы всегда... правильно истолковываете мои... эээ... сны....

- Ни без вашей точно-направленной подсказки, - польстил мужчина, прожигая меня напряженным взглядом, хотя, на его устах повисла мечтательная улыбка. От этого несоответствия я покрылась испариной, но последние сомнения улетучились. Как ни крути, а долг платежом красен.

Пришлось сбивчиво поведать о проблеме Руслана Подопригора. О его покойной (?) супруге Алёне, которая, что фантастически подозрительно, приходится сводной сестрой по отцу убиенной Алине Ялович.

- Вы предполагаете, что Алина Ялович собиралась приехать в наш город по просьбе сестры Алёны, – тщательно выговаривая слова, высказался следователь. - Но с чего вдруг Алёна к ней обратилась, если, как я понимаю, сестры не общались?

- Вот и я думаю, зачем Алина Ялович ей понадобилась, если они никогда не встречались, только знали о существовании друг друга? – сощурившись, пробормотала я. Посидела в полной задумчивости и обреченно добавила, - вероятно, тайна ушла вместе с сестрами, и об этом мы никогда не узнаем.

- Почему же, есть еще один человек, вовлеченный в эту тайну благодаря своему несгибаемому напору, - выдержав паузу, сказал мужчина с беспечно-напускным видом.

- Аааа, все-таки я была права! - возмутилась, напугав двух пенсионерок, мирно потягивающих кофе и уплетающих пирожные. – Нехороший вы человек, - осуждающе покачала я головой. – Решили устроить мне проверку?

- Ну, вот такой я, - развел руками следователь и одарил меня сногшибательной улыбкой, под действием которой я простила ему все прошлые и будущие хитрости.

- Значит, Мартина Ефимбахер? Она источник информации? - на всякий случай спросила я, догадавшись.

- Она.

- А мне Мартина говорила, что Алина не сказала ей перед отъездом ни словечка... Хотя... Мартина много чего мне наговорила, а я и уши развесила.

- Не скромничайте, Аксинья Даниловна, - осадила меня мужчина.

- И все-таки, что сказала Мартина?

- Алина долго скрывала причину, побудившую ее отправиться к сводной сестре, но от Мартины так просто не отделаешься. Оказывается, сестры, Алёна и Алина, общались по телефону, не так часто, но раз в месяц – точно. Однажды Алёна позвонила сестре и рассказала об очередном выкидыше. Та возьми и ляпни – можно найти суррогатную мать... Алёна уцепилась за эту фразу и предложила сестре стать суррогатной матерью ее ребенка. Все-таки родная кровь. Однако Алина отказалась, сославшись на врожденную болезнь сердца, но добавила, что сердце ее давно не беспокоит. Алёна уговорила сестру приехать, лечь на обследование. И если проблем со здоровьем врачи не выявят, они продолжат начатый разговор о суррогатном материнстве. Алина согласилась, сестра рассказала о радужных перспективах – будет жить достойно, в любви и заботе, не только во время беременности, но и после. Семья Подопригора обеспечит ее до конца жизни.

- Просто удивительно, что обе сестры оказались сердечницами. Только одна знала о проблеме, а другая даже не подозревала... Или...

- Или?

- Или Алёна жива-здоровая и никакой мистики нет как нет, или... - повторила я прицепившийся «союз», понизила голос и продолжила, - Алёна мертва, а под ее видом действует некое третье лицо, преследующее свои загадочные цели. Я ставлю на месть Руслану.

- А вы с самого начала верили во всю эту муть с призраками?
- По правде? И да, и нет. Сначала я думала, что место Алёны заняла ее сестра. Теперь я знаю, что сестру убили в августе прошлого года, когда весь сюжет и закрутился. Выходит, что анафилактический шок имел место быть, что Алёна тоже умерла. Тогда кто пытается медленно свести с ума Руслана Подопригора?
- Почему сразу свести с ума? – передернул плечами следователь. – Возможно, этот кто-то пытается убедить Руслана, что ему нужно забыть свою покойную супругу. И чем скорее, тем лучше для его же блага.
- Как... забыть? В смысле... заново жениться?
- Верно – жениться. С появлением новой супруги видение исчезнет. Начнется новая счастливая жизнь.
- Ох, как вы правильно заметили - новой женой вышибить п...привидение, - слегка заикаясь, пробормотала я. - Но Руслан не станет жениться на первой встречной, избранница должна его заинтересовать и доказать свое... умение...
- Избавлять от привидений? - хмыкнул мой визави.
- Но вы же сами...
- Сам! – подтвердил он.
- Но как мне вычислить... эту женщину? Думаете, она ходит у него в любовницах? Это ее рук дело?
- Аксинья Даниловна, - с легким осуждением вступил мужчина, - я несколько не сомневаюсь, что у вас есть очередная версия.
- У меня? Версия?... Была, - поникшим голосом сообщила я. – Мой сон с похожими женскими именами и выпадающей буквой привел меня к Алине Ялович. Когда я увидела фото Алины, я пришла к выводу, что есть еще... одна сестра, чье сходство с Алёной Подопригора очевидно. Поиграв с выпадающими буквами, я решила: третья сестра по отцу носит имя Элина. Предположительно, с фамилией Ялович. Ялович – фамилия отца девушек... И тут вышел полный облом. Один мой знакомый, который уже помог мне в поисках Алины, сообщил, что найти человека с таким именем и фамилией ему не удалось.

- Я могу попытаться, но ничего не обещаю.
- Буду вам признательна.
- Аксинья Даниловна, а вы уверены, что Алёны Подопригора нет в живых? - напустил туману следователь, чтобы я не расслаблялась.
- Теперь – да. Недавно мне приснился короткий сон. Алина Ялович и Алёна Подопригора сидят на облаке и весело хохочут. Они не дали мне ни одной подсказки, но я поняла, что две сестры встретились там... - Я указала пальцем в небо, вернее в потолок кофейни. Следователь проследил за моим пальцем, потом снова перевел взгляд на меня. - Но был еще один сон, - после паузы призналась я. – Один человек, ныне покойный, сообщил, что женщина, под которой я подразумевала Алёну Подопригора, жива. Переосмыслив... весь этот бред, не побоюсь этого слова, я пришла к выводу, что речь шла о другой женщине, похожей на Алёну. Хотя... Я ее толком не рассмотрела. Только татушку в виде парящей чайки. На щиколотке. По тату один знакомый, которому я пересказала свой сон, опознал Алёну. Допустим, эта женщина, из моего сна, мечтает занять место покойной супруги Руслана, поэтому сделала такую же татуировку, чтобы ввести Руслана в заблуждение.
- А потом? Вывести тату, чтобы Руслан ничего не заподозрил?
- Я слышала, бывают временные тату, - отстраненно проговорила я, переключившись на рассказ Руслана. – Это... «привидение» знает много чего такого, что знали только двое – Руслан и Алёна. Так сказать, интимные подробности их отношений. Откуда любовнице Руслана, мечтающей сменить статус, знать об этом?.. Или Алёна была близка с этой женщиной?.. Они были дружны?.. Или это ее очередная сестрица?.. Черт бы побрал их любвеобильного папеньку! У меня голова идет кругом от этих Алён, Алин, Элин... - вспыхнула я.
- Вам надо отдохнуть и хорошенько выспаться, - похлопал меня по руке следователь.
- Я боюсь... кошмаров, - призналась я.
- Хлопните на ночь сто граммов коньяку – снимите стресс и ложитесь спать.
- Если бы все проблемы можно было решить сто граммами коньяку...

Я долго себя уговаривала, но все же опрокинула в себя одним махом рюмку горячительного напитка, прислушалась к себе, налила еще и опять выпила. По телу разлилось приятное тепло.

Я не стала бороться с нахлынувшей благодатью и завалилась спать. Продрыхла до рассвета, наступившего в шесть утра. Если учесть тот факт, что голова преклонилась на подушку в восемь вечера, то продолжительность сна составила десять часов. Не хило.

Радовало или огорчало – пока не разобралась, что мне ничегошеньки не приснилось. Или я просто не вспомнила. Пока.

На повестке дня была слезка за Русланом Подопригора. Я должна вычислить его любовницу, которая жаждет стать законной супругой, уверовав объект вожделения, что только с ее появлением исчезнут все страхи.

Эта особа должна быть из окружения самой Алёны Подопригора, ныне покойной. Вдовец никак не может забыть ее, продолжает любить и страдать.

Однако, странную тактику выбрала эта хитромудрая мадам. Наверное, она лучше знает Руслана, чем кто-либо.

Вставать в шесть утра и начинать слезку за Русланом я посчитала неправильным, поэтому снова устроилась в кровати и закрыла глаза. Десять часов сна – это не предел. К тому же серость утра призывала к лени и бездействию.

Однако организм взбеленился и спать отказывался. Я отыскала на полке старый детектив, сюжет которого позабыла, и взялась за чтение, надеясь отвлечься от разных мыслей.

Главных действующих лиц я лихо представляла в образе Руслана Подопригора и его супруги Алёны. В их жизни, в жизни главных героев, появилось третье лицо – знакомый из прошлого, взявшийся им мстить. Герои никак не могли отнести печальные события последнего времени к появлению старого знакомого: ничего отвратительно-мерзкого, как им казалось, они ему не делали. И нет бы умным людям хорошенько пораскинуть своими умными мозгами, сравнить свою жизнь,

устоявшуюся и практически бесппроблемную, «до и после», а они зациклились на первом муже супруги главного героя, недавно покинувшем места не столь отдаленные, и понеслось-поехало.

Мне наскучило давиться чужой глупостью, я захлопнула книгу и сладко потянулась. Сон подкрался незаметно, через минуту я тихо посапывала.

Проснулась я, когда солнце только-только начало выползать из-за горизонта и с любопытством осматривать окрестности. Часы показывали начало восьмого – всего-то: а я думала, что уже полдень.

Я попыталась вспомнить, что мне приснилось, с удовлетворением подумала – ничего, опять Малевич, но вдруг вспомнила: опять приснились две сестрички, Алёна и Алина, которые на этот раз предстали в образе двух бабочек с красивыми крылышками, которые порхали с цветка на цветок.

Пустой, ничего не значащий сон.

Удовлетворение мигом сменилось разочарованием.

Я двинула на кухню, отыскала в морозильнике стаканчик пломбира и принялась за завтрак. Ничего, кроме мороженого, мне не хотелось.

После пломбира я все-таки решила выпить кофе без сахара. Только я взялась за чашку, как позвонил мой любимый следователь. С чего бы вдруг?

Он надумал мне сообщить, что никакого криминала в смерти Алёны Подопригора нет. Молодая женщина действительно скончалась от остановки сердца. Сказались сильные переживания последнего времени. Чтобы в этом убедиться, он изучил уголовное дело, которое быстро завели и так же быстро закрыли за отсутствием состава преступления, несмотря на то, что муж покойной настаивал на тщательной проверке.

- Удивлены? – спросил следователь после короткого рассказа. Вот прицепился!

- Нисколечко, - чистосердечно ответила я без всякой злобы. – Теперь начну искать того, кому выгодно «развлекать» Руслана Подопригора.

- Если что – обращайтесь...

- Добрый мальчик, - пробурчала я, отключившись. – Мог бы и сам проявить инициативу. Или подсказать что-то...

И почему он ничего не сказал об Элине? Забыл или такой женщины в природе не существует?

Перезванивать и уточнять, мне не хотелось.

На повестке дня несчастный вдовец.

Чтобы следить за Русланом и выявить круг знакомых женского пола, мне нужен автомобиль. Обращаться к Олегу я не стану: во-первых, не хочу посвящать его в свои сыщицкие дела, во-вторых, он отвечает за жизнь Андрея, сына Руслана, которому может грозить опасность. В чем лично я начала сомневаться: хитромудрой особе нужен папенька, а его сынок, постоянно проживающий с матерью, ее мало волнует, он – не помеха на пути к ее личному счастью. Но бежать впереди паровоза, доказывать, что сын – не помеха, а потом рвать на себе волосы, если с Андреем случится беда, я не собираюсь.

Итак, мне нужен автомобиль с водителем. Можно вызвать такси и раскатывать на нем день-деньской, объяснив водителю, что слежу за неверным мужем моей дочери, чтобы доказать ей за какого нехорошего человека она вышла замуж, не послушав мудрую мать. Но мне данная затея не нравится. Лучше обратиться к знакомому, предупредить, что его труд будет оплачен... Остановка за малым – кому звонить?

Я принялась перебирать знакомых мужчин, подрабатывающих частным извозом, вспомнила мужа одной моей коллеги, которого уволили по сокращению штатов. Он то мне и нужен.

Я взывала к справедливости – только бы он не сменил род деятельности, только бы он согласился. Его услугами я пользовалась не часто, и всегда находила отклик. Так вышло и на этот раз.

Звали водителя Михал Михалыч. Был от тихим, неразговорчивым и нелюбопытным – что самое главное.

Мы договорились, что Михал Михалыч подъедет к моему дому к пяти часам. Не думаю, что бизнесмен Подопригора работает от звонка до звонка, и ровно в шесть его выкидывает из здания, как остальных, не

особо трудолюбивых работников, не обеспокоенных карьерой. Кое-какими сведения я разжилась у Олега, постепенно вытягивая информацию о его младшем товарище, чтобы Олег ничего не заподозрил: вдруг подумает, что я подозреваю Руслана в чем-то неблагоприятном.

Мне известно, что руководитель чаще всего находится в головном офисе, расположенном в центре города, в старом здании постройки середины пятидесятих годов прошлого века. Производство находится за пределами города, а еще две «поглощенных» фирмы раскиданы в разных концах города. Руслан бывает и тут, и там, но к концу рабочего дня всегда сидит в своем кабинете в головном офисе.

День я посветила генеральной уборке, чтобы не шататься из угла в угол и не мучить себя вопросами, на которые у меня пока не было ответов. Потом сходила в магазин, закупились продуктами, причем в таком диком количестве, как будто собралась засесть безвылазно в четырех стенах на целый месяц. Учитывая постоянное отсутствие аппетита продуктовых запасов мне хватит месяца на полтора. Успокаивал тот факт, что срок хранения консервов и замороженного мяса не ограничен.

Разобрав сумки, я сварганила легкий овощной супчик, похлебала его, водя глазами по строкам очередного литературного шедевра, опять же из старых запасов, слопала мороженое, на этот раз залив его малиновым вареньем, взглянула на часы и стала собираться в путь-дорожку. Зачем-то нарядилась во все черное, как будто собиралась грабить запоздавших прохожих на пустынных улицах ночного города. Но с удовлетворением отметила, что черный цвет мне идет, в одеждах темных тонов я выгляжу стройняшкой.

Михалыч подкатил ровно в пять. Я села в автомобиль, и мы поехали на улицу Садовую. Трехэтажное здание с большими окнами, отреставрированное и выкрашенное в светло-желтый цвет, походило на владение человека с титулом дореволюционного времени. Впрочем, всё это моя дикая фантазия. Чтобы как-то убить время, я начала представлять себе благородных мужчин в цилиндрах, фраках, узких брюках-лосинах, лакированных штиблетах и с тростями в руках, которые важно покидали свои экипажи. Вслед за ними из экипажей

выплывали величественные дамы в широкополых шляпах и с неизменными мохнатыми веерами в руках, в платьях с корсетами, с широкими юбками и атласными туфельками на ножках. Шелест платьев, запах дорогих сигар, цоканье копыт, восторженные голоса, улыбки, игра глазами...

Боже, как это здорово!

Я очнулась, повертела головой, оценила бредущую по тротуару молодежь в наушниках и с телефонами в руках, в джинсах, толстовках, кроссовках. Бабулек с кошелками на колесах. Озабоченных собственными проблемами теток, неухоженных и несчастных... И мне стало грустно. Спрашивается: кому на Руси жить хорошо?

Захотелось пофилософствовать, но Михалыч не был расположен к диалогу, лишь хмыкнул и отвернулся. Ну, и ладно, помолчим.

Отъехала одна створка большой деревянной двери. На улице появился охранник в униформе. Он постоял на пороге, поиграл плечами – размялся, и снова скрылся в здании.

Время близилось к шести. Скоро народ повалит из офиса. Интересно, когда соизволит отправится на покой глава фирмы.

Его автомобиль стоял на парковке, специально предназначенной для служебных машин. За рулем маялся водитель.

Дверь выпустила наружу привлекательную молодую женщину в деловом костюме. На ее плече болталась сумочка, в руках женщина держала кожаную папку. Она что-то говорила человеку, который задержался внутри, рядом с дверью. И тут появился ОН – Руслан Подопригора, в твидовом пиджаке с налокотниками из замши, джинсах, синей сорочке и кожаных туфлях. Никаких тебе дорожных костюмов от кого-то там, все стильно и демократично. Продолжая переговариваться, они направились к автомобилю Руслана. Я непроизвольно взглянула на часы, как будто мне предстояло писать отчет о слежке за объектом. До конца рабочего дня оставалось пять минут.

Едва машина руководителя выехала со стоянки, из здания повалил рабочий люд.

- Кот из дома, мыши в пляс, - резюмировала я и приказала Михалычу следовать за престижным автомобилем немецкой марки «Ауди».

Не сказать, что проезжая часть была запружена автомобилями, но мы оказались позади на пять машин. Как бы не упустить. Сообразительный Михалыч, поднаторевший в таксистском деле, вывернул, завернул, подкатил. Теперь нас разделся всего один автомобиль. Так мы и ехали в таком порядке некоторое время. Следуя за Русланом, мы оказались за пределами города. Я решила, что он отправился на производство с очередной проверкой, а деловая мадам в деловом костюме его зам или главный бухгалтер.

Пропилив десяток километров, «Ауди» припарковалась возле загородного ресторана с загадочным названием «Весенний водоворот». Руслан и его дама покинули салон автомобиля и вошли в ресторан. Следовать за ними я не решилась. Но уговорила сделать это за меня терпеливого Михалыча. Тот нанес проверочный визит, и быстро ретировался.

- По ходу, у них там деловая встреча. Их уже ждали двое представительных мужиков, - доложил он, возвратившись. – Что будем делать? По ходу, они там надолго.

- Поехали обратно.

- В смысле, опять на Садовую?

- Нет, Михалыч, вези меня домой.

Мы тихо-мирно тянулись по шоссе в веренице автомобилей, возжелавших окунуться в городскую стихию, пока я не заметила знакомый указатель.

Черт, в этом коттеджном поселке загородный дом Руслана!

Я предложила Михалычу свернуть к поселку.

Мы оказались на уже знакомой мне улице. Пристроили машину на противоположной стороне, через два дома от дома Подопригора. Выбрали этот дом не случайно – окна не светились, из чего я заключила, что хозяева ночуют в городе, поэтому вопросов у них не возникнет. Как бы не возникли вопросы у Руслана, который заметит незнакомый автомобиль.

Я открыла окно, вдохнула свежий вечерний воздух, пропитанный жухлой листвой с мизерной долей костерного дымка – все-таки кто-то нарушает запреты! Вспомнила свое пионерское детство, сразу захотелось печеной в золе картошки, горячей, необыкновенно вкусной, чтобы посыпать крупной солью, жадно есть, пачкаясь и смеясь при этом.

Есть захотелось до головокружения. То же мне, сыщик-любитель, могла бы озаботиться провиантом, бутербродов накрутила на себя и на того парня – на Михалыча. Тоже, небось, голодный. И пить охота.

Михалыч будто прочитал мои мысли – откуда извлек термос и протянул на заднее сидение, где с комфортом расположилась я.

- Милка моя чайку с лимончиком заварила. Вкусный чаек, пей Аксинья Даниловна.

- Спасибо.

- У меня и котлетки есть. Рыбные. Будешь?

- Рыбные? Буду! Обожаю рыбные котлетки.

Мы слопали по котлете, красиво уложенной на толстый кусок хлеба, запили чаем с шоколадкой. Жить стало легче, жить стало веселее.

Уличные фонари ярко освещали проезд, дом Руслана Подопригора лежал как на ладони. Самого Руслана пока не было. Время близилось к одиннадцати. Ровно в одиннадцать свет померк – остались сиять только два столба с фонарями.

- Электричество экономят, что ли? – шепотом спросил Михалыч, словно выдавал секретную информацию.

- Так даже лучше, нас никто не заметит, - так же шепотом произнесла я и повертела головой. В поле зрения попали два большим светящихся глаза.

- Кто-то сюда едет. Небось, твой, - доложилась водитель, имея в виду Руслана.

- Не мой он, Михалыч, - парировала я без объяснений.

- Не твой, так не твой, - удовлетворился ответом мой водитель.

Да, это был Подопригора. В салоне он был один – когда проезжал мимо нас я без труда его рассмотрела. Его водитель куда-то делся.

Ворота открылись, автомобиль вкатил на территорию загородного дома. Ворота с легким шумом сомкнулись.

Михалыч заерзал на своем месте, предполагая, что мы тронемся в обратный путь. Какая-то закавыка внутри меня заскреблась, намекая, что следует повременить с обратной дорогой. Я ласково похлопала водителя по плечу. Не знаю, о чем он подумал, но сразу расслабился. Даже глаза прикрыл, как мне показалось. У меня, напротив, сонную негу сняло как рукой. Я пожалела, что я не сова, что не умею видеть в темноте. Жаль, фонарь у дома Руслан тоже погас. Но во дворе светло почти как днем. Свет вываливается наружу, за пределы участка, оставляя в тени часть возле высокого ограждения.

Прошел час. Потом еще один.

Михалыч тихо посапывал. Окна в доме давно погасли. Только по-прежнему освещался участок. Может быть, так удобнее охраннику контролировать территорию.

По дороге пробежал кот. Остановился возле нашей машины, поднял лапу и оправился возле колеса. После чего вальяжно повернул назад, будто только за этим и приходил, можно подумать, другого места не нашел.

На небе висела серповидная луна в окружении светящихся точек. Тишина стояла такая, что я подумала - потеряла слух. Но в опровержении этого неподалеку мяукнул кот, потом рванул через кусты, разбавив тишину резким шуршанием.

Мое зрение сегодня было не хуже совиного – я заметила тень, крадущуюся возле забора. Тень преодолела чужой участок, достигла участка Руслана, провернула ключ в замке, прошмыгнула внутрь. Калитка тихо закрылась. Я выпрыгнула из машины и за секунду преодолела нужное расстояние.

Размазалась по калитке и замерла. Я отчетливо слышала два голоса – мужской и женский. Но не могла разобрать, о чем они говорят. Один голос принадлежал охраннику, так мне показалось. Тому самому,

которого мне довелось видеть при первом и последнем визите в этот дом.

Значит, охранник «в деле», о чем я подумала еще тогда, когда Руслан говорил о «расписании». Я сложила дежурства и догадалась, что «привидение» является как на работу – сутки через трое, лишь с той разницей, что сутки заменяются ночами.

Потом все стихло.

Я вернулась к машине. Принялась наблюдать за домом, надеясь заметить хотя бы что-то. Но или портьеры были плотными, или «привидение» передвигалось в темноте, поэтому меня никак не порадовало.

Я металась в предположениях – что мне предпринять. Но чувство самосохранения удерживало меня на месте. Этак влезу я сейчас, сломаю чужую игру, стоящую свеч, меня стукнуть по темечку, отвезут в лесополосу и закопают. А заодно и Михалыча, ни в чем не повинного: он вообще не в курсе, что, зачем и почему.

Я набралась терпения.

Ждать пришлось недолго, какой-то час в небольшом, но и этот срок показался мне чудовищно тягучим.

Некто проскользнул наружу. Мне удалось увидеть бесформенную фигуру на ножках. Ножки быстро семенили и удалялись прочь. Я решилась покинуть теплый салон и последовала на этом некто.

На параллельной улице его поджидал автомобиль. Бесформенное на ножках скользнуло на водительское сиденье, автомобиль заурчал и покатил от меня, набирая скорость. Водитель рисковал и двигался «на ощупь» - не включая ни дальнего, ни ближнего света. Поэтому мне не удалось рассмотреть ни марку автомобиля, ни тем более, номера.

Я рванула назад. Растолкала Михалыча и приказала двигаться наперерез ускользающему от меня «привидению». Повезло, что Михалыч спросонья неплохо соображал.

Вылетев с улицы, я заметила вдали темный силуэт четырехколесного большого таракана, который набегал на освещенную трассу. Набежав, прибавил скорость и понесся к городу. Мы – за ним.

Когда мы приблизились на расстояние, визуально-удобоваримое, преследуемый автомобиль развернулся и рванул в обратном направлении. Михалыч нажал на тормоза, я едва не впечаталась физиономией в лобовое стекло, но успела выставить руки.

- Пристегиваться надо, - прошипел Михалыч, лихо делая разворот на сто восемьдесят. И тут машина заглохла.

- Нас заметили, - выдохнула я, потрясая в воздухе ушибленными ладонями и выжидательно глядя на водителя.

Несколько попыток и машина, наконец, завелась.

Но как мы не пытались отыскать автомобиль с «привидением» за рулем, у нас ничего не вышло. Автомобиль испарился.

Мы отделились от города на несколько десятков километров, несясь на всех парах и нарушая все мыслимые и немыслимые правила, развернулись, проверили две лесополосы, стоящие на пути – вдруг враг затаился среди деревьев.

- Михалыч, ты что-нибудь понимаешь? – спросила я испуганно, словно мы оказались в бермудском треугольнике, где пропадает все живое и неживое.

- Давай, Даниловна, рассуждать так: если бы он ехал по трассе, мы бы его обязательно нагнали; если бы он затаился где-то, все равно бы заметили, выходит, что он вернулся в поселок, из которого мы выехали, что маловероятно, потому как ему незачем передвигаться по поселку на автомобиле к нужному дому, только внимание лишнее привлекать. Шел бы себе пешочком и шел.

- И что? – проблеяла я с превеликим ожиданием гениального открытия.

- Думаю, надо проехать через поселок и поглядеть...

- Что поглядеть?

- Вдруг за этим поселком есть какой-нибудь населенный пункт.

- А зачем же он тогда...

- А затем! - не дал мне продолжить Михалыч. – Мы с тобой такого шороха навели, что он догадался – за ним «хвост». Решил проверить. Убедился. Пока мы то, се, он успел унести ноги.

- Колеса... Унести колеса – он же на машине передвигался, - пояснила я, выказал свою завихренную сообразительность.

Мы последовали предложению Михал Михалыча.

Медленно проехали по поселку, мирно спящему и не подозревающему о коварстве привидений, потом покатали по проселочной дороге, подсвечивая ее фарами, дабы не сломать шею.

- Здесь бы его мигом догнали, - пробурчал водитель, - здесь шибко не разгонишься...

Под мягким светом серповидной луны нам навстречу выплыло небольшое озерцо с засохшим камышом по краям. Жабики наслаждались собственным пением, рыба уверенно плескалась, презирая одинокого рыбака, восседающего в надувной лодке посередине озера.

Михалыч заглушил мотор, вышел из машины, почесал репу и вернулся назад.

- Хотел у него спросить, да кричать нельзя: рыбаки – народ тонкой организации, им тишина и покой нужны, а лишние вопросы им ни к чему. Сами разберемся.

Преодолели озеро, перевалили через косогор, и нам отрылась идиллическая картина спящей деревушки.

- Что и требовалось доказать, - блаженно щурясь, произнес Михалыч, как будто он схватил за руку возмутителя нашего спокойствия.

- И вечный бой, покой нам только снится, - обронила я, догадавшись, что с поисками не все так просто. Если только нужный нам человек не вывесит на воротах табличку с надписью: здесь живет привидение.

Но границы местонахождения сбежавшего «привидения» обозначены, и то неплохо.

Что-то мне подсказывает, что в этом поселке живет одна личность, мне пока не представленная, о которой слышана от Руслана.

Елизавета Карловна, домработница.

Однако к Руслану приходит молодая женщина, внешнее сходство которой с покойной Алёной просто удивительно. Или не удивительно

– грим, мастерство и желание претворить свой план в жизнь творят чудеса.

Остается выяснить, есть ли у нее дочь...

Оказавшись дома, я приняла ванну, выпила две чашки кофе, а потом решила потревожить господина Подопригора. Время приближалось к шести.

Увы, он ничего не знал о родственных связях своей домработницы. Но ему всегда казалось, что женщина одинока. Как она выглядит? Низкорослая, приземистая, но подвижная и энергичная. Возраст? Слегка за пятьдесят. У нее дом в соседнем поселке, неподалеку, он об этом уже говорил.

Да, он говорил и об этом и еще о том, что все привычки Алёны известны Елизавете Карловны как никому другому. Близких подруг у Алёны не было, но поделиться с кем-то своими тайнами ей хотелось. Кто под рукой три раза в неделю или чаще? Домработница. Тихая приветливая женщина, добрая, душевная, способная терпеливо выслушать и понять.

Значит, Елизавета Карловна Швед.

Не думаю, что в данном случае мне сильно поможет Денис Полежаев, трудолюбивой женщине некогда сидеть в соцсетях, выкладывать о себе все подробности.

Против доброй душевной женщины автомобиль с «привидением», спрятавшийся в поселке, где она проживает. С кем проживает? Одна? Может и одна, может и нет. Дочь навещает мать, вместе они разрабатывают план по «пленению» завидного жениха Руслана Аркадьевича Подопригора.

Вот тебе и мокрые полотенца, вот тебе и расческа с волосами Алёны, вот тебе и пеньюары в пятнах кофе, тапочки и тому подобное. Ответ лежал на поверхности, но внезапно все ослепли и не заметили.

Руслан доверяет Елизавете Карловне как себе, поэтому не мог допустить мысли о ее участии в темных делишках. И зачем ей? Сам доверял и нас сумел убедить.

Но я сразу подумала о том, что надо побеседовать с домработницей...

Или все-таки потревожить очередной раз Дениса Полежаева? Авось, что-то выгорит.

Или обратиться к моему любимому следователю? Пусть наведет справки о Елизавете Карловне Швед, выявит круг ее родных и знакомых.

Предположим, следователь выполнит мою просьбу, предоставит мне список интересующих меня лиц. И что я стану делать с этим списком? Есть несколько вариантов ответов: прибегну к помощи Дениса, преклоню колени перед следователем – пусть действует дальше, раз уж начал, или займусь списком сама, начну ходить-бродить-изучать-опрашивать. Если список велик, то все выше сказанное займет достаточное время. Что произойдет с Русланом Подопригора за время хождений и т.д. бооольшой вопрос.

Отсюда вывод: для начала надо встретиться с гражданкой Швед и мирно с ней побеседовать. Что-то мне подсказывает, что о моей миссии ей известно от самого хозяина. Елизавету Карловну считают своим человеком в доме, обо всех каверзах и действиях «привидения» ей известно, Руслан сам предлагал обратиться к ней за подтверждением его слов.

Если Елизавета замазана в этом деле по самое не хочу, но она выдаст себя неосторожным словом, взглядом, опрометчивой репликой. Для меня главное - увидеть ее, составить о ней собственное мнение, пораскинуть мозгами и лечь спать с ожиданием подсказки. Я не буду сверлить женщину рентгеновским взглядом, намекать о своих догадках, изображать медиума на доверии, я просто с ней поговорю по душам, услышу ее мнение о вещах, творящихся в доме, на том мы и расстанемся, изображая дружбу на век.

Сегодня была среда – рабочий день для Швед. Вести разговоры в загородном доме Руслана мне не хотелось, а хотелось окунуться в атмосферу закрытого пространства Елизаветы Карловны. Вещи, обстановка больше говорят о хозяйке, чем ее рассказ с автобиографией.

Придется отложить визит на завтра. А сегодня я навещу Олега. Давно мы с ним не виделись, я успела соскучиться. А он – не знаю.

На всякий случай я ему позвонила и предупредила. Олег откликнулся с жарким желанием. Я купила торт, коробку конфет, куклу для Верочки и отправилась в гости...

Давно я так прекрасно себя не чувствовала в компании, но всему хорошему рано или поздно приходит конец. После четырех часов общения, я распрощалась и отправилась домой.

Не успела далеко отойти и услышала, что меня окликнули. Это был Олег.

- Ксю, как-то мы расстались... холодно, - пробормотал он, приблизившись ко мне.

- С чего ты взял? – удивилась я, наполненная до краев душевной теплотой.

- Я, наверное, не так выразился. Мне показалось, ты что-то не договариваешь, на все мои вопросы отвечаешь улыбкой. Отмалчиваешься. Я понимаю, не все так просто с делом Руслана, но ты могла хотя бы намекнуть, есть ли подвижки... Я мог бы помочь... Я волнуюсь за тебя, Ксю.

Он взял меня за руки и поводил ими туда-сюда, словно мы тотчас бросимся исполнять народный танец. Меня ударило током от его горячих рук, мягких, ласковых. Глаза Олега смотрели на меня с ожиданием, оправдать которое я не могла. Я должна разобраться во всем самостоятельно. Если бы Олег был свободен от обязательств перед Русланом, не стал бы личным охранником Андрея Подопригора, я бы еще подумала. Это мне так кажется, что Андрею ничего не грозит, я выработала свою тактику, похожую на тактику моих летних занятий, во время каникул, когда я выбирала задачки «по своим зубам», легко их решала и еще похвалялась перед матерью. Ломать голову над задачами повышенной сложности, маяться и убивать дорогое время, которое можно потратить на более важные детские дела, мне совсем не хотелось.

Так и здесь – назначила виновных, отступить шаг влево-вправо не желательно. Когда все заранее известно, тогда легко и просто. Еще бы иметь на руках доказательства, но в этом мне поможет мой долгожданный сон.

Но после посещения Елизаветы Карловны Швед!

Неожиданно для себя я ляпнула:

- Как поживает Алла? Давненько мы с ней не виделись.
- Алла? А причем здесь Алла?
- Как это при чем? Ты же...
- Ну, продолжай!
- Нет, ничего... Как-нибудь потом обсудим.
- Ксю, дай мне слово, что не будешь рисковать. И прошу тебя: прежде чем что-то предпринять, посоветуйся со мной.
- Олег, мы ж не в детском саду, чтобы давать клятвы. А обещать я тебе ничего не буду, потому что я никуда не хожу, ни с кем не встречаюсь, сижу сиднем дома и жду. Но мне, увы, ничего не снится.
- Аксинья Даниловна, - официально обратился ко мне Шелудяков, не поверивший ни одному моему слову, - вам не кажется, что вы слегка заигрались, тем самым подвергаете опасности свою жизнь?!

Да, врать я никогда не умела. И в моем возрасте не стоит учиться.

Однако я все равно стояла на своем, при этом взялась убедительно тархтеть:

- Надеюсь, ты не забыл, почему ко мне обратился Руслан, причем по твоей подсказке...
- А об этом сильно сожалею, - вставил Олег.
- Руслан не побежал в полицию или к частному детективу, потому что сам не верит в происходящее вокруг него, не хочет стать посмешищем в глазах других. Я пытаюсь ему помочь. Обдумываю ситуацию, ставлю вопросы. Но пока, увы, все мои старания не дали результата.
- Что рассказала домработница? Она подтвердила слова Руслана?
- Зачем мне с ней разговаривать, если я полностью доверяю словам твоего друга. Что нового она может мне сообщить? - удивленно передернула я плечами и сделала честное-пречестное лицо.

Не произнеся больше ни слова, чтобы не проколоться, развернулась и зацокала каблуками по тротуару. При этом мысленно ругала себя за ложь, а заодно и за неудобную обувь, которую нацепила, идя в гости к мужчине, который... мне не безразличен.

И всё равно! Спрашивается, чего так вырядилась, как будто на великосветский прием?! Олег сейчас смотрит мне вслед и кривится от моего неумения ходить на каблуках, от моей тяжелой походки... Почему юбка путается в ногах? У других не путается, а у меня путается. Надела бы брюки, сунула ноги в удобную обувь, тогда бы и походка была легкой, и чувствовала себя в своей тарелке.

Не скажу, что я торопилась оторваться от мужчины, напротив, я вышагивала по тротуару неспешно, надеясь, что он меня нагонит, что-то скажет, я отвечу, завяжется непринужденная беседа – не по теме моего расследования, в результате расстанемся добрыми друзьями, коими мы и являемся друг для друга.

Он не догнал. Я не вернулась. Он обиделся. Я обиделась. Почему? Сама не знаю. И он, вероятно, не знает. Или не обиделся, а просто очумел от моей выходки. Или решил, что я... строю из себя... медиума на доверии. Что за глупое сочетание ко мне прицепилось?!

Кто такой медиум? Это связующее звено между мирами – материальным и духовным. Я себя таковым не считаю, несмотря на мое «умение» общаться во сне с людьми, которых уже нет.

Что означает «на доверии»? Я слышала о мошенниках на доверии, вся деятельность которых строится на обмане. Они преследуют цель ввести человека в заблуждение, побудить его к определенным действиям. Мошенники на доверии выбирают конкретное лицо и умело действуют на его психику, располагают к себе, постоянно обращаются к нему по имени, хвалят, дарят подарки. Человек, подверженный таким наскокам, теряет бдительность, плавится под лестью и его в легкую обводят вокруг пальца.

Как-то так я собираюсь поступить с Елизаветой Карловной Швед, чтобы она потеряла бдительность и обронила неосторожное словцо. О ком, о чем – будет видно. За это словцо я схвачусь двумя руками, а потом случится то, чего я жду с таким нетерпением.

Выходит, могу считать себя медиумом на доверии...

Прежде чем отправится в гости к Швед, я долго думала, чем бы ее одарить. Кроме сладостей к чаю, мне ничего в голову не приходило. Но торт – это банально.

Я зашла в пекарню неподалеку от моего дома и купила свежее испеченного печенья, а в книжном магазине – женский роман. Действовала по наитию.

Потом позвонила Михалычу и уселась на скамейку в ожидании такси.

Михалыч подкатил через десять минут, за это время я успела продегустировать печенье, которое мне очень понравилось – в нем всего было в меру.

Адрес я заранее узнала у Руслана, но не уточнила, когда собираюсь отправиться к Елизавете Карловне для разговора, напротив, постаралась убедить, что дело не срочное, чтобы Руслан не сдал меня Олегу, и Олег «не сел мне на хвост».

По дороге я на всякий случай оглядывалась, но ничего подозрительного не заметила. Михалыч, заметив мои уловки с незаметным оглядыванием, кривил рот и подергивал головой. Однако не проронил ни слова за всю дорогу. Повезло мне с водителем.

Затем призадумалась: надо ли ехать к домработнице Руслана Подопригора, если судьба подкинула мне несколько подсказок? Если им следовать, то я просто обязана приказать Михалычу развернуть автомобиль и ехать домой, причем чем скорее, тем лучше. Но я старательно отмахнулась и сочла подсказки... невразумительными, что ли.

Во-первых, с раннего утра меня разбудил звонок в дверь. Пришла соседка снизу и заголосила – я ее заливаю, дескать с потолка ручьем льется вода. Я пребывала в объятиях своего сна (о нем расскажу чуть позже), поэтому не сразу сообразила, чего от меня добиваются и с глупым видом тарасилась на потолок в прихожей, топчась у двери в ночной сорочке и в накинутом впопыхах халате.

- Да не здесь, - взвилась бойкая особа средних лет, отпихнула меня от двери и протиснулась в кухню.

В моей кухне с потолка сочилась водица, нашедшая лазейку в полу и достигшая этажа ниже.

- Вот же гад! – воскликнула соседка, на всех парах выскочила из моей квартиры и полетела вверх по лестнице.

Я не припустила за ней, поскребла указательным пальцем по макушке – привела в действие мыслительный процесс - и не нашла ничего лучше, как захлопнуть дверь и взяться за тряпку. Пусть сами разбираются, я - звено передаточное, причиной аварии не являюсь. Вскоре вода перестала капать с потолка, видимо, разъяренная соседка вставила мозги нарушителю спокойствия, который по обыкновению включил воду и забыл. Его раковина всегда была полна грязной посуды. Эх, лень матушка!

Потом последовала еще одна подсказка судьбы - я забыла переобуться, вышла из квартиры в тапках. Возвращаться – плохая примета, это известно всем. Чтобы день удался, а возвратиться за чем-то важным необходимо, надо посмотреться в зеркало. Но я и этого не сделала, обдумывая предстоящий разговор с домработницей. И ладно бы в голову пришло что-то умное, так нет.

Выйдя из подъезда, я проводила взглядом наглую черную кошку, величественно переходящую мне дорогу. Я поплевала через левое плечо, стиснула пальцами пуговицу – примета такая – и двинула по своим делам.

Итак, я имела целых три подсказки судьбы, твердо намекающих, что визит необходимо отложить, а еще лучше – отменить.

Кто бы слушал эти подсказки! У кого-то лень вперед родилась, а у кого-то - упертость и завышенное самомнение с убойным наплевательством.

Теперь о странном сне – других не держим, который дал явный намек.

Я шла по полю, мои волосы трепал ветер.

Ветер усиливался и закрывал солнце огромной тучей. Начал накрапывать дождь. Дождь усиливался, я куталась в плащ и придерживала двумя руками норовящий слететь с головы капюшон. Вода текла по лицу, ноги увязали в грязи, я еле тащилась, но тащилась, сама не зная куда.

Вдруг дождь неожиданно закончился, как будто кто-то сверху выключил злополучный кран. Стало невыносимо жарко и душно. Я сбросила плащ, тщательно стряхнула с него дождевую воду и свернула плащ изнанкой наружу, потом – руликом, после чего впихнула плащ в сумку. Сумка была сухой, потому что тоже пряталась под объемным плащом, больше похожим на накидку.

После чего приложила ладонь козырьком ко лбу и обзрела окрестности. Ни проезжих дорог, ни тропинок я не заметила. Кругом одно поле, мокрое и неприглядное со слегка прибитыми к земле полевыми цветами.

Я критически оценила свои кроссовки с налипшей на них грязью, подергала по очереди ногами, как животное, сделавшее свое дело, и с печалью вздохнула – куда же дальше идти. С ориентацией на местности у меня всегда были проблемы. Который час мне было неизвестно, мох на деревьях мне никак не поможет по причине отсутствия оных – и мха, и деревьев. В метрах десяти высился здоровенный валун, к нему я и двинула, чтобы посидеть, отдохнуть, собраться с мыслями. Только я на него приземлилась, как сразу же рядом пристроился здоровенный ворон с опасным клювом, согнутым вниз на кончике. Ворон каркнул во все свое воронье горло и принялся меня рассматривать, склонив голову набок. Живые глаза-бусинки смотрели на меня с неприятием.

- Здравсти, - вежливо поздоровалась я, тушуясь под его взглядом, желая разбавить гнетущую тишину.

- Пррривет, - по-человечески ответил ворон, а я едва не свалилась с большого камня, на котором мы оба сидели.

Ворон замахал крыльями, создав вокруг меня вихревой поток, но не взлетел и не исчез из вида, хотя, мне этого очень хотелось, несмотря на то, что он был одним живым существом в обозримом пространстве.

- Как поживаете? – выдавила я из себя, чуть отодвигаясь от опасной птицы.

- Пррррекрррасно! – воскликнула птица и вкрадчиво добавила, - а ты, я гляжу, не очень.

- Дак, это, заблудилась я.

- Заблудилась, значит, - с ноткой превосходства высказался ворон.

- Вы мне поможете выбраться? – спросила я, догадавшись, что это в его силах – раз он торжествует.

- Помогу, как не помочь, - тотчас согласился он, оставив в моей душе толику подозрений касательно его хитрости и коварства: слишком быстро согласился. Опять же взгляд - не добрый, скажем так.

Ладно, посмотрю, что будет дальше, от помощи отказываться не стану.

Откуда ни возьмись появился клубок ниток, ворон сунул мне в руки клубок, а клювом взялся за конец нити. Тут же взлетел, набрал высоту - метра три, не более, и, помахивая крыльями, направился в путь. Сначала я крепко сжимала клубок ниток, тормозя движение поводыря, потом сообразила ослабить хватку, и клубок задвигался в моих руках, а я поспешила в указанном направлении. Двигалась я спешно, с трудом поспевая на вороном, который все отдалялся и отдалялся от меня, но благодаря клубку я не теряла связи с ним. Ко всему опять сгустились тучи, солнце занырнуло за них, но дождь не спешил поливать все живое и неживое. Видно, сжалился надо мной.

Темнота сгруппировалась вокруг меня, моего поводыря видно не было, но клубок жил своей жизнью, успокаивая тем фактом, что меня не бросили, не оставили в беде. О хитрости и коварстве ворона я уже не думала, целиком полагаясь на него.

Передо мной неожиданно выросла гора, которую я ранее не заметила. Ворон уже сидел у основания горы, заведя меня, он выпустил конец нити из клюва, а я выронила из рук клубок, который подкатился к лапам птицы-поводыря. Птица отпихнула лапой клубок, тот исчез из вида.

- Мы пришли? - робко поинтересовалась я, осматриваясь.

- Вот вход в пещерру, там перрррночуем, а поутру двинем дальше, - сообщил мне каркун.

- Другого выхода я не вижу, - успокоила я саму себя.

- Боишься темноты? Не бойся, сррразу при входе ты найдешь свечу и спички.

Я кивнула и сделала пару осторожных шажков к пещере.

- Ну-ну, - подбодрил меня ворон, - не тушуйся, все будет как надо.

- Кому надо? – спросила я, продолжая движение. Ворон ничего не ответил.

Вот я уже в пещере, вот я ищу свечу и спички. И не нахожу. Продолжаю водить руками по каменным выступам. Мне что-то попадается по руку, я пытаюсь рассмотреть в слабом свете, падающем от входа, но свет неожиданно меркнет. Я оборачиваюсь и понимаю, что никакого входа-выхода из пещеры нет. Словно и не было.

- Эй, ты слышишь меня! – закричала я, на ощупь двигаясь в обратном направлении. – Эй, слышишь? Ты где? Я хочу выйти, помоги мне!

Видимо, ворон привел в действие какой-то механизм, а механизм, в свою очередь, захлопнул ловушку. Птичка в клетке. Это я о себе.

Недаром я не доверяла ворону с самого начала. Но несмотря ни на что, пошла за ним.

- Дура, дура, дура.

- Дуррра! – подтвердил знакомый голос. По всей видимости, вход не закрывался герметично, поэтому я могла его услышать.

- Выпусти меня, пожалуйста, - заканючила я. – Что я тебе такого сделала?

- Я тебя не выпущу, ты сгинешь в этой пещерре и никто тебя не спасет!

Я стала задыхаться и...

... И проснулась. Сразу сообразила, что спала, уткнувшись носом в подушку, отсюда и нехватка воздуха. Потом раздался звонок в дверь. Пришла соседка выяснять отношения.

Добравшись до места, я отпустила Михалыча, подошла к калитке, заметила кнопку звонка и нажала на нее. Пока хозяйка не предстала перед мои тревожные очи, я успела через щелевой забор оценить милый двор с большим количеством цветущих роз. С розами соседствовали более подходящие времени года октябрины и хризантемы. Среди пожелтевшей листвы на ветвях деревьев красовались поздние яблоки.

Калитка распахнулась, и я увидела перед собой невысокую женщину с короткой стрижкой каштановых волос, с выразительными карими глазами, вздернутым носом и мягкими губами. Не так чтобы тучная, но фигуристой ее точно не назовешь.

- Здравствуйте, меня зовут Аксинья Даниловна, я...

- Я о вас слышана, - перебила меня хозяйка дома, распахнула калитку шире и отошла в сторону.

Я не стала себя уговаривать и зашла на чужую территорию.

- Какие у вас красивые цветы, - сказала я, чтобы что-то сказать. Весь свой пыл с азартом я вмиг растеряла. Тоже мне - медиум на доверии.

- Я обожаю цветы!

Надо было купить ей каких-нибудь заморских семян или энциклопедию цветов, - запоздало подумала я, но вручила свои подарки.

- Я как раз только что заварила чай с травками. Сейчас будем чаевничать и разговаривать. Я рада, что вы пришли.

Мы прошли по дорожке, поднялись по ступенькам и оказались в доме.

Из небольшой прихожей сразу бросалась в глаза светлая кухня с хорошей мебелью и круглым столом, накрытой веселенькой скатертью. Дверь в комнату была прикрыта, но оставалась узкая щель. Я уловила в комнате какое-то движение – то ли половица скрипнула, то ли стул

пришел в движение под действием, к примеру, домашней живности. Я надеялась, что кот протиснется в щель, и я его рассмотрю, похвалю - польщу хозяйке.

- У вас очень уютно, - улыбаясь, проговорила я и присела на предложенный мне стул – спиной ко входу. Мне хотелось сесть лицом ко входу, но перечить хозяйке я не стала.

Закипел чайник, Елизавета Карловна разлила чай, выставила на стол принесенное мною печенье и свои пирожки.

- Я яблочками, - пояснила она, - угощайтесь.

- Я пришла поговорить об Алёне, - на всякий случай сообщила я. – Хочу понять, что она была за человек, какие отношения у них были с Русланом.

- Жаль ее, молодая совсем была. Я всю жизнь проработала фельдшером на скорой, потом вышла на пенсию и перебралась сюда. Узнала, что в коттеджном поселке можно найти подработку... В общем, устроилась в дом Подопригора. Алёны еще в помине не было... Потом Алёна появилась. Мы с ней сразу, не скажу, что подружились, но сошлись. Обо всех проблемах мне было известно. Когда у Алёны начались проблемы со здоровьем, она все по мануальщикам ходила, а я ей говорю, вы бы к кардиологу сходили, сердце проверили. А она стоит на своем - сердце не болит, ущемление в позвоночнике. Я не стала спорить и уговаривать – дело житейское, пусть как хочет, так и поступает.

- Почему Алёна к вам не прислушалась, у вас же большой опыт?

- Молодежь нынче грамотная пошла, - без доли осуждения сказала Швед, - лечатся по Интернету, без него никуда... Вы чай пейте. Хорош чаек?

- Очень вкусно. Что за трава в нем?

- Разная, - пространно ответила хозяйка. – У меня бабка была местной знахаркой, лечила всех травками, сама собирала в лесу и меня кое-чему успела научить... Аксинья Даниловна, вы хорошо себя чувствуете?

Лицо хозяйки то пропадало, то появлялось вновь. Стены кухни медленно вращались вокруг меня.

- Как-то мне нехорошо, - с трудом ворочая языком, проговорила я, откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. С закрытыми глазами было еще хуже.

- Это действие чудесной травы, - самодовольно объяснила Швед. – Теперь мы можем поговорить. – Вот и Алена любила пить мой специальный чай. Так постепенно и заработала болезнь сердца. А все почему? Потому что заняла чужое место! Место моей любимой дочурки...

- Вашу дочь зовут Элина? – вяло отреагировала я, с трудом пытаюсь рассмотреть лицо своей визави.

- Гляди ты, догадалась! – восхитилась женщина. – Ее зовут Эллина – два «л». Муж мой покойный ее так назвал. Так и не узнал, что дочь была ему не родной. Я ее родила от Никитки Яловича, друга его разлюбезного. Да, Эллина сводная сестра Алёны по отцу. Девочки очень похожи, но моя Элька красивее! Именно она должна была стать женой Руслана, а не Алёна. Не успела я повернуть дело со свадьбой, вдруг Алёна нарисовалась. Ну, думаю, уйдет она в мир иной, Руслан погорюет-погорюет, а потом познакомится с Элькой и влюбится в нее. Где там! – отмахнулась она, - говорит, никогда больше не женюсь, никогда Алёну не предаю! Вот так! Что делать? Пришлось его попугать немного. Так я все обставила, что он постепенно пришел к выводу: нельзя ему одному, никак нельзя, а то покойная супруга так и будет шастать по дому.

- Что-то подобное я и предполагала.

- Ишь, ты умная какая! И где ты взялась на мою голову! Из-за тебя еще один грех придется на душу взять!

- Так это ваша дочь была любовницей Игоря Кардюкевича? Это она вышла из его машины перед взрывом? - плохо выговорила я, но соображала пока вполне. Вот только конечности меня не слушались, как я не уговаривала себя покинуть этот дом, сдвинуться с места не могла.

- Вечно ее тянуло на плохих парней! - мягко возмутилась мамаша необыкновенной красавицы, достойной стать женой Руслана. Или он был достоин ее. Впрочем, сути коварного дела это не меняет. - Но тот взрыв стал для нее уроком – в другой раз так не повезет. Но ты не думай о ней плохо, в смерти Игоря ее вины нет.

- Ваша дочь даже тату сделала? Такую же, как у покойной Алёны?
- Не тату это вовсе! Зачем ей эта чайка? Никак нельзя ей с тату, иначе Руслан обо всем догадается... Баловство это, а не тату. Но для дела необходимо.
- Раз вы со мной так откровенны, то я могу заключить, что... - в горле сильно пересохло, язык распух и едва помещался во рту. Передо мной стояла чашка с недопитым чаем, я хотела допить чай и разом покончить со своей глупой жизнью, но не могла дотянуться до чашки. Руки безвольно лежали на коленях. - Из этого я могу заключить, - продолжила я, - что живой мне отсюда не выбраться.
- Правильно мыслишь! - в очередной раз похвалила меня.
- Но у меня есть свидетель... Сюда меня доставил один мой знакомый, если его спросят, он подтвердит...
- Что он подтвердит? Что привез тебя ко мне? А я скажу, что мы с тобой поговорили, и ты уехала. Я шмотки твои надену, такси вызову, водитель меня доставит прямехонько до твоего дома! Будет он меня рассматривать, сдалась я ему больно, старуха. Я о тебе, Аксинья, знаю больше, чем ты думаешь. Гоооораздо больше. Вот спрашивается, зачем ты влезла в чужую игру? Кто тебя просил?
- Руслан просил.
- А ты что о себе возомнила?! С чего ты взяла, что можешь ему помочь?
- Я...
- Ой, молчи, я наперед знаю, что ты скажешь, - отмахнулась Елизавета Карловна, сверкая злыми глазами. Но быстро сдулась, расправила складки на фартуке, пригладила волосы и с напускным сожалением сообщила, - вот теперь тебе придется расплачиваться.
- Я скоро... умру?
- Торопишься?
- Не хочу мучиться, уж лучше сразу.
- Не спеши, всему свое время, - пространно ответила она, что-то увидела в моих глазах и конкретизировала, - всё зависит от твоего организма.

Посидишь в подвале, подождешь свою смерть... Будет конец, будет, не сомневайся.

Я не хотела видеть эту страшную женщину. Лучше сидеть в подвале.

- Эля, доченька, иди сюда, - позвала хозяйка.

В кухне появилась девушка. Действительно, красивая, но без симпатии. На таких посмотришь, отвернешься и поспешишь отдалиться, чтобы не промерзнуть до костей - таким холодом от нее веет.

Или я ошибаюсь? Мне только кажется, что девушка наделена холодной красотой, без душевности? Нет, я права, в ее груди бьется сердце, не способное кого-то любить. В голове одна материальная выгода, самолюбование, и вбитая матерью молотком необыкновенность.

- Помоги мне, дочка, довести ее до подвала.

Две женщины взяли меня за руки с двух сторон и куда-то повели. Ноги заплетались, но шли.

Я отдалась чужой воле. В голове шумело, сердце билось с перебоями. Мне казалось, что я уже умерла.

Дура я, дура, надо было делать выводы после сна с вороном, который заманил меня в ловушку. Сейчас меня закроют в подвале, я стану тихо ждать смерти, не в состоянии позвать на помощь.

Олег... Почему я не призналась ему в своем чувстве? Я хочу, чтобы он знал... Поздно. Всё уже поздно... Я умираю. Или уже умерла...

Нет, я еще могу передвигаться. Я еще не в темноте подвала-подземелья...

Вдруг одно обстоятельство вернуло меня в действительность, цепко выхватив из лап надвигающейся смерти.

Мужские голоса. Потом женские. Женщины верещали и что-то доказывали.

Олег. Он следил за мной. Он здесь. С ним кто-то еще... Они меня спасут...

Больше я ничего не слышала... Больше я ни о чем не думала...

Мою руку уложили в мягкую вату. Мне было приятно и комфортно.

-... Я давно хотел тебе это сказать, но ты мне не позволяла, всегда переводила разговор на другое, - услышала я голос Олега, который до этого успел что-то сообщить, но я запоздала с возвращением.

Разлепив тяжелые веки, я увидела обеспокоенное лицо Олега Шелудякова. Он сжимал мою ладонь своими теплыми мягкими руками.

- Что ты хотел мне сказать? - осипшим голосом спросила я.

Олег от неожиданности дернулся и тут же расцвел майским цветом:

- Ты пришла в себя. Господи, спасибо тебе... - возвел он очи вверх. С заботой спросил, - как ты себя чувствуешь, Ксю?

- Будто бы неплохо, - подумав, сообщила я и с трудом улыбнулась.

- Я хотел тебе сказать, что люблю тебя. Полюбил с первого взгляда, там на улице, когда ты спасла Верочку.

- А как же Алла?

- При чем здесь Алла? – недоуменно спросил мужчина.

- Но я думала...

- Ты неправильно думала.

- Я... Я не знаю, что сказать.

- Правду.

- Я тоже тебя люблю.

Олег отвернулся и мне показалось, смахнул слезу. Быстро справился с чувствами и душевно произнес:

- Ты поправишься, и мы отправимся в путешествие. Согласна?

- Только не на самолете, - выпалила я, округлив глаза.

- Как скажешь, дорогая...

Заключение

Леночка Никифорова оказалась в психиатрической клинике по собственной дурости, увы, не редкой среди молодежи: неудачная попытка суицида из-за неразделенной любви. Леночка несколько месяцев встречалась с Вадимом, чувства были взаимными и серьезными – на всю жизнь, так ей казалось, а Вадим откровенно врал. Когда ему подвернулась более богатенькая наследница, некрасивая и кривоногая, он переметнулся на нее, сразу забыв о якобы любви к Ленке и своих жарких обещаниях. Ленка пыталась вразумить и Вадима, и страшилищу кривоногую, но те над ней только посмеивались. Тогда дошедшая до крайней черты Никифорова решила им доказать, что они поступили с ней подло и будут расплачиваться за нанесенную обиду до конца своих дней.

Леночка выжила, оказалась в психиатрической клинике с перевязанными бинтами запястьями. Чувствовала она себя неплохо, о своем поступке сожалела. Главный врач, друг детства ее отца, уважаемого в городе человека, бизнесмена и мецената, обещал выписать ее на днях, все предпосылки для этого есть.

Вадим ни разу не позвонил, не покаялся. Ленка старалась о нем не думать, но от любви, как известно, в один миг не избавишься, нужно время.

Справиться с собственными переживаниями всегда помогают захватывающие рассказы, во время которых забываешь обо всем.

Так вышло и с Леночкой Никифоровой, которая внимала повествованию еще одной пациентки психиатрической клиники, открыв рот. Когда та подвела черту под своим рассказом, девушка протянула:

- Чудеса.

- Чудеса – не чудеса, но все события произошли на самом деле, - с мягкой улыбкой произнесла Аксиныя Даниловна Кутепова.

Из лечебного корпуса вышла санитарка тетя Зина, громогласная толстая тетка, заботливая и терпеливая. Заметив Леночку и Аксиныю Даниловну, сидящих на скамейке в тени раскидистой ивы, она направилась к ним, переваливаясь на ходу, как уточка.

- Лена, тебя зовет главврач, - сообщила она Никифоровой. Та вскинула на нее вопрошающий взгляд и недоверчиво прошептала:

- Неужели выписывают?

- Сегодня будешь ночевать дома, за тобой уже и папенька приехал.

Ленка вскочила со скамейки и скорым шагом направилась к зданию. Но сразу вернулась, дотронулась до руки Кутеповой и с лаской в голосе сказала:

- Выздоровливайте, Аксинья Даниловна.

- И тебе всего хорошего, Леночка, - ответила женщина и накрыла ее руку своей рукой.

Девушка не сдержалась, наклонилась и поцеловала ее в щеку.

- Прощайте.

- Прощай, Леночка.

Вместе с тетей Зиной они двинулись по дорожке, выложенной тротуарной плиткой. Лена шла не спеша, чтобы тетя Зина попевала за ней.

- Вот бывают же такие чудеса в жизни, - высказалась Лена, еще не опомнившись от рассказа Кутеповой.

Тетя Зина остановилась и оглянулась назад.

- Лен, ты правда ей поверила? - шепотом спросила санитарка.

- Ну, да, - кивнула Лена, которой тоже пришлось замереть. - Ее рассказ выглядит правдоподобным.

- Аксинья больной человек, хотя, и кажется вполне нормальной. Она всё сочиняет.

- Как это, сочиняет?

- Кроме того, что у нее были мать и две ее сестры, родные тетки нашей Аксиньи, все остальное одно сочинительство.

- А квартиры? Три унаследованные квартиры?

- Всю жизнь все четверо прожили вместе, в старом доме на тихой улочке. Аксинья никогда не была замужем, про таких говорят – старая дева. Ее мать и тетки умерли в один год, конечно, Аксинью череда смертей сильно потрясла. Оглянулась, нет ни подруг, ни друзей, ни

родственников. Она, Акси́нья-то, не буйная, у нее тихое помешательство, как я сама говорю, без всяких научных диагнозов. Могла бы жить дома, если бы за ней был надлежащий уход. А так, пришлось ей продать дом, вырученные деньги ушли на оплату частной психиатрической клиники.

- Но вы сами сказали, тетя Зина, что дом был старенький, надолго ли тех денег хватит. Мой папа мог бы...

- Хватит ей тех денег, еще и останется, - не дала ей договорить Зинаида. – У Акси́ньи неоперабельная онкология, ей осталось месяца три-четыре, максимум – полгода.

- Ужас какой, жалко-то ее как, - всхлипнула Леночка.

- Ничего не поделаешь, - вздохнула женщина, так и не привыкшая к чужому горю.

Лена хотела вернуться к Кутеповой, сказать какие-то теплые слова, проделала половину пути, но остановилась.

Акси́нья Даниловна сидела рядом с новой пациенткой, Анной Федоровной, своей ровесницей, и говорила:

- Все-таки деньги дают свободу. Чем больше денег, тем лучше, тем жизнь прекрасней и вольготней, чем меньше, тем... В общем, сами знаете, Анна Федоровна, или догадываетесь.

Ответ ей был не нужен. Она снова настроилась за захватывающее повествование с участием прежних персонажей.

Лена Никифорова без труда догадалась, что интригующее повествование закончится словами: «Как скажешь, дорогая...»

Постояв в сторонке и понаблюдав за двумя женщинами на скамейке, Ленка нашла в себе силы развернуться и отправиться в кабинет главного врача...

Когда они с отцом ехали домой на автомобиле, отец что-то живо ей рассказывал, а она почти не слушала и размышляла: если на ночь спросить, вернется ли ко мне Вадик, ответ придет во сне?..

Апрель – октябрь 2020г.